1/10 Хр. к. № 8282.
Ист. № 812.

1870.

ТРЕХСОТЛѢТІЕ ВОЙСКА ДОНСКАГО

1570—1870 г.

ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРІИ ДОНСКИХЪ КАЗАКОВЪ.

СОСТАВИЛЪ

А. САВЕЛЬЕВЪ.

Изданіе Донскаго Войсковаго Статистическаго Комитета.

ИМПЕРАТОРСКОЕ ОБЩЕСТВО • РУССКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ
ЗИОН 24

А4 1/10
А4/34.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1870.

Цет 842.

ТРЕХСОТЛѢТІЕ ВОЙСКА ДОНСКАГО

1570—1870 г.

ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРІИ ДОНСКИХЪ КАЗАКОВЪ.

СОСТАВИЛЪ

А. САВЕЛЬЕВЪ.

717

Изданіе Донскаго Войсковаго Статистическаго Комитета.

ОБЩЕСТВО ИМПЕРАТОРСКОЕ РУССКОЕ ТЕОГРАФИЧЕСКОЕ
ЗАПИСКИ

А4 4/24

А4 1/10

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1870

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ М. О. ВОЛЬФА (СПБ., ПО ФОНТАНКѢ, № 59)

АТАМАНУ ВСѢХЪ КАЗАЧЬИХЪ ВОЙСКЪ,

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ

ГОСУДАРЮ НАСЛѢДНИКУ ЦЕСАРЕВИЧУ,

АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ,

съ благоговѣніемъ посвящаетъ авторъ

ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО

АВГУСТѢЙШІЙ АТАМАНЪ!

Исполнилось трехсотлѣтнее существованіе войска Донскаго—одного изъ старѣйшихъ русскихъ войскъ. Въ этотъ знаменательный для каждаго донца день, я осмѣливаюсь всеподданнѣйше посвятить мой посильный трудъ имени Вашего Императорскаго Высочества, какъ Атамана всѣхъ казачьихъ войскъ. Еще недавно войско Донское имѣло счастіе принимать у себя, въ войсковомъ кругу, Ваше Императорское Высочество,—какъ своего Атамана, и Вашу Августѣйшую Супругу,—какъ свою Атаманшу. Ваше Императорское Высочество удостоили посѣтить тѣ мѣста, которыя полны историческихъ воспоминаній. Здѣсь былъ центръ не только Донскаго, но и всего Великорусскаго казачества; здѣсь нѣкогда собирался казачій кругъ думать и промышлять о царскомъ дѣлѣ; отсюда разсылалъ онъ увѣщательныя граматы своимъ собратьямъ, оберегателямъ Русской державы, Волжскимъ, Терскимъ, Гребенскимъ и Яицкимъ казакамъ, чтобы они «служили и прямили великимъ государямъ безъ всякой шатости». Покровительствуемое и жалуемое русскими царями войско Донское, изъ Черкасскаго городка выходило на легкихъ стругахъ въ «Святое» море, а пѣшею и конною ратью въ глубь татарскихъ степей—ширить и закрѣплять русское владычество на морѣ и на сушѣ. Съ черкасскихъ раскатовъ часто гремѣли вѣстовыя пушки и былъ на Дону общій «сполохъ» отъ внезапно появившагося непріятеля. И тѣ самыя, мирныя, цвѣтущія станицы, которыя съ неподдѣльнымъ восторгомъ принимали Ваше Императорское Высочество, не болѣе какъ

сто лѣтъ тому назадъ, не разъ пылали заревомъ пожаровъ и пустѣли отъ татарскихъ погромовъ. Тѣ самыя привольныя донскія степи, гдѣ теперь мирно развивается сельская жизнь, были изборождены татарскими сакмами, воровскими шляхами. Здѣсь шла трудная, вѣковая борьба съ татарщиной; здѣсь казаки удерживали напоръ азіятскихъ ордъ не въ крѣпкихъ замкахъ, не за стѣнами отсиживались они, а въ широкихъ степяхъ своею грудью загораживали русскія земли отъ татарскихъ набѣговъ и тѣмъ самымъ давали время и возможность расти и укрѣпляться по Руси земскому строенію. Изъ Черкаска разсылались по Дону войсковыя граматы и все войско Донское въ нѣсколько дней становилось въ поголовное ополченіе, шло туда, куда указывала царская воля и откуда угрожала Россіи опасность, и всюду, гдѣ бились русскія войска съ врагами Россіи, тамъ были и Донцы «не дремлющимъ окомъ» русскихъ армій. Но времена перемѣнились. «Тихій Донъ Ивановичъ» сталъ тихимъ не по одному названію только. Наступила пора развитія на Дону мирной гражданской жизни, но, въ то же время, войско Донское, не измѣняя преданіямъ своихъ предковъ, по первому царскому призыву встанетъ грозною военною силою, и какъ изъ столѣтія въ столѣтіе переходилъ и раздавался заздравный кликъ «всевеликаго» войска Донскаго, такъ долго еще онъ будетъ жить между Донцами: «Да здраствуетъ Царь-Государь въ Кременной Москвѣ, а мы казаки на Тихомъ Дону!»

ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА

вѣрноподданный

Андроникъ Савельевъ.

При составленіи предлагаемаго сочиненія я имѣлъ цѣлью представить, въ общихъ очеркахъ, главнѣйшія событія изъ 300-лѣтней жизни войска Донскаго, по имѣющимся историческимъ актамъ и отдѣльнымъ изслѣдованіямъ исторіи Дона. При этомъ я обращалъ вниманіе только на тѣ событія, которыя происходили на территоріи войска Донскаго, слегка касаясь военныхъ дѣйствій казаковъ за предѣлами войска. При выборѣ фактовъ изъ историческихъ матеріяловъ и при группированіи ихъ, я преимущественно имѣлъ въ виду тѣ факты, которые, такъ или иначе, служатъ для характеристики внутренняго быта и управленія Донскаго войска въ данную эпоху. Такъ при обзорѣ перваго столѣтія существованія войска я не касаюсь такихъ общеизвѣстныхъ событій, какъ покореніе Сибири Ермакомъ, участіе казаковъ во время самозванщины и смутнаго времени, бунта Разина за предѣлами войска Донскаго; но за то подробно останавливаюсь на описаніяхъ пріема царскихъ пословъ и ихъ пребыванія на Дону, на главнѣйшихъ событіяхъ изъ войнъ казаковъ съ татарами и турками, на рѣшеніяхъ казачьяго круга и его отпискахъ въ Москву. Во второмъ столѣтіи главный интересъ исторіи Донскихъ казаковъ сосредоточивается на ихъ безпрерывной борьбѣ съ ногайскими, кубанскими и горскими татарами. Но здѣсь же мною изложено, въ краткихъ очеркахъ развитіе власти войсковаго атамана и старшинъ, появленіе раскола, устройство духовныхъ дѣлъ и возникновеніе крестьянства на Дону. Точно также и изъ третьяго столѣтія я обратилъ вниманіе преимущественно на такіе эпизоды, которые характеризуютъ внутренній бытъ войска въ это время. Здѣсь говорится о переселеніи казачьихъ семействъ на Кубань, Терекъ, Лабу и Сунжу, о станичномъ самоуправленіи и, въ особенности, о главнѣйшихъ измѣненіяхъ въ войсковомъ управленіи и о преобразовательныхъ работахъ комитетовъ 1819 и 1860 годовъ.

Главнѣйшіе источники и пособія, которыми я пользовался при составленіи моего сочиненія, суть слѣдующіе:

1) Выписки изъ историческихъ актовъ, собранныхъ въ Московскомъ государственномъ архивѣ, приложенныя въ видѣ примѣчанія къ составленному въ 20 гг. историческому описанію войска Донскаго.

2) Матеріалы для исторіи войска Донскаго. Граматы. Новочеркаскъ. 1864.

3) Хранящіеся въ Донскомъ Статистическомъ Комитетѣ, еще не изданные, историческіе акты, касающіеся событій изъ исторіи войска Донскаго отъ 1700 до 1750 годовъ.

4) Хранящіеся въ Донскомъ Статистическомъ Комитетѣ акты, собранные изъ станичныхъ архивовъ, членомъ комитета Х. И. Поповымъ.

5) Историческіе матеріалы, помѣщенные въ 1-мъ выпускѣ трудовъ Донскаго Статистическаго Комитета.

6) Опись актамъ и запискамъ, собраннымъ въ архивахъ донскомъ, крѣпости св. Дмитрія, азовскомъ, таганрогскомъ, новохоперскомъ и астраханскомъ.

7) Историческое сказаніе о Верхне-Курмоярской станицѣ. Е. Кательникова.

8) Неофиціальная часть Донскихъ войсковыхъ вѣдомостей, гдѣ разновременно помѣщались матеріалы для исторіи войска Донскаго.

9) Сказаніе о Донскихъ казакахъ, Ригельмана.

10) Исторія возмущенія Стеньки Разина, А. Попова.

11) Бунтъ Булавина, Соловьева.

12) Біографія Атамана Данилы Ефремова, Х. Попова.

13) Паденіе Атамана Ефремова, изъ «очерковъ Дона» Филонова.

14) Оренбургскій походъ — его же.

15) Донцы, соч. Мих. Сенюткина.

16) Полное собраніе законовъ Россійской Имперіи.

17) Статьи, касающіяся исторіи, управленія и статистики Донскаго края, разновременно напечатанныя въ мѣстныхъ изданіяхъ.

При ограниченности тѣхъ матеріаловъ, которыми я пользовался, въ моемъ трудѣ, безъ сомнѣнія, встрѣтятся многіе пробѣлы, неполнота и отрывочность въ изложеніи, такъ какъ я не имѣлъ подъ руками весьма многихъ историческихъ актовъ, касающихся тѣхъ или другихъ событій изъ исторіи войска Донскаго. *А. Савельевъ.*

ИМПЕРАТОРСКОЕ ОБЩЕСТВО ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ
3 ІЮН 74

ПЕРВОЕ СТОЛѢТІЕ.

1570—1670 г.

И дана имъ на Дону жить своя воля... А ежелибъ вамъ воли своей не было и они бы на Дону служить не послушны быть не учали, и только бъ де они Донскіе казаки не укрѣпились бы, и не были бъ давно въ подданствѣ за московскимъ царемъ Казанское и Астраханское царствы съ городами и землями во владѣтельствѣ".

(*Котошихинъ стр. 107*).

На Дону-то живутъ, братцы, люди вольные,
Люди вольные, все Донскіе казаки.

(*Донская народная пѣсня*).

Первая царская грамата Донскимъ казакамъ. — Посольство Нащокина и его пребываніе на Дону.— Посольство Соловаго Протасьева. — Первое царское знамя, пожалованное войску Донскому. — Посольство Мансурова. — Посольство Кондырева и Бормасова. — Посольство Князя Бѣлосельскаго.— Убійство посла Карамышева. — Казаки оберегаютъ Русскія украины. — Взятіе Азова. — Азовское сидѣнье. — Поэтическое сказаніе объ Азовскомъ сидѣньи. — Стѣсненное положеніе казаковъ. — Появленіе Разина. — Отношеніе главнаго Войска къ бунту Разина. — Взятіе Разина въ Кагальницкомъ городкѣ. — Проститѣльная царская грамата.

Еще въ 1549 г. извѣстенъ былъ на Дону нѣкто Сары-Азманъ, который устроилъ въ трехъ, четырехъ мѣстахъ городки, и дѣлалъ нападенія на ногайскихъ татаръ. Въ это время ногайскіе люди ходили къ Москвѣ съ торгомъ и, когда шли назадъ, на нихъ напали казаки *Севрюки*, которые на Дону стояли, причемъ однихъ побили и куны ихъ взяли, а другихъ повели къ русскому царю. На жалобы ногайскаго Юсуфа, Іоаннъ отвѣчалъ, что эти холопи его въ Русской землѣ многое лихо учинили и убѣжали на поле. Спустя полтора года султанъ турецкій уже жалуется, что русскій царь Иванъ все поле и рѣки у него поотымалъ, отнялъ Донъ, и всю волю въ Азовѣ, казаки же царя Ивана съ Азова оброкъ берутъ, воды изъ Дону пить не даютъ и крымскому царю дѣлаютъ великія обиды.

Въ началѣ 1570 г. Іоаннъ Грозный прислалъ на Донъ свою грамату, которая считается первою по времени и съ которой начинается признанное московскими царями существованіе войска Донскаго. Послу Новосильцеву, отправленному въ Крымъ, поручалось передать эту

грамату атаманамъ и казакамъ, которыхъ найдетъ онъ на Дону, и уговаривать ихъ служить государю и его, Новосильцева, въ царскихъ дѣлахъ слушать во всемъ. Въ то время,—какъ говорилъ турецкій султанъ,—казаки жили Азовомъ, а Азовъ казаками: они ежегодно приходили подъ городъ, разоряли его, брали плѣнныхъ, и все это дѣлали безъ царскаго указа и вѣдома. Въ граматахъ турецкому султану, въ отвѣтъ на его жалобы на казаковъ, московскіе цари обыкновенно говорили: „Донскіе казаки не по нашему велѣнью живутъ, бѣгая изъ разныхъ земель нашего государства и изъ Литовской земли, и всякія мирныя и бранныя дѣла у нихъ дѣлаются безъ нашего вѣдома; мы сами по всѣмъ своимъ украинамъ заказали, что если Донскіе казаки будутъ приходить въ украинскіе города, то чтобы ихъ ловили и казнили смертію. А что близъ Азова живутъ казаки, то тѣ тоже бѣглые люди, они тамъ живучи и постарѣлись. Ссоры же между азовцами и казаками бываютъ отъ того, что азовскіе, крымскіе и ногайскіе люди ходятъ на наши земли, берутъ въ плѣнъ и увозятъ въ Азовъ, казаки же этого не могутъ терпѣть и сами приходятъ на нихъ войною“. Но въ это же время донскіе атаманы и казаки *служили* Московскому государству въ другихъ мѣстахъ. Въ 1576 году они были въ *гудовой* рати, учрежденной Іоанномъ на Волгѣ, сражались подъ стѣнами Казани и Астрахани, а въ 1584 году донской атаманъ Ермакъ Тимофѣевичъ билъ челомъ Іоанну Грозному цѣлымъ царствомъ Сибирскимъ. Преданіе говоритъ, что Іоаннъ Грозный за службу Ермака пожаловалъ Донскимъ казакамъ грамату на вѣчное владѣніе Дономъ, что грамата эта хранилась казаками какъ святыня до времени Петра Великаго. Народная же пѣсня поетъ, что въ отвѣтъ на челобитье Ермака сказалъ ему Грозный царь:

Ой ты гой еси, Ермакъ сынъ Тимофѣевичъ,
Ой ты гой еси, войсковой Донской Атаманушка,
Я прощаю тебя да и со войскомъ твоимъ,
Я прощаю тебя да и за твою службу,
За твою-то ли службу, мнѣ за вѣрную,
И я жалую тебя, Ермакъ, славной тихой Донъ.

Въ 1592 году царь Ѳедоръ Ивановичъ отправилъ въ Константинополь своего посланника, Григорія Нащокина, съ которымъ была послана на Донъ грамата о томъ, чтобы казаки съ Азовомъ жили мирно, задору бы не дѣлали и какіе у нихъ есть на рукахъ плѣнники изъ Азова, то чтобы они ихъ отпустили безъ выкупу; затѣмъ проводили бы Нащокина до Азова и ждали его возвращенія въ Раздорахъ, и отъ Азова проводили до Ряжскаго городка, межъ собою городъ отъ города. „Если же“, писалъ царь, „крымскіе и ногайскіе люди пойдутъ

на наши украины войною, или будутъ возвращаться съ полономъ, и вы бы, атаманы и казаки, тѣхъ людей подстерегали на Дону на перевозахъ и надъ ними промышляли, а мы васъ за вашу службу жаловать хотимъ и теперь посылаемъ вамъ селитру и свинецъ.“ Григорій Нащокинъ плылъ внизъ по Дону; ниже переволоку на него напали было черкесы, но были отбиты; здѣсь же встрѣтили его верховые атаманы и казаки и проводили въ нижніе юрты, въ Раздоры, гдѣ стояли въ сборѣ Донскіе казаки. Нащокинъ расположился станомъ въ трехъ верстахъ отъ Войска, на Гостиномъ островѣ, и потребовалъ къ себѣ атамановъ и казаковъ для государева дѣла. Но три дня казаки не приходили въ станъ Нащокина и запретили всѣмъ дѣлать тоже. Посланнаго отъ Нащокина хотѣли посадить въ воду, за то, что онъ имъ не доброхотствуетъ и *извязался* взять у нихъ плѣнниковъ. На четвертый только день пришли къ Нащокину 300 казаковъ. Имъ онъ передалъ царскую грамату. „Провожать тебя и служить государю мы готовы,“ говорили казаки, „полонянниковъ же намъ отдать нельзя: мы ихъ взяли своею кровью; они сами приходили на насъ и искали нашихъ головъ. А что нашу братью, атамановъ и казаковъ, берутъ въ полонъ азовскіе люди, то тѣхъ бросаютъ на уды, да на каторги сажаютъ и не только отдать даромъ, и на откупъ-то не отдаютъ.“ Затѣмъ казаки ушли въ кругъ, гдѣ читали царскую грамату всѣмъ вслухъ. По прочтеніи граматы, начался шумный говоръ о томъ, чтобы плѣнниковъ не отдавать; нѣкоторые же изъ казаковъ, пришедши къ Нащокину, говорили: „Прежде государь насъ жаловалъ и посылывалъ намъ граматы низовымъ лучшимъ атаманамъ поимянно, а потомъ всѣмъ атаманамъ и казакамъ, низовымъ и верховымъ; а нынѣ писано напередъ атаманамъ и казакамъ верховымъ, а послѣ намъ, низовымъ; то *не имянно:* верховые казаки государевой службы и не знаютъ“. Нащокинъ отвѣчалъ: „граматы писаны по прежнему, а напередъ написаны верховые потому, что они насъ провожали сверху Дона до низу. Вы же, атаманы и казаки, покажите государю свою службу, отдайте намъ полонянниковъ, государь вамъ велитъ за нихъ заплатить окупъ“. Казаки отвѣчали: „Полонянниковъ у насъ турской чеушъ, да 6 черкаскихъ князей; они оцѣнились дать за себя окупу 22,000, да поручныхъ за тѣхъ, которые безъ денегъ отпущены, 3,000, всего 32,000 золотыхъ. Если съ тобою тотъ окупъ присланъ, то мы ихъ отдадимъ, а безъ того намъ отдавать полонянниковъ нельзя. Пан этого окупа у насъ уже давно въ расходѣ; надѣясь на нихъ, мы занимали деньги и теперь въ большихъ долгахъ. Если мы теперь не возьмемъ окупа, то намъ не видать его и въ 10 лѣтъ, въ Москву же намъ за нимъ не ѣздить“.

Нащокинъ сталъ уговаривать каждаго атамана порознь, *разводя*, какъ онъ говоритъ, угрожалъ имъ царскимъ гнѣвомъ, но все было напрасно. „Если тебѣ",—говорили казаки,—„велѣлъ государь полонянниковъ отнять у насъ силою, то ты у насъ возьмешь ихъ изъ крови развѣ; мы лучше ихъ всѣхъ перебьемъ, а сами пойдемъ куда глаза глядятъ". Нащокинъ возражалъ: „Государь у васъ тѣхъ полонянниковъ силою не велѣлъ брать, а писалъ только вамъ, чтобы вы для нынѣшняго дѣла ихъ отдали. Отъѣздомъ же грозить государю непригоже, холопи вы государевы и живете на государевой вотчинѣ". На это казаки сказали: „чѣмъ же намъ жить на Дону, если и впередъ у насъ будутъ отнимать полонянниковъ безъ окупа". Затѣмъ, они уѣхали къ себѣ въ Войско, велѣли есауламъ гнать всѣхъ, какіе еще оставались около шатровъ посланника, и строго запретили всѣмъ ходить въ посольскій станъ. На четвертый день послѣ этого опять пришли къ Нащокину атаманы и съ ними человѣкъ сто казаковъ, которымъ онъ началъ говорить о плѣнныхъ и о мирѣ съ азовцами. Казаки опять возражали: „прежде сего для переговоровъ о мирѣ присылали къ намъ первые азовцы и намъ нынѣ противъ прежнихъ обычаевъ, самимъ первымъ говорить о мирѣ—не пригоже; къ тому же наши товарищи теперь на морѣ, а не дождавшись ихъ, намъ мириться нельзя". Нащокинъ отвѣчалъ: „если вы съ Азовомъ мириться не хотите, то значитъ вы не слушаетесь государева наказу; а я пойду въ Азовъ и безъ вашего миру".—„Надо объ этомъ поговорить въ Войскѣ", рѣшили казаки. Но здѣсь же приступили къ Нащокину съ требованіемъ: „дай намъ наказъ государевъ; мы узнаемъ—сколько государева жалованья намъ прислано". На это Нащокинъ возражалъ: „въ наказѣ многія государевы дѣла и просить его у насъ непригоже, а что съ нами прислано государева жалованья, мы то вамъ и отдадимъ. Прислано же вамъ и велѣно мнѣ дать лучшимъ атаманамъ по доброму сукну, инымъ по среднему, а остальнымъ всѣмъ сукна расловскія; селитру и свинецъ велѣно отдать на раздѣлъ всѣмъ атаманамъ и казакамъ, верховымъ и низовымъ".—„Какъ вы хотите раздавать сукно, разверстывать лучшимъ добрые, а рядовымъ средніе",—говорили казаки,—„у насъ большихъ нѣтъ никого, всѣ мы равны; мы сами раздѣлимъ на все войско, по чему достанется. Да и селитра прежде присылаема намъ была по *Верхніе Раздоры*, а верховыхъ атамановъ и казаковъ, которые выше Раздоровъ, съ нами не мѣшивали". Отправляясь для посольства въ Азовъ, Нащокинъ оставлялъ въ Нижнихъ Раздорахъ дворянина Петра Хрущова, съ тѣмъ, чтобы онъ съ казаками наблюдалъ на Дону и по Донцу, не пойдутъ ли крымскіе и ногайскіе люди войною на Русскія украйны, или съ полономъ съ украйны, и въ такомъ

случаѣ, нападать на нихъ и разбивать. Казакамъ такая опека видимо не понравилась. „Прежде сего“,—говорили они,—„мы служили государю, а чужихъ головъ у насъ не было, и нынѣ ради служить съ своими же головами, а не съ Петромъ“. Наконецъ, не кончивши ничѣмъ съ казаками, Нащокинъ рѣшился ѣхать далѣе, въ Азовъ. Узнавши объ этомъ, казаки прислали сказать ему: „Не спѣши идти въ Азовъ, покамѣстъ мы о мирѣ договоримся и пока наши товарищи съ моря придутъ, а если же пойдешь, то мы тебя не пропустимъ“. Черезъ недѣлю пришли ожидаемые атаманы Жигулинъ, Носъ, Кабанъ и др. съ казаками до 600 человѣкъ, *съ нарядным дѣломъ*, съ саблями и ручницами; остановились близъ посольскаго стана; а человѣкъ 30 изъ нихъ пришли къ шатру и опять потребовали, чтобы Нащокинъ показалъ имъ царскій наказъ. „Намъ вѣдомо“,—говорили они,—„что государева жалованья пришло не столько, сколько ты намъ далъ“. Нащокинъ опять отказался показать имъ царскій наказъ. Между казаками поднялся сильный шумъ, слышны были крики: „не дай только намъ государевъ наказъ, такъ мы все раздѣлимъ по *волосу*; все, что къ намъ прислано, мы возьмемъ и не въ счетъ жалованья; мы знаемъ, что селитры прислано 25 пудъ и свинцу столько же, а намъ выдали только 15 пудъ, да и сукна не всѣ выданы“. Нащокинъ отвѣчалъ казакамъ: „когда вы пришли грабить государеву казну, то мы помремъ прежде, а ее не отдадимъ вамъ. Правда, прислано вамъ 20 пудъ селитры, но изъ нихъ 5 пуд. верховымъ казакамъ, а съ вами въ войскѣ верховыхъ только 200 человѣкъ, остальнымъ же какъ не дать селитры?“ Но крики и шумъ между казаками увеличивались все болѣе и болѣе. Несмотря на угрозы и увѣщанія Нащокина, казаки пришли въ посольскій станъ и взяли весь, какой былъ, запасъ селитры и свинца; здѣсь же схватили казачьяго атамана Вышату Васильева, который провожалъ посла еще изъ Москвы, и, считая его измѣнникомъ Войску, били его *ослопами* передъ посольскими шатрами и затѣмъ, по казачьему суду, посадили въ воду“. Такія смуты между казаками Нащокинъ приписывалъ наущеніямъ атамана Ѳедора Хорошаго, который былъ при посольствѣ, но съ послѣдняго стана тайно уѣхалъ въ войско и началъ стоять съ казаками заодно.

Наконецъ, послѣ двухъ-недѣльной стоянки около Раздоръ, Нащокинъ двинулся далѣе къ Азову, въ сопровожденіи нѣкоторыхъ атамановъ и казаковъ. Въ Азовъ же явились казачьи атаманы, Воейковъ и Смирной, для договоровъ о мирѣ, гдѣ и цѣловали крестъ за всѣхъ атамановъ и казаковъ. По принятому обыкновенію, для закрѣпленія мира посланы были въ главное Войско азовскіе послы въ сопровожденіи греческаго священника; но казаки не только не закрѣпили мира,

но, отсѣкши одному изъ плѣнныхъ князей руку, послали его въ Азовъ, съ тѣмъ, чтобы понудить азовцевъ скорѣй прислать окупъ за плѣнныхъ. Азовцы обратились къ Нащокину: „подошли вы не съ добрымъ дѣломъ, а съ войною, значитъ — и корму вамъ давать не за что". И дѣйствительно, въ теченіе 5 дней Нащокину не было корму отъ азовцевъ. Три раза азовцы *ссылались* съ казаками о дѣлахъ, по которымъ у нихъ былъ споръ, и только, благодаря увѣщаніямъ посла, казаки наконецъ закрѣпили миръ съ азовцами, но ненадолго. Едва успѣли они проводить посольство изъ Азова въ Царь-градъ, какъ немедленно же сдѣлали размирье съ азовцами, потому что эти вѣроломно схватили въ стѣнахъ Азова 130 челов. казаковъ, да двухъ толмачей, иныхъ казнили, а иныхъ посажали на каторги. Казаки не остались въ долгу. Вѣсть объ этомъ размирьи дошла до Царь-града, гдѣ, какъ говоритъ царская грамата: „за такое размирье Григорію Нащокину было великое истязаніе". Турецкій паша приступилъ къ нему съ строгимъ допросомъ: „съ вѣдома вашего государя", — говорилъ паша, — „на Дону и на Днѣпрѣ живутъ казаки и нашимъ пограничнымъ городамъ большіе дѣлаютъ убытки". Нащокинъ отвѣчалъ: „на Дону живутъ воры, бѣглые люди, безъ государева вѣдома. А говоришь, что будто мы привезли къ нимъ государево жалованье, то мы къ нимъ ничего не приваживали. Правда, была у насъ селитра и свинецъ для своего обыходу, но донскіе казаки то взяли у насъ силою". Паша продолжалъ: „къ намъ пишетъ крымскій царь, что ему великая тѣснота отъ вашихъ казаковъ. Государь вашъ поставилъ близко отъ Азова 4 городка, на Манычи, въ Черкасскомъ, да въ Раздорахъ; изъ этихъ-то городковъ казаки приходятъ и Азову тѣсноту дѣлаютъ".

Отправляя на встрѣчу турецкому послу, ѣдущему вмѣстѣ съ Нащокинымъ, князя Конст. Волконскаго, царь Ѳедоръ Ивановичъ писалъ казакамъ: „покамѣстъ посланникъ нашъ, Григорій Нащокинъ, съ турецкимъ посломъ не придутъ къ вамъ, вы бы съ азовцами помирились и въ море подъ турецкіе города не ходили, а нашего и турецкаго посла встрѣтили бы урядно, по прежнему обычаю, и проводили бы съ честью, чтобы имъ отъ воровскихъ казаковъ и черкасъ пройти здорово. Если же по нашему указу съ азовцами не помиритесь, то быть вамъ отъ насъ въ опалѣ и казни, и мы пошлемъ на васъ Дономъ большую рать и поставимъ свой городъ на Раздорахъ". Несмотря на такую угрозу, казаки отказали въ провожатыхъ князю Волконскому. Они получили вѣсти, что товарищи ихъ, находящіеся въ Москвѣ, терпятъ большія бѣдствія: „государева жалованья имъ не даютъ и на Донъ не пускаютъ, служатъ они на своихъ коняхъ, а корму имъ не даютъ, а иныхъ даже въ холопство обращаютъ".

Когда, послѣ тяжелаго смутнаго времени и самозванщины, московскій земскій соборъ, радѣя о земскомъ строеніи, выдалъ свои граматы о прекращеніи разбоевъ по всему государству, то казаки поклялись, „что они души свои на томъ даютъ и крестъ цѣлуютъ и хотятъ великаго государя слушать, будутъ сыскивать воровъ и класть имъ наказаніе“.

Съ избраніемъ на престолъ Михаила Ѳедоровича отъ московскаго двора отправленъ былъ посломъ къ турецкому султану Соловой-Протасьевъ. Цѣлью посольства было извѣстить султана, по заведенному исконному обычаю, про разореніе Московскаго государства отъ польскаго короля Сигизмунда и про разныя его неправды. Соловой-Протасьевъ поплылъ изъ Воронежа Дономъ внизъ. Не доѣзжая Хопра, онъ узнаетъ, что казаки по Хопру воруютъ и прямятъ Маринкѣ и сыну ея. Постоянно ожидая нападенія со стороны приверженцевъ Заруцкаго и Марины, Соловой *наспѣхъ* проѣхалъ Хоперъ, Медвѣдицу и, наконецъ, добрался до нижнихъ юртовъ, гдѣ казаки встрѣтили его съ великою радостію, стрѣляли изъ наряду и мелкаго ружья, звонили въ колокола и пѣли молебны о государевомъ здоровьи. Протасьевъ передалъ имъ царскую и московскаго духовнаго собора граматы и жалованье, селитру, сѣру, свинецъ, вино, сухари, крупы и толокно. Казаки приняли все съ радостію, хотя изъ всего присланнаго имъ досталось, какъ говорили они въ своей отпискѣ, „запасу по зерну, свинцу по пулькѣ, а сукна по вершку“, обѣщались во всемъ служить и прямить царю Михаилу Ѳедоровичу, какъ и прежнимъ государямъ „служили они *польскую* службу съ травы да воды, и кровь свою проливали“. Посланнымъ же къ нимъ съ возмутительными граматами изъ Астрахани, отъ Заруцкаго и Марины, казаки отвѣчали, что они всѣ единодушно обѣщались служить царю Михаилу Ѳедоровичу и къ воровству не приставать. Маринкиныхъ посланцевъ, Гришку Стародубца, да Кору позорили, и едва не побили до смерти. Когда Протасьевъ проѣзжалъ Дономъ отъ Пяти-избъ до Нижняго Курманъ-Яра, то встрѣтилъ казака Семейку, возмущающаго казаковъ разными воровскими рѣчами. Поэтому онъ потребовалъ отъ казаковъ, чтобы они за поруками представили Семейку, на судъ, въ большое Войско, гдѣ его, послѣ разспросовъ и сыску, приговорили посадить въ воду. Когда уже поволокли приговореннаго къ водѣ, то атаманы прислали просить Протасьева, чтобы ради царскаго здоровья, Семейку у Войска отъ воды отнять, а въ замѣнъ того бить батогами нещадно, что и было сдѣлано. Затѣмъ Протасьевъ сталъ говорить казакамъ, чтобы они, исполняя царскую службу, съ азовцами не воевали, покамѣстъ посольство не возвратится изъ Константинополя. Казаки отвѣчали: „мы единодушно безъ всякой хитрости, хотимъ служить государю и быть въ царскомъ повелѣньи.

Съ азовскими людьми ради быть въ миру, покамѣстъ ты сходишь въ Царь-градъ". Потомъ они послали отъ себя въ Астрахань и на Волгу къ воровскимъ казакамъ, что если они отъ воровства не отстанутъ, то всѣ, войскомъ Донскимъ, пойдутъ на нихъ головами своими. Въ отвѣтъ же на царскую грамату атаманы и казаки и все войско, отъ низу до верху, писали царю: „ты, государь, пишешь намъ, чтобы мы тебѣ служили польскую службу на крымской и ногайской сторонѣ, по шляхамъ разъѣзжали, по перевозамъ лежали, съ азовскими людьми *тюшманиться* намъ не велѣлъ, а велѣлъ мирнымъ быть для своего царскаго и земскаго строенія. Мы холопи твои, всегда ради твою волю творить. Для тебя, государь, осѣли мы по своимъ юртишкамъ. Уже ни подъ Азовомъ, ни на морѣ намъ не бывать и на перевозы и въ походы намъ уже не ходить. Пожалуй насъ, царь, своимъ денежнымъ жалованьемъ, чтобы мы, служа тебѣ съ травы да воды, наги, босы и голодны не были. Теперь же на Дону насъ, холопей твоихъ, 1888 человѣкъ. Ты, государь, велишь намъ идти на твою службу, въ Сѣверскіе города, на польскихъ людей и на черкасъ, чтобы Сѣверскую землю отъ злодѣевъ очистить. Но мы, государь, нынѣшнее лѣто пѣши и безконны, да къ томужъ и зима уже приходить, а медлили за твоимъ царскимъ посломъ; взяли его у насъ съ рукъ въ Азовѣ 26 ноября, и теперь мы сѣли на всю зиму и на лѣто по своимъ юртамъ. Прежде у насъ были лучшіе зипуны, когда во всякое время подъ Азовъ да на море ходили, а нынѣ, если съ азовцами мирными быть намъ, то и перевозы стали уже не наши. Но чтобы земское дѣло и твое Россійское царство строилось, на кровопролитіе нигдѣ не дерзнемъ. На Волгу мы нѣсколько разъ писали и приказывали волжскимъ, терскимъ и яицкимъ казакамъ, чтобы они убоялись Бога и держались правды, а бездѣлья Маринкина и сына ея не слушали". За такую преданность и радѣнье общему земскому дѣлу въ слѣдующемъ году присланы были на Донъ царская похвальная грамата, жалованье и, наконецъ, первое по времени жалованное Войску царское знамя. „И вамъ",—писалъ царь,—„съ тѣмъ знаменемъ противъ нашихъ недруговъ стоять и на нихъ ходить и надъ ними промышлять". Въ граматѣ, государь, предлагая казакамъ идти на службу къ Астрахани для уничтоженія Заруцкаго, обѣщалъ держать ихъ въ великомъ царскомъ жалованьи и въ призрѣньи на вѣки—„на дѣти ваша и на внучата". На встрѣчу посланному съ царскимъ жалованьемъ дворянину Опухтину, по прибытіи его въ юртъ атамана Смаги Чертенскаго, казаки вышли изъ юртовъ своихъ, сошлись въ кругъ, гдѣ Опухтинъ отъ имени, государя, по наказу, спросилъ все *великое войско Донское о здоровьи*. Въ отвѣтъ атаманы и казаки били челомъ и говорили: „Дай Богъ, чтобы государь царь и великій

князь Михайло Ѳедоровичъ всея Россіи, здоровъ былъ, и счастенъ и многолѣтенъ на своихъ великихъ государствахъ". По прочтеніи въ кругу граматы, казаки велѣли священникамъ, по всѣмъ часовнямъ пѣть молебны о царскомъ здравіи, распорядились стрѣлять изъ *большаго наряду* и всѣ стрѣляли изъ мелкаго ружья. Затѣмъ вынесли жалованное царское знамя, сдѣлали около него кругъ, а подъ знаменемъ положили человѣка, осужденнаго на смерть. Изъ круга вышли нѣсколько казаковъ и стали просить Опухтина, чтобы онъ, ради царскаго имени, отпросилъ бы у нихъ осужденнаго. Опухтинъ зналъ, что и прежде было у казаковъ въ обычаѣ, для царскаго имени прощать преступниковъ, и, желая царскою милостію обнадежить непокорныхъ волжскихъ и яицкихъ казаковъ, которыхъ много было въ войскѣ, просилъ, чтобы они виновнаго ради, царскаго величества, пощадили. На такія милостивыя слова казачій кругъ прокричалъ: „дай Господи, чтобы государь царь и великій князь Михайло Ѳедоровичъ всея Россіи самодержецъ, здоровъ былъ на многія лѣта".

Изъявляя благодарность за присланное хлѣбное и денежное жалованье, казаки писали царю: „ты, государь, пишешь, чтобы мы, холопи твои, по шляхамъ разъѣзжали и по перевозамъ лежали; мы по шляхамъ, Государь, ѣздимъ, а перевозы на Дону и Мертвомъ Донцѣ у насъ замирены для земскаго строенія, по твоему повелѣнію. Государь, изъянъ намъ столь великой отъ азовцевъ, обижаютъ насъ они за одно съ крымцами и ногайцами, а мы для тебя великаго государя не смѣемъ своего изъяну отомстить". При этомъ они извѣщали государя, что посланникъ Соловой-Протасьевъ долженъ возвратиться изъ Царь-града поздно подъ зиму, съ послѣднимъ караваномъ, а о томъ они знаютъ изъ Азова отъ тѣхъ людей, которые у нихъ *прикормлены* для государева дѣла и для всякихъ вѣстей. Пользуясь царскимъ милостивымъ расположеніемъ, казаки въ слѣдующемъ году (1615) испросили грамату на свободную и безпошлинную торговлю въ украинныхъ городахъ всѣми товарами, пріобрѣтенными въ добычу отъ непріятеля. Въ слѣдующихъ словахъ царской граматы перечислены всѣ роды службы казаковъ Московскому государству: „Вы, атаманы и казаки, намъ великому государю служите, по шляхамъ разъѣзжаете, по перевозамъ лежите, ясырь отграмливаете и въ наши украинные города приводите русскихъ плѣнныхъ, струги и гребцовъ нанимаете и кормъ имъ покупаете и нашихъ пословъ и посланниковъ встрѣчаете и провожаете въ Царь-градъ, въ Большіе и Малые Ногаи. И мы васъ, атамановъ и казаковъ, за ваши многія намъ службы, пожаловали, велѣли вамъ, со всякимъ товаромъ и безъ товара, въ наши украинные города къ родимцамъ своимъ ѣздить и съ ними видѣться свободно. Въ

томъ и жалованную нашу грамату дали мы вамъ за нашею красною царскою печатью". Въ другой же царской граматѣ сказано: „Вы бы, атаманы и казаки, никакого задору азовскимъ людямъ не дѣлали, чтобы посланнику нашему не было задержки у турецкаго султана". Но въ то время, какъ русскій посолъ Мансуровъ находился въ Азовѣ и шли переговоры между азовцами и казаками о перемиріи, азовцы, мстя за прежнія обиды, захватили на Мертвомъ Донцѣ въ плѣнъ нѣсколько казаковъ, пытали и разспрашивали ихъ; потомъ нѣкоторыхъ молодыхъ распродали, а одного изъ нихъ, вырѣзавъ изъ спины ремни, повѣсили на мачтѣ корабля, на которомъ долженъ былъ ѣхать Мансуровъ въ Константинополь. Посолъ принялъ это за безчестіе и не хотѣлъ ѣхать на томъ кораблѣ. Пять недѣль продолжались переговоры и наконецъ миръ былъ заключенъ: казаки привели къ шерти азовцевъ, лучшихъ людей, а азовцы привели къ крестному цѣлованію казачьяго атамана съ товарищами, и размѣнялись аманатами. Миръ этотъ продолжался однако же недолго: азовцы напали на казачьи юрты, разорили передовой острожекъ и, захвативъ 50 челов. казаковъ, казнили ихъ. Казаки отмстили за это страшнымъ набѣгомъ на Черное море, разгромили турецкіе города Синопъ и Трапезундъ и выжгли многія села и деревни. Едва только Мансуровъ прибылъ въ Константинополь, какъ уже къ нему приступили съ укорами на разореніе отъ казаковъ. „Если вы,— говорилъ визирь нашимъ посламъ,—„казаковъ себѣ на души не возьмете, то нашъ государь пошлетъ на Донъ большую рать, чтобы всѣхъ казаковъ перебить и юрты ихъ разорить". Послы наши отвѣчали: „если казаки нарушили крестное цѣлованье, то хоть до одного человѣка всѣхъ ихъ перебейте, за то нашъ государь не постоитъ". Но на это визирь возражалъ: „вы называете Донскихъ казаковъ ворами и разбойниками, а за что же вашъ государь прислалъ къ нимъ съ вами зелья, свинцу и денегъ и хлѣбные запасы?" Послы отвѣчали: „Государь нашъ прислалъ къ Донскимъ казакамъ немного своего жалованья за то, что они, когда ногайцы идутъ войною на наши украины и назадъ уходятъ съ полономъ, служатъ государю по Дону и позапольнымъ рѣчкамъ, на перевозахъ нападаютъ на ногайцевъ, полонъ у нихъ отбиваютъ и назадъ въ украинные города отсылаютъ. Кромѣ того, у нихъ въ черкасскомъ городкѣ зимовали нашъ посланникъ Соловой-Протасьевъ и вашего государя посланникъ Алей съ своими купецкими людьми. Атаманы и казаки встрѣчали ихъ съ честью и всю зиму кормили, а весною проводили до украйнаго города Воронежа".—„Прежде сего",—продолжалъ визирь,—„азовскіе люди для перемирья давали Донскимъ казакамъ 1,000 золотыхъ, сѣти, котлы и соль, а нынѣ казаки, взявши все это съ азовцевъ, размирье учинили. Напишите къ Донскимъ ка-

закамъ, чтобы они съ азовцами помирились".—„Писать къ Донскимъ казакамъ намъ непригоже",— отвѣчали послы,—„можетъ быть, еще извѣстья о размирьи ложны".

О задержаніи Мансурова дошла вѣсть до Москвы. Михаилъ Ѳедоровичъ въ одно и тоже время отправляетъ двѣ граматы: одну турецкому султану, другую Донскимъ атаманамъ и казакамъ. Въ первой царь писалъ: „Донскіе казаки нашего указу не слушаютъ и сложась вмѣстѣ съ запорожскими черкасами, на наши украины войной ходятъ. Мы пошлемъ на нихъ рать свою и велимъ ихъ съ Дону сбить". Въ граматѣ же къ Донскимъ казакамъ говорилось: „Дошло до насъ извѣстіе, что пришли къ вамъ съ Запорогъ 2,000 человѣкъ, ходили на море, взяли многіе турецкіе города и много добычи, теперь же они стоятъ у васъ въ войскѣ и хотятъ вмѣстѣ съ вами идти подъ Азовъ. Мы удивляемся, какимъ образомъ вы все это дѣлаете безъ нашего указу". Въ концѣ граматы было выражено повелѣніе, чтобы казаки встрѣтили и проводили царскаго посла, Петра Мансурова, когда онъ будетъ возвращаться изъ Царь-града, съ честію, „за что", сказано въ граматѣ, „мы будемъ васъ жаловать выше прежняго. Если же будутъ у васъ какія вѣсти про турецкихъ, крымскихъ и ногайскихъ людей, про польскаго короля и черкасъ, то вы обо всемъ намъ отпишите". Но, несмотря на то, казаки опять ходили на море, взяли 7 турецкихъ каторгъ и захватили въ плѣнъ турецкаго пашу, за котораго требовали выкупу 3,000 золотыхъ. По этому поводу на Донъ былъ посланъ дворянинъ Несмѣянъ Чаплинъ уговорить казаковъ, чтобы они съ Азовомъ помирились и пашу отпустили безъ выкупа, При этомъ Несмѣяну велѣно было видѣться съ плѣннымъ пашею и чрезъ толмача говорить ему, что Сигизмундъ, король польскій, прислалъ будто бы своихъ запорожцевъ уговаривать Донскихъ казаковъ, чтобы они воевали турецкіе города, и онъ, Несмѣянъ, казаковъ отъ того отговаривалъ и сказалъ имъ, чтобы они съ Дону шли долой, и его, пашу, отпустили бы къ султану безъ окупу. Но что казаки будто бы царской граматы не слушаютъ и его самого, Несмѣяна, хотятъ убить". И все это", сказано въ наказѣ Несмѣяну, „разсказывать пашѣ въ тайнѣ, чтобы казакамъ не узнать о томъ и *непронеслась бы имъ отъ кого*". Между тѣмъ, Петръ Мансуровъ не успѣлъ склонить султана къ союзу противъ поляковъ, что было главною цѣлью его посольства. Онъ былъ отпущенъ изъ Константинополя, но задержанъ въ Азовѣ до тѣхъ поръ, пока турецкій паша съ янычарами приводили въ исполненіе задуманный Портою планъ, чтобы навсегда положить конецъ набѣгамъ казаковъ и запереть имъ входъ въ море: они засыпали Мертвый Донецъ, а по Каланчѣ поставили башни. Событіе это

столь было важно въ жизни донскаго казачества, что сложилась извѣстная народная пѣсня:

Какъ у насъ на Дону, во черкасскомъ городу
Старики-то пьютъ, гуляютъ, по бесѣдушкамъ сидятъ,
Про азовцевъ говорятъ:
Ой! да не дай же Боже азовцамъ ума разума того,
Не поставили бы они башни по усть рѣчки Каланчи,
Не перекинули бы они цѣпи черезъ славный тихій Донъ.

Когда войска польскія, подъ предводительствомъ королевича Владислава, вторгнулись въ Россію и шли къ Москвѣ, царь послалъ на Донъ грамату (1618 г.), въ который всему великому войску объявлялось, что „недругъ и разоритель всего Россійскаго государства умыслилъ Московское государство воевать и хочетъ православную вѣру попрать и свою проклятую латинскую вѣру во всемъ Московскомъ государствѣ утвердить". „И вы бы атаманы молодцы",—писалъ царь,—„поревновавъ своей братьи прежнимъ атаманамъ и казакамъ, которые за нашу православную вѣру стояли и головъ своихъ не щадили, послужили бы за одно съ нашими ратными людьми, шли бы къ намъ на помогу противъ польскихъ и литовскихъ людей и запорожскихъ черкасъ всѣ, или отпустили бы многихъ ратныхъ людей, *тысячъ пять* и больше, сколько можетъ войско послать". Послу, съ которымъ была отправлена эта грамата, данъ былъ строгій наказъ, чтобы казаки про этотъ походъ не разсказывали турецкимъ людямъ, также чтобы и о присылкѣ казакамъ государева жалованья оставалось въ тайнѣ. Казаки, въ отпискѣ своей на эту грамату, изъявили готовность служить и прямить государю. На этой же отпискѣ положено было рѣшеніе: „Государь указалъ и бояре приговорили—давать корму лучшему атаману по два алтына, а другому атаману 2 алтына безъ деньги, рядовымъ же по 2 деньги на день".

Мирныя отношенія съ азовцами, какъ и всегда, не были продолжительны. За набѣги казаки мстили набѣгами и разореніемъ. Азовцы взяли казачій городокъ, а казаки, собравши со всѣхъ рѣкъ и малыхъ рѣчекъ своихъ товарищей, идутъ подъ Азовъ, чтобы его взять и разорить. 2,000 крымцевъ, сговорясь съ азовскими людьми, пришли подъ войско *на окупной яръ* какъ будто за миромъ и для размѣна плѣнныхъ; казаки повѣрили имъ и въ маломъ числѣ явились на яръ, чѣмъ воспользовались татары и всѣхъ ихъ побили. Казаки въ свою очередь подстерегли азовцевъ на перевозѣ Мертваго Донца, разгромили ихъ и отняли полонниковъ, взятыхъ ими въ украинныхъ городахъ. Другіе вторгнулись въ Черное море, опустошили берега Крыма и подъ Кафою взяли два турецкихъ корабля. Царь по этому поводу пишетъ казакамъ: „вы сдѣлали это не гораздо, мимо нашего царскаго

повелѣнья". „Не наводите на себѣ нашего царскаго гнѣва и не теряйте къ себѣ нашей царской милости". Казаки, на такую угрозу, въ свое оправданье одно могли отвѣчать: „мы, холопи твои, задору и обиды азовскихъ людей не могли стерпѣть".

Въ 1622 году возвращался изъ Москвы въ Константинополь турецкій посолъ Ѳома Кантакузенъ; его провожали русскіе посланники Кондыревъ и Бормасовъ, да донской атаманъ *Епиха* Родиловъ съ станицею. Вотъ что разсказываютъ о пребываніи своемъ на Дону Кондыревъ и Бормасовъ: „когда мы подъѣзжали къ главному войску, то изъ Монастырскаго городка вышли на встрѣчу намъ человѣкъ 15 и сказали, что больше того на встрѣчу никого не собралось. На другой же день и остальные казаки, которые еще находились въ городкѣ и которые пришли изъ Москвы съ Епихою Родиловымъ, тоже ушли въ море. Видя то турскіе посланники подняли большой шумъ и говорили: „когда мы шли изъ Азова въ Москву, то казаковъ въ войскѣ было много и встрѣча намъ была великая, а нынѣ въ войскѣ никого нѣтъ, всѣ пошли въ море". Мы же турскимъ посланникамъ говорили черезъ толмачей: „Азовцы вмѣстѣ съ ногайцами повоевали государевы украйны и съ большимъ полономъ изъ Руси идутъ назадъ; атаманы же и казаки пошли изъ войска, чтобы подстеречь на перевозахъ татаръ и у нихъ полонъ отгромить". Въ тотъ же день написали мы атаману Исаю Мартемьянову, что мы привезли имъ государево жалованье и чтобы онъ насъ увѣдомилъ, гдѣ казаки теперь стоятъ, долго ли еще будутъ въ походѣ, и кому безъ нихъ передать царское жалованье. Черезъ 6 дней полученъ былъ отъ казаковъ отвѣтъ, что стоятъ они теперь въ морскомъ устьѣ и дожидаются турецкихъ каравановъ, чтобы ихъ въ Азовъ не пропустить; въ Монастырской же городокъ они будутъ скоро и чтобъ намъ ихъ здѣсь дожидаться. На другой день воротились съ моря 800 казаковъ съ атаманомъ Мартемьяновымъ и прислали къ намъ, чтобы мы были у нихъ въ кругу. Мы пошли въ кругъ, отдали имъ царскія граматы и говорили имъ по царскому наказу „чтобы они съ азовцами жили въ миру, на море не ходили и задоровъ никакихъ не дѣлали, а что прислано имъ царское жалованье—деньги, сукно, хлѣбные и пушечные запасы, и они то взяли бы у насъ тайно и раздѣлили бы между собою послѣ нашего отъѣзда". Казаки читали въ кругу царскую грамату и затѣмъ говорили намъ: „мы государеву жалованью рады, съ азовцами же намъ мириться нельзя, не управясь и въ Азовъ васъ скоро отпустить неможно". Потомъ, получивши все царское жалованье, казаки, на другой же день, вмѣстѣ со всякими пріѣзжими изъ Бѣлгорода, Курска и иныхъ украинныхъ городовъ торговыми людьми, которые пріѣхали къ нимъ въ войско

съ товарами, снова пошли на морское устье, гдѣ дождались таки турецкихъ каравановъ, вступили съ ними въ бой и взяли у нихъ корабль да двѣ комяги, три пушки, да разной *поромной рухляди*, сафьяновъ, киндяковъ, бязей и луковъ. Воротившись съ такою богатой добычею, казаки проносили все это изъ струговъ къ себѣ въ курени мимо стана турецкихъ посланниковъ, показывали имъ поромную рухлядь и передъ ихъ шатрами стрѣляли изъ ружей. Кромѣ того, на морѣ еще осталось 1,000 казаковъ, которые пошли туда весною, послѣ Николина дня, и которымъ срокъ положенъ возвратиться съ моря въ войско послѣ Семена дня, когда морской ходъ начнетъ миноваться,—и намъ до тѣхъ поръ въ Азовѣ не бывать". Отправившись далѣе въ Константинополь, Кондыревъ и Бормасовъ, вездѣ на пути своемъ встрѣчали слѣды страшныхъ опустошеній отъ казачьихъ погромовъ. Въ одномъ морскомъ лиманѣ они встрѣтили десять турецкихъ кораблей, на которыхъ не нашли ни одного человѣка, потому что всѣ они, принявъ ихъ за казаковъ, бросились на берегъ и разбѣжались по селамъ и деревнямъ. „Донскіе казаки",—говорили нашимъ посланникамъ турки,—„людей много у насъ побили и въ плѣнъ побрали; за тоже и мы вамъ сдѣлаемъ то же, что они надъ нами сдѣлали". Посланники отвѣчали: „Донскимъ казакамъ отъ государя нашего крѣпкій заказъ, чтобы они на море не ходили; ходятъ же на море литовскаго короля запорожскіе черкасы, а не Донскіе казаки". На это посланникамъ турки возражали, что они Донскихъ казаковъ знаютъ и отличаютъ отъ черкасъ. „Мы, какъ сознаются сами посланники, съ большою боязнію проходили турецкія земли, чтобы за казачьи погромы турки надъ нами не сдѣлали чего дурного; всѣ села и деревни, по которымъ мы ѣхали, были пусты, потому что жители разбѣжались отъ казаковъ и живутъ по лѣсамъ". Такое положеніе дѣлъ угрожало разрывомъ дружественныхъ сношеній нашего двора съ Портою. По этому случаю въ слѣдующемъ году (1623 г.) царь послалъ съ княземъ Бѣлосельскимъ свою грамату, въ которой между прочимъ писалъ: „мы, великій государь, какъ учинились на нашихъ государствахъ, посылали на Донъ наше жалованье свыше прежняго, ничего не жалѣя, чего при прежнихъ государяхъ, когда московское царство было не воевано и всѣмъ полно, никогда не бывало; всю вашу братію, атамановъ и казаковъ, какіе пріѣзжали къ намъ съ Дону бить челомъ о вашихъ нуждахъ, мы потому же жаловали при пріѣздѣ и при отпускѣ камками, тафтами, добрыми сукнами и поденный кормъ имъ давали, и милостиво отпускали, и никогда челобитья вашего не оставляли безъ вниманія. А вы нашего указу не слушали, на море ходили, турскіе города громили, и въ неволю людей уводили. Если вы и впе-

редъ будете поступать мимо нашего указу, то сдѣлаете ссору между нами, турскимъ султаномъ и царемъ крымскимъ".—„Теперь мы послали къ вамъ наше жалованье 1,100 руб., да хлѣбныхъ и пушечныхъ запасовъ противъ прежнихъ лѣтъ—"сказано въ концѣ граматы. Вмѣстѣ съ тѣмъ князю Бѣлосельскому данъ былъ строгій наказъ, чтобы онъ, когда будетъ въ нижнихъ юртахъ, то призывалъ бы къ себѣ въ станъ лучшихъ атамановъ, Исая Мартемьянова и Ениху Родилова и всѣхъ тѣхъ атамановъ, есауловъ и казаковъ старыхъ и лучшихъ, которыхъ войско слушаетъ, и всякими мѣрами старался бы ихъ убѣдить, чтобы они государева повелѣнья не ослушались. „Государскую милость",—говоритъ наказъ,—„вычитывать имъ съ радостію, *чтобы ихъ не ожесточить*. Выговаривая, покрывать гладостію. А многихъ рѣчей съ казаками не заводить, чтобы ихъ не ожесточить". Кромѣ того, приказано было князю Бѣлосельскому тайкомъ разузнать, сколько при немъ будетъ въ съѣздѣ атамановъ и казаковъ изъ всѣхъ верхнихъ и нижнихъ городковъ, сколько у нихъ добрыхъ, среднихъ и худыхъ, сколько у нихъ живетъ на Дону запорожскихъ черкасъ, гдѣ они живутъ, давно ли они пришли на Донъ. Если же на Дону найдется много запорожцевъ, то Бѣлосельскій долженъ былъ уговаривать казаковъ, чтобы они ихъ къ себѣ въ юрты не принимали и ни о чемъ съ ними не ссылались, потому что отъ запорожскихъ черкасъ Россійскому государству бываетъ большое разореньe. Наконецъ Бѣлосельскому наказано было узнать, нѣтъ ли къ казакамъ присылки отъ литовскаго короля, а если есть, то о чемъ она и давно ли прислана, что́ казаки объ этомъ думаютъ, и въ какихъ отношеніяхъ хотятъ они быть къ литовскому королю. Князь Бѣлосельскій по прибытіи въ войско узналъ, что въ тѣ поры были въ съѣздѣ въ нижнихъ юртахъ атаманы и казаки изъ всѣхъ верхнихъ городковъ, что здѣсь находилось до 200 человѣкъ запорожскихъ черкасъ, пришедшихъ въ прошломъ году, но они въ кругъ не ходятъ; кромѣ этихъ есть еще въ небольшомъ числѣ черкасы, которые живутъ у казаковъ давно и во всемъ имъ вѣрны, а потому отъ нихъ ничего дурнаго не ожидаютъ, однако же и они на то время, когда передавалась отъ Бѣлосельскаго грамата, были удалены. Въ кругу всего войска казаки обѣщались на море не ходить, городовъ и кораблей не грабить, но такъ какъ они слышали, что азовскіе люди хотятъ поставить близъ ихъ нижняго городка, на Темрюкѣ, свой городъ и отнять у нихъ промыслы, то они не позволяютъ имъ становить этотъ городъ. Но казаки, какъ и прежде бывало, не могли на долго сдержать свое обѣщаніе. Въ 1624 г. пріѣхавшій въ Москву атаманъ Старовъ, при разспросѣ показалъ слѣдующее: въ то время, когда казаки, въ числѣ 2,030 человѣкъ, ходили на море и взяли Тра-

пезундъ, азовцы приходили на Донъ и сожгли 5 казачьихъ городковъ, а людей въ нихъ въ то время не было". Теперь казаки опять избы ставятъ и плетни около нихъ плетутъ, попрежнему. Всѣхъ же казаковъ на Дону, вмѣстѣ съ верхними городками, до 5,000 человѣкъ. Минувшаго лѣта, какъ только первые атаманы и казаки пришли съ моря, то отправились къ Азову съ приступомъ, два раза подступали къ городу, взяли угловую башню и на стѣны взошли, въ это время башня обрушилась, а атаманъ Епиха Родиловъ былъ раненъ и казаки были отбиты отъ города. На другой день они подступили къ каланчинской башнѣ, взяли ее приступомъ, въ добычу имъ досталось 9 пушекъ, башню разрушили до основанія, камень побросали въ воду, а мѣдь отъ разбитыхъ пушекъ (117 пуд.) послали по убогимъ монастырямъ на Воронежъ, въ Шацкъ, Лебедянь и къ Св. Горамъ, на колокола. Такимъ образомъ, казаки себѣ „ходъ на море опростали", говорилъ Старовъ. Въ своей отпискѣ въ Москву, привезенной тѣмъ же атаманомъ Старовымъ, казаки жаловались, „что имъ государева жалованья, пороху и свинцу не было, на украинѣ воеводы ихъ побиваютъ и въ Москву не пускаютъ и не велятъ имъ покупать въ украинныхъ городахъ ни свинцу, ни пороху". Государь не повѣрилъ отпискѣ казаковъ и прислалъ къ нимъ свою грозную грамату: „и намъ великое подивленье, что вы нашего государскаго повелѣнья не слушаетесь. Вспомните, какая вамъ неволя была при прежнихъ государяхъ, особенно при царѣ Борисѣ; не только не могли въ Москву пріѣхать, но въ украинные города нельзя было вамъ показаться; вездѣ васъ ловили, въ тюрьмы сажали, а многихъ казнили, вѣшали и въ воду сажали; мы же вамъ вольность учинили, атамановъ вашихъ и казаковъ, которые пріѣзжаютъ съ Дону бить челомъ о вашихъ нуждахъ, мы жалуемъ: велимъ видѣть наши царскія очи, бываютъ они у насъ у стола. А вы все то наше жалованье и повелѣнье поставили ни во что. Въ войнѣ противъ польскаго короля вы не подали намъ никакой помощи. Многіе изъ васъ ходятъ на Волгу, на Яикъ и на море, суды и бусы громятъ и многую шкоду дѣлаютъ, а вы ихъ отъ того не унимаете. Прежде же у васъ на Дону былъ крѣпкій заказъ, что кто куда пойдетъ безъ войскового вѣдома, то тѣхъ казнить смертію. Атамана вашего, Старова, съ 5-ю товарищами, мы оставляемъ въ Москвѣ до тѣхъ поръ, пока вы намъ не напишете, почему вы нашего повелѣнья не слушаетесь. Если и впередъ будете такъ дѣлать, то вамъ и нашего жалованья давать не за что и мы не велимъ васъ пускать въ наши города и изъ городовъ къ вамъ ѣздить".

Получивши грозную царскую грамату, атаманъ Епиха Родиловъ, съ товарищами, послали въ верхніе городки къ атаманамъ и велѣли

тѣхъ казаковъ, что воровали на Волгѣ, давать на поруки и доставлять для суда въ войско на яръ въ монастырское урочище, а тѣхъ атамановъ и казаковъ верхнихъ городковъ, которые зимовали съ воровскими и ихъ ссужали зельемъ и свинцомъ, и оказались на монастырскомъ съѣздѣ, Ениха Родиловъ приказалъ бить ослопьемъ и грабить. Такому же наказанію подвергались и всѣ торговые люди, которые покупали у воровскихъ казаковъ ясырь, а имъ продавали порохъ и свинецъ. Послѣ такой расправы, казаки заказали на-крѣпко, чтобы никто не ходилъ съ Дону на Волгу для воровства; если же кто не послушается этого заказа, то того казнить смертію.

Между тѣмъ жалобы султана и крымскаго хана на разоренія ихъ земель казаками продолжались попрежнему. Разгнѣванный царь прислалъ на Донъ опальную грамату, заключающую въ себѣ патріаршую клятву и отлученіе всего войска отъ церкви. Знатному царскому сановнику, Ивану Карамышеву, поручено было передать эту грамату казакамъ и потомъ проводить до Азова турецкаго посла Ѳому Кантакузена. Атаманы и казаки, въ августѣ 1630 г., встрѣтили пословъ съ честію, приняли отъ Карамышева царскую грозную грамату и велѣли пѣть молебны о здравіи государя. Спустя же мѣсяцъ, вотъ что писали сами казаки въ своей отпискѣ царю о томъ событіи, которое извѣстно подъ названіемъ „*убійство царскаго посла Карамышева*". „Въ граматѣ твоей, государь, написана къ намъ, холопямъ твоимъ, твоя государева грозная опала смертною казнію. По твоей же государевой граматѣ велѣно намъ идти вмѣстѣ съ турецкими пашами противъ недруга твоего, короля польскаго. Государь, мы отъ Божіей милости не отступники, а тебѣ, твоему царскому величеству не измѣнники, не лакомы, служимъ тебѣ государю съ травы до воды, къ твоему государеву величеству языки и вѣсти посылаемъ, твоихъ пословъ встрѣчаемъ и провожаемъ въ Турскую землю и истинную православную вѣру, въ которой предки наши и мы породились и возросли, помнимъ и крѣпко держимъ и впередъ хотимъ за нее стоять. Мы, прирожденные православные христіане, не хотимъ идти въ бусурманскую землю, на помощь турецкимъ пашамъ и вмѣстѣ съ ними на Литовскую землю, потому что наша вѣра туркамъ ненавистна. Хотя бы мы съ турскими пашами промыслы надъ Литвой сдѣлаемъ, то слава будетъ принадлежать не тебѣ, государь, а турскому Муратъ султану, и вся наша служба пропадетъ даромъ. Въ прежніе годы, государь, при бывшихъ царяхъ, мы, Донскіе казаки, бывали на многихъ службахъ, хаживали изъ Москвы съ русскими людьми, боярами и воеводами, но никогда мы турецкимъ султанамъ не служивали, да и теперь мы рады за тебя, государя, стоять и умирать безъ всякой шатости, чтобы Московское государство твоимъ

715

смотрѣніемъ и защищеніемъ было бы въ покоѣ и тишинѣ. По твоему государеву указу, мы съ азовцами помирились, твоихъ пословъ и турскаго посла Ѳому до Азова проводили. Провожатый же тѣхъ пословъ Иванъ Карамышевъ пріѣхалъ къ намъ въ войско, сталъ угрожать намъ смертною казнію, говорилъ, что онъ будетъ насъ вѣшать и въ воду сажать и всѣхъ кнутьями бить и ножами рѣзать. Мы нѣсколько разъ просили Карамышева, чтобы онъ показалъ намъ царскій указъ, или грамату, по которымъ велѣно насъ казнить, а онъ отвѣчалъ намъ, что граматы у него нѣтъ и никакого наказа или государева указа намъ не объявилъ.—Послѣ того, Карамышевъ началъ ссылаться съ крымцами и ногайцами о томъ, чтобы насъ всѣхъ побить, разорить и искоренить и городки наши безъ остатку пожечь такъ, чтобы вездѣ и по Дону и позаполью даже имя казачье не именовалось. Но Богъ помиловалъ насъ, грѣшныхъ, Христосъ объявилъ намъ то злоумышленіе Ивана Карамышева, и мы отъ горести душъ своихъ, за великую неправду, его обезглавили. Какая же была государева казна съ Иваномъ Карамышевымъ и его имѣніе, мы къ тому не прикасались, но, все переписавъ, взяли себѣ на руки твои послы. Теперь ты, государь, воленъ въ головахъ нашихъ, мы твоему государеву указу *несильники*. Если мы тебѣ на Дону не годны и твоему Россійскому государству не пріятны за то, что ходимъ на море, на крымскіе и ногайскіе улусы (если намъ не ходить, то и питаться нечѣмъ), то мы, государь, весь Донъ отъ низу до верху и рѣки запольныя до самыхъ украинныхъ городовъ все очистимъ, откроемъ крымскимъ и ногайскимъ людямъ, а сами, государь, съ Дону сойдемъ, если ты того пожелаешь. Да и службами своими мы, государь, не выслужили у тебя Божіей милости и твоего жалованья; атаманы и казаки наши Наумъ Васильевъ да съ нимъ 70 челов., которые отъ войска провожали къ тебѣ, государю, въ Москву, пословъ, всѣ по городамъ разсажены и показнены, а иные перекованы, пометаны въ заключенье и помираютъ голодною смертію; дослужились мы у тебя, государь, того, что и съ твоею службою къ тебѣ впередъ ходить не возможно".

Съ повинною отпискою отправлена была въ Москву легкая станица; прошло много времени, а казаки не получали никакихъ извѣстій изъ Москвы и не знали, какъ принята ихъ повинная. Два года не было никакихъ сношеній съ Москвой. Только въ 1633 г. царь Михаилъ Ѳедоровичъ освободилъ изъ заточенія казаковъ, бывшихъ въ Москвѣ и другихъ городахъ; они допущены были видѣть царскія очи и къ благословенію патріарха, пожалованы царскимъ жалованьемъ и посланы на службу подъ Смоленскъ, а на Донъ государь отправилъ милостивую грамату и жалованье.

Убійство Карамышева осталось надолго въ народной памяти.

Сложилась народная пѣсня про царскаго посланника Карамышева, которая ярко рисуетъ намъ тогдашнее настроеніе казачества и его отношенія къ царской власти. Народъ по своему измѣнилъ въ пѣснѣ это событіе и выставилъ, что непочтеніе къ царскому имени было причиною общаго негодованія противъ боярина.

Подымался съ Москвы большой бояринъ,
Онъ на Тихій Донъ Ивановичъ гуляти.
Не доѣхавши Тиха Дона, становился,
Похвалился всѣхъ казаковъ перевѣшать.
Казаки, братцы, тотчасъ догадалися,
Во единой кругъ они собиралися,
Среди круга становился царевъ бояринъ.
Онъ сталъ читать государевы указы:
Дочитался онъ до царскаго титула,
Казаки всѣ шапки поснимали,
А царевъ большой бояринъ шляпы не снялъ.
Отъ того казаки взволновалися,
На боярина они бросалися,
Буйну голову его срубили,
А бѣло тѣло въ Тихій Донъ бросили,
И убивши, тѣлу говорили:
„Почитай ты, бояринъ, государя,
Не гордись ты передъ нимъ и не славься.“
Ко царю они съ повинной приходили:
„Ты гой еси батюшка православный царь!
Ты суди насъ праведной расправою,
Повели надъ нами дѣлать, что изволишь,
Ты воленъ надъ нашими буйными головами.“

(Пѣсни Рус. народа, ч 4, стр. 238).

Дальнѣйшія событія показали, что казаки были необходимы для Россіи, что они своею службою приносили существенную пользу государству. Въ то время какъ русскій царь и турецкій султанъ пересылались между собою послами, договаривались о мирѣ и союзѣ противъ польскаго короля, казаки зорко сторожили русскія украины отъ набѣговъ крымцевъ и ногайцевъ. „Ходили мы, государь“,—писали они царю,—„на Крымскую степь и подъ шляхами лежали, сошлись съ ногайскими людьми на Кундрючьи, въ вершинахъ, и былъ у насъ съ ними бой. Божію милостію и твоимъ счастіемъ, тѣхъ татаръ побили и русской полонъ отгромили; потомъ дошла до насъ вѣсть, что азовскіе и ногайскіе люди пошли на Русь, и мы, переговоря межъ собою, пошли за ними, и на рѣч. Быстрой однихъ побили, другихъ живыхъ побрали. Чрезъ нѣсколько дней пришли изъ разныхъ улусовъ Большаго Ногая черные люди и хотѣли Донъ перелѣзть подъ Азовомъ, на большомъ перевозѣ, на Крымскую сторону, а мы, тожъ переговоря между собою, пошли за ними судами и въ ночь тѣхъ татаръ порубили тысячи пол-

торы и больше, женъ же и дѣтей въ полонъ забрали, всего же полону 1300 челов. Спустя мало времени, ходили мы въ Ногайскую степь войскомъ и пожгли ногайскихъ улусовъ, на Чубурѣ, дворовъ тысячи двѣ и больше, взяли полону женъ и дѣтей 800 челов., приведши ихъ въ юрты свои и тѣхъ порубили; къ тебѣ же, государь, въ Москву нельзя было послать полонъ, потому что зима была студеная и снѣга глубокіе. Потомъ извѣстно намъ стало, что ногайцы пришли на взморье на Очаковскую косу и хотѣли перелѣзть въ Крымъ, мы пошли противъ нихъ, тѣхъ татаръ порубили и полону взяли около 1 т. челов. Когда же мы съ тѣмъ полономъ подходили къ Кагальнику, то тутъ вышли азовскіе люди всѣмъ городомъ и съ пушками; мы дрались съ ними весь день, но они намъ ничего не могли сдѣлать. Затѣмъ дошелъ до насъ слухъ, что турскій царь приказалъ всѣмъ своимъ ратнымъ людямъ вмѣстѣ съ крымцами, азовцами и ногайцами идти войною, моремъ и сухимъ путемъ, на Донъ, чтобы наши казачьи городки разорить. Мы, государь, переговоря межъ собою и не дожидаясь твоей граматы, пошли стругами въ море, остерегать, чтобъ турскія каторги не прошли; не входя въ Черное море, мы въ Гирлѣ стояли 6 недѣль и затѣмъ воротились на Донъ.“ Какъ видно, казаки въ этихъ случаяхъ дѣйствовали согласно царскимъ граматамъ и желаніямъ московскаго двора, потому что еще прежде Михаилъ Ѳедоровичъ писалъ имъ: „Если узнаете, что крымскій царь или царевичи пойдутъ войною на наше государство, вы служите намъ прямую службу, по рѣкамъ, перевозамъ, по татарскимъ сакмамъ промышляйте надъ ними, чтобы ихъ походу и войнѣ помѣшку сдѣлать.“ Казаки не только исполнили царскую волю, но даже, не дожидаясь царской граматы, сами, переговоря между собою, сдѣлали въ короткое время нѣсколько удачныхъ нападеній. „Мы, великій государь,—писалъ тогда Михаилъ Ѳедоровичъ Донскимъ казакамъ,—почнемъ къ вамъ за вашу службу держать наше царское жалованье незабвенно.“ Тѣмъ временемъ опять нѣкоторыя партіи казаковъ ушли на Яикъ и отсюда, вмѣстѣ съ яицкими казаками, „ходили на Хвалынское море, шаховы города, какіе близко моря, повоевали и на Хвалынскомъ морѣ многіе корабли-бусы погромили. Воротившись на Донъ, продавали всякіе казыльбашскіе товары дешевою цѣною.“ Такимъ образомъ слова народной пѣсни, вложенныя въ уста покорителя Сибири, могутъ быть примѣнимы и къ позднѣйшимъ событіямъ изъ исторіи Донскаго казачества. Ермакъ говоритъ Царю Грозному:

„Какъ и я то гулялъ по синю морю,
По синю морю по Хвалынскому,
Какъ и я то разбивалъ бусы-корабли
Какъ и тѣ-то кораблики не орленые,“

Почти въ то же самое время, царь Михаилъ Ѳедоровичъ, отправляя своихъ пословъ въ Константинополь, давалъ имъ слѣдующій наказъ. Если спросятъ ихъ о казакахъ, то они должны были отвѣчать: „Вѣдомо вамъ самимъ, что воры, Донскіе казаки, отъ Московскаго государства поудалѣли и живутъ кочевнымъ обычаемъ, переѣзжая по рѣкамъ, а не городовымъ житьемъ". Если-же турки спросятъ о знамени, что не давно прислалъ царь къ казакамъ, то послы должны были отвѣчать: „Знамени государь къ нимъ никогда не посылывалъ; это кто-то сказалъ, чтобы насъ поссорить". Тогда-же царь писалъ крымскому хану: „хотя-бы вы ихъ (Донскихъ казаковъ) и всѣхъ побили, намъ стоять за нихъ не за что."

Въ концѣ зимы 1636 г. пріѣхалъ на Донъ турецкій посолъ Ѳома Кантакузенъ и здѣсь дожидался царскаго посланнаго, который долженъ былъ проводить его до Москвы. Дѣйствительно, съ наступленіемъ весны царь отправилъ дворянина Чирикова на Донъ для встрѣчи Кантакузена; съ нимъ было послано казакамъ царское жалованье и грамата. Приплывши на стругахъ, Дономъ, въ главное войско, на Монастырскій яръ, Чириковъ, къ удивленію своему, никого казаковъ здѣсь не нашелъ. „Переговоря межъ собою",—доносили казаки царю объ этомъ событіи,—„апрѣля въ 21 день пошли мы подъ Азовъ, конные и судами, всѣ безъ выбору, за то, что азовскіе люди на насъ умышляли, хотѣли насъ съ Дону перевесть и рѣку Донъ очистить. Пришедши подъ городъ, стояли мы тамъ недѣли 3 и больше, между тѣмъ турецкій посолъ, Ѳома Кантакузенъ, узнавъ, что мы осадили Азовъ, отправилъ граматы къ турскому и крымскому царю, чтобы присылали ратныхъ людей на выручку къ Азову, и посылалъ отъ себя къ азовскимъ людямъ съ вѣстьми. Посланный отъ него грекъ былъ нами схваченъ и съ пытки показалъ, что турецкій посолъ, вручивъ ему отписку, велѣлъ прократься въ Азовъ ночью и передать азовцамъ, чтобы они немедленно писали крымскому царю о присылкѣ ратныхъ людей изъ Крыму, Темрюка и Тамана. Видя такое злоумышленіе къ себѣ и къ тебѣ, государь, и неправду турскаго посла, мы порубили его вмѣстѣ съ находящимися при немъ людьми. Въ этихъ винахъ нашихъ ты воленъ надъ нами, государь. Въ 18-же день іюня, Божіей помощію и твоимъ, государь, счастіемъ, твоя рука надъ бусурманами возвысилась: городъ Азовъ мы взяли, ни одного человѣка на степь и на море не упустили, всѣхъ безъ остатка порубили. Послѣ того, мы приняли отъ дворянина Чирикова твое государево жалованье и твою грамату, въ которой писано, чтобы намъ съ азовцами помириться; 15-го іюля же отпустили Чирикова съ Дону въ Москву и съ нимъ отправили русскаго полону 150 челов., кромѣ ма-

лого полону. Сколько-же всего русскаго полону (впослѣдствіи оказалось до 2000 челов.), городовой казны, пушекъ, пищалей, то это еще нами не сочтено; какъ только смѣтимъ городовую казну, то о томъ мы пришлемъ тебѣ, государь, станицу.“ Въ числѣ причинъ, побудившихъ взять Азовъ, казаки между прочимъ представляли государю, что они это сдѣлали для избавленія множества плѣнныхъ христіанъ, что азовцы безпрестанно ходили на наши украйны, проливали христіанскую кровь, брали многій полонъ и продавали за море; „видя христіанъ,“—говорили казаки,—„отцовъ, матерей, братьевъ и сестръ, водимыхъ въ плѣнъ, слыша ихъ плачъ и мученіе и большую неволю, мы болѣли своими сердцами и не могли больше терпѣть этого азовцамъ.“

Черезъ два мѣсяца полученъ былъ отъ царя слѣдующій отвѣтъ на отписку казаковъ: „Вы взяли Азовъ безъ нашего царскаго повелѣнья, турскаго посла убили, — это вы, атаманы и казаки, учинили не дѣломъ; нигдѣ не ведется, чтобы пословъ побивать, хотя и война бываетъ между государями, а послы и въ тѣ поры свое дѣло дѣлаютъ, для чего присланы. Въ станицѣ же своей прислали къ намъ все молодыхъ казаковъ, такъ что не кого спросить—какъ вы думаете устроиться съ этимъ дѣломъ. Ждемъ обѣщанной отъ васъ большой станицы. Пришлите намъ атамановъ лучшихъ, человѣкъ 15 или 20, чтобы мы могли разспросить обо всемъ доподлинно. Если дойдетъ до васъ вѣсть, что крымскій царь пойдетъ войною на наше государство, то вы покажите намъ свою службу и радѣнье: по сакмамъ, на рѣчкахъ и перевозахъ надъ ними промышляйте всякими мѣрами. Ногайскимъ же мурзамъ напишите, чтобы они помнили данную намъ клятву и шли-бы на свои прежнія мѣста, на Ногайскую сторону. Смотря по вашей службѣ и радѣнью, мы васъ пожалуемъ“,—писалъ въ заключеніе своей граматы царь Михаилъ Ѳедоровичъ.

Но напрасны были опасенія царя: въ продолженіе 5 лѣтъ, когда казаки владѣли Азовомъ, ни крымцы, ни ногайцы не смѣли показаться на нашихъ украинахъ.

Утвердивши главное войско въ Азовѣ и рѣшившись жить въ немъ, казаки подѣлили между собою, по станицамъ, всѣ дома и имущества и сдѣлались полными хозяевами города. Только однимъ грекамъ позволяли они жить въ городѣ по прежнему. Азовъ сдѣлался христіанскимъ вольнымъ городомъ. Съ весны 1638 г. стали приходить сюда свободно изъ Россіи, Тамани, Темрюка, Керчи, Кафы, Терска и Астрахани, торговые люди съ различными товарами и запасами. Персидскій шахъ, бывшій въ то время въ войнѣ съ Турціей, отправилъ своего посла къ казакамъ и обѣщалъ прислать имъ въ помощь своего

войска тысячъ 10 или 20. Между тѣмъ распространилась вѣсть о грозныхъ вооруженіяхъ турокъ и крымцевъ на Азовъ. Въ Царь-градѣ говорили: „не взявши Азова намъ ни-коли въ покоѣ не бывать и всегда на себя ждать погибели. Когда казаки умножатся и городъ укрѣпятъ, то намъ въ Царь-градѣ не отсидѣться, а Крымъ и давно не нашъ. Нынѣ намъ Азовъ пуще и тошнѣе Багдада сталъ.“ Но казаки не унывали, смѣло и гласно говорили они на своихъ майданахъ: „Приходъ турскихъ и крымскихъ людей на Азовъ намъ не страшенъ; Азова мы не отдадимъ и не покинемъ, потому, что взяли его своею кровью, своими головами.“ Въ ожиданіи сильныхъ враговъ, казаки укрѣпили городъ, запасались провіантомъ, порохомъ, артиллеріею, разсылали во всѣ казачьи городки призывныя граматы такого содержанія: „Отъ Донскихъ атамановъ и молодцовъ, и отъ всего великаго войска Донскаго, во всѣ верхніе городки атаманамъ и молодцамъ челобитье! Пошли было атаманы-молодцы на святое море и прикинули въ гирлѣ для языковъ, поймали крымскихъ людей. Въ разспросѣ тѣ языки сказали, что турскій и крымскій царь съ крымскими людьмы, съ большимъ и малымъ Ногаемъ, съ горскими черкесами идутъ подъ Азовъ, для осады. Не вѣря тѣмъ языкамъ, мы сами ходили на море и подлинно узнали, что идутъ корабли и каторги подъ Азовъ. Чтобы вамъ, атаманамъ-молодцамъ, помнить престолъ Іоанна Предтечи, государеву къ себѣ милость и свою атаманскую и молодецкую славу не потерять, ѣзжайте въ Азовъ къ войску, днемъ и ночью, не малыми людьми, на помощь; въ городкахъ не многихъ людей оставляйте, съѣзжайтесь городковъ 5, 6 въ одно мѣсто съ семьями, чтобы, съѣхавшись, станицы жили съ великимъ береженьемъ. А кто къ войску въ Азовъ на помощь не поѣдетъ, тому въ войскѣ и суда не будетъ. Ѣзжайте-же всякіе люди, пенные и не пенные: пеня имъ будетъ отдана. Знаете вы сами, какъ приходили со всѣхъ рѣкъ Азовъ брать и какъ Богъ поручилъ городъ великому войску Донскому. Какъ-бы теперь надъ нами бусурманы не посмѣялись. Всѣ земли нашему казачьему житью завидовали, а нынѣ ли такъ и потеряемъ свою казачью славу? Если будутъ идти Дономъ русскіе люди съ бударами, и вы посылали бы ихъ къ войску, въ Азовъ, съ запасами. Послать грамату войсковую городокъ отъ городка на скоро, днемъ и ночью, для поспѣшенья, покуда казачьяго присуда.“

Въ іюлѣ 1641 г. огромная турецкая рать, состоящая по показанію казаковъ изъ 240 т. челов., облегла съ моря и съ сухаго пути и со всѣхъ сторонъ городъ Азовъ, въ которомъ „*сидѣло*“ до 6 т. казаковъ, подъ начальствомъ атамана Осипа Петрова. „Пришли подъ Азовъ войною“,—писали казаки царю,—„паши турскаго царя съ воинскими людьми,

съ крымскимъ царемъ и церевичемъ и со многими землями въ судахъ моремъ, и конные полемъ, и обступили Азовъ со всѣхъ сторонъ на крѣпко. Мы же, атаманы и казаки, прося у Всемилостиваго Спаса помощи, дѣлали противъ нихъ многія вылазки, брали языки, которые на допросахъ показали, что съ турками и крымцами пришли подъ Азовъ Малый Ногай и воинскія люди мутянской, арабской, французской и ляской земель, а всѣхъ было на письмѣ и у раздачи жалованья 240 т. челов. Съ ними же было 100 большихъ каторгъ, 80 кораблей, да привезено было къ городу 100 стѣнобитныхъ пушекъ. Бои у насъ были съ ними всякіе: они били съ пушекъ, съ мелкаго ружья и съ луковъ по городовымъ стѣнамъ и по насъ, и городовыя стѣны сбили всѣ, по подошву. Дѣлали они противъ насъ большіе земляные валы и многіе подкопы подводили. Мы же, атаманы и казаки, прося у Бога милости и святаго Предтечи Крестителя Іоанна и всѣхъ святыхъ помощи и заступленія, рѣшившись пострадать за истинную православную вѣру и за тебя, государь, всякими способами надъ ними, бусурманами, промышляли, съ ними бились, кровь свою проливали, многіе подкопы подъ ихъ валы и пушки вели. У подкоповъ же и промысловъ былъ атаманъ Осипъ Петровъ. Часто въ подкопахъ мы встрѣчались съ бусурманами и тамъ бились съ ними. На подкопахъ и вылазкахъ побито нами бусурмановъ тысячъ 20. Большое знамя турскаго царя, да съ нимъ другихъ семь знаменъ мы взяли. Около города покопано рвовъ верстъ на 5, кромѣ земляныхъ большихъ валовъ, которыми бусурманы хотѣли насъ засыпать. Во время осаднаго сидѣнья бусурманы перекидывали къ намъ на стрѣлахъ многія граматы съ своимъ лукавымъ прельщеньемъ, сулили намъ много казны, по тысячѣ талеровъ на казака, если только мы городъ покинемъ. Мы же не покусились на ихъ бусурманскую прелесть, имъ во всемъ отказали, а служили тебѣ, великій государь. И вотъ, милостію Божіей и твоимъ, государь, счастіемъ, мы отъ бусурманскаго нашествія отсидѣлись *въ четвертомъ земляномъ городкѣ, въ земляныхъ избахъ*. Государь, мы взяли Азовъ своею кровью на счастіе благовѣрнаго сына твоего Алексѣя Михайловича, бьемъ тебѣ челомъ отъ всего войска: прими отъ насъ этотъ городъ *въ вѣчную славу и вотчину*". Въ томъ же году царь отвѣчалъ казакамъ своею милостивою граматою: „все войско Донское, Осипа Петрова съ товарищами, мы милостиво похваляемъ за вашу службу, за промыслъ, за крѣпостоятельство и за то, что, будучи въ осадѣ, всякую осадную нужду и голодъ терпѣли и на бусурманскія слова не прельстились. Пишете намъ, что вы теперь наги, босы и голодны, что запасовъ и пороху и свинцу у васъ нѣтъ, и мы за вашу службу послали къ вамъ нашего жалованья 5,000 руб., и впредь намъ, вели-

кому государю, служите, за христіанскую вѣру стойте крѣпко и мужественно. Хлѣбнаго же запасу, пороху, свинцу до вешней полой воды, зимнимъ путемъ послать къ вамъ невозможно, вы это сами знаете и за то не оскорблялись бы. А что били вы намъ челомъ городомъ Азовомъ, то мы велѣли посланному къ вамъ дворянину нашему городъ Азовъ досмотрѣть, переписать и на чертежъ положить. Вы же, атаманы и казаки, своей славы и чести не теряйте, стойте попрежнему крѣпко и неподвижно, и на нашу государеву милость и жалованье будьте надежны". При этомъ не были забыты и павшіе въ битвахъ подъ Азовомъ. Государь повелѣлъ всѣхъ тѣхъ Донскихъ казаковъ, которые въ азовское взятіе (1637 г.) и при осадѣ Азова крымскими и турскими людьми (1642 г.) побиты, за ихъ къ государю службу, за кровь и за многое осадное нужное терпѣнье, въ городахъ и монастыряхъ поминать во всю четыредесятницу, а затѣмъ имена ихъ написать въ синодикъ въ соборахъ и монастыряхъ въ вѣчное поминовеніе. Прибывшій на Донъ съ царской граматой и жалованьемъ дворянинъ Желябужскій нашелъ, что Азовъ разбитъ и разоренъ весь до основанія, что скоро укрѣпить его нѣтъ никакой возможности, что отъ приходу новыхъ ратей сидѣть не въ чемъ. Между тѣмъ получались извѣстія, что султанъ готовитъ противъ Азова новое ополченіе больше прежняго, а атаманамъ и казакамъ уже некѣмъ было держать городъ. Хотя 70,000 человѣкъ турецкой арміи легло подъ Азовомъ, но побѣда была куплена дорогою цѣною. Болѣе 3,000 казаковъ погибло во время сидѣнья, а остальные были почти всѣ переранены: „безъ глазъ, и безъ рукъ, и безъ ногъ, стало много"—говорили казаки. Въ январѣ 1642 г. созванъ былъ земскій соборъ, чтобы рѣшить—принять ли отъ казаковъ Азовъ, или не принять? Наконецъ въ апрѣлѣ послана была на Донъ грамата, въ которой писалъ царь: „намъ нынѣ невозможно принять отъ васъ городъ и послать къ вамъ ратныхъ людей. Жалѣя же васъ, атамановъ и казаковъ, чтобы христіанская кровь не проливалась напрасно, мы повелѣваемъ вамъ—городъ Азовъ покинуть и идти на свои старыя мѣста, гдѣ прежде жили, потому, что вамъ въ такомъ разоренномъ мѣстѣ уже нельзя будетъ отсидѣться отъ множества турецкихъ и крымскихъ войскъ, которыя идутъ противъ васъ".

Получивши такую грамату, казаки, взявъ съ собою образъ Іоанна Предтечи, церковную утварь, колокола, артиллерію, разные запасы и имущество, вышли изъ города, который „оставили пустымъ, разореннымъ, пристанища въ немъ никакого не было". Посланный отъ царя съ граматою донесъ: „атаманы и казаки, по твоему указу, городъ

Азовъ покинули, царское повелѣнье исполнили и стали жить попрежнему *на Махинѣ Островѣ*.

Во время *сидѣнья* въ осадѣ, малочисленные сравнительно съ силами непріятеля защитники Азова, кромѣ патріотическаго настроенія, воодушевлялись твердою надеждою на Бога, и оставили намъ памятникъ, свидѣтельствующій объ ихъ религіозномъ настроеніи. Они дали обѣтъ: если Провидѣніе спасетъ ихъ, соорудить церковь во имя обновленія храма Воскресенія Христова, съ четырьмя предѣлами, но въ продолженіе семи лѣтъ не успѣли исполнить своего обѣщанія. Въ 1649 г. открылась на Дону моровая язва, и казаки, принявъ ее за гнѣвъ Божій въ наказаніе за неисполненіе обѣта, повторили его—язва прекратилась. Въ апрѣлѣ 1650 г. они испросили благословеніе московскаго патріарха, а чрезъ годъ уже была построена въ Черкаскѣ соборная церковь, для которой царь Алексѣй Михайловичъ прислалъ для пяти престоловъ сосуды и другую утварь, евангеліе и разныя священныя книги и ризы для духовенства. На мѣстѣ этой церкви, сначала деревянной, послѣ двукратныхъ пожаровъ, построена въ 1706—1709 г. каменная.

Такъ представлено въ имѣющихся у насъ историческихъ актахъ взятіе Азова и знаменитое азовское сидѣнье. Между народными пѣснями мы не встрѣчали ни одной, гдѣ бы это событіе выставлено было во всей своей полнотѣ. Но взамѣнъ того извѣстно хранящееся въ рукописи поэтическое сказаніе: „какъ Донскіе казаки сидѣли въ осадѣ отъ турокъ въ градѣ Азовѣ, 5,000 человѣкъ противъ 300,000 человѣкъ". Имя автора этого сказанія, а также время его составленія—не извѣстны. Можно предполагать, что составитель сказанія хорошо былъ знакомъ съ историческими актами, относящимися къ Азовскому сидѣнью, на основаніи которыхъ и въ подражаніе прежнихъ поэтическихъ сказаній о замѣчательныхъ историческихъ событіяхъ и написано имъ сказаніе объ азовскомъ сидѣньи.

Въ этомъ сказаніи, историческій фактъ — геройское сидѣнье казаковъ — обставленъ поэтическими подробностями, заимствованными отчасти изъ готовыхъ уже образцовъ, или вымышленными авторомъ, сообразно обстоятельствамъ и духу времени. Сказаніе начинается тѣмъ, что въ 1750 г. 28-го октября пріѣхали въ Москву съ Дону атаманы и казаки, которые сидѣли въ Азовѣ отъ турокъ въ осадѣ, и привезли съ собою свою *осадную и боевую и выласковую роспись*, въ которой значится: въ прошломъ году, 24-го іюля, турецкій султанъ Ибрагимъ прислалъ на насъ подъ Азовъ многую свою бусурманскую силу, собравши воиновъ изъ 12-ти подручныхъ ему земель. Кромѣ того, были еще у него наемныя войска изъ Венеціи, нѣмецкіе *люди городоимцы*,

всего же по спискамъ было войскъ 256,000, кромѣ *вымышленниковъ* нѣмецкихъ и черныхъ мужиковъ и охотниковъ. Такую силу турецкій царь собиралъ ровно четыре года. Паши же турскіе и крымскій царь и царевичъ наступили своими силами на азовскія поля и заняли они много степи и „показалось намъ въ Азовѣ, аки лѣса темныя, и отъ силы ихъ турецкія и отъ рыканія конскаго земля у насъ подъ Азовомъ рѣхнулась и изъ Дону вода на берегъ показалась. Начали они трубить въ трубы нѣмецкія и турецкія страшнымъ гласомъ; слышны были писки великія, свирѣльные, жалостнымъ обычаемъ. Затѣмъ началась у нихъ стрѣльба пушечная и мушкетная, и поднявшійся отъ этого дымъ сталъ грозною тучею надъ Азовомъ. Мы же бѣдные отъ ихъ бусурманскаго приходу весьма ужаснулись; и нельзя намъ такую великую силу смѣтить. 12 янычскихъ головъ съ своими полками отдѣлились отъ всего войска и подошли близко къ стѣнамъ Азова. Мы видѣли, что у всѣхъ янычаръ горятъ мушкетные фитили, какъ свѣчи, у головъ же золотыя бешметы, на всѣхъ же остальныхъ одноцвѣтное красное платье. Мы ожидаемъ, что они начнутъ промышлять надъ нами, а сами дѣлаемъ земляные подкопы, готовимъ всякое большое и малое ружье, заряжаемъ дробомъ и мелкими желѣзными насѣчками. Но въ тотъ же день, вечеромъ, янычскій голова черезъ толмачей началъ намъ говорить словомъ турецкаго царя *рѣчью гладкою и словами умильными:* „Люди Божіе, казачество Донское, вольное, сосѣди наши ближніе, непостоянные нравы, пустынные жители, на кого вы надѣетесь? прогнѣвали вы Амуратъ-султана, убили посла его Ѳому Кантакузена, взяли вы любимую вотчину царя турскаго—красный Азовъ городъ, затворили вы имъ море синее, не дадите проходу по морю ни кораблямъ, ни каторгамъ въ города турецкіе. Очистите Азовъ не мѣшкая. Всѣ пожитки несите изъ города въ свои казачьи городки, мы васъ не тронемъ. Если же не отдадите города, то завтра же ни одного изъ васъ, злодѣевъ, не останется, въ живыхъ. Помощи же вамъ ждать не откуда. Взяли вы Азовъ воровскимъ вымысломъ, не дожидаясь своего великаго государя: не пришлютъ къ вамъ изъ Руси хлѣбнаго запасу. Если же вы захотите служить царю турскому, такъ какъ вы казачество вольное, пастыря и учителя надъ собою не имѣете, то пожалуютъ васъ честію великою и станутъ называть васъ—Дону славнаго казаки, избранные рыцари, знатные люди“. На такую рѣчь казаки отвѣчали: „Все мы знаемъ; видались мы съ вами часто и на морѣ и за моремъ и на сухомъ пути. Куда дѣвалъ свой умъ вашъ Ибрагимъ царь? или у него не стало за моремъ злата, серебра, что онъ пріѣхалъ къ намъ, казакамъ, *за кро-*

вавыми нашими зипунами? Вѣдомо же вамъ, что по сіе время *никто даромъ зипуновъ съ насъ не снимывалъ.* Если же и возьметъ вашъ турецкій царь городъ Азовъ, то развѣ умомъ и промысломъ нѣмецкимъ, а не своимъ умомъ и храбростію. Не большая же будетъ ему честь и хвала отъ окрестныхъ государствъ и земель. Не изведетъ онъ тѣмъ нашего стариннаго казачьяго прозвища, не запустѣетъ отъ того Донъ головами нашими. Но если же мы отсидимся отъ васъ въ Азовѣ, то великая срамота будетъ царю вашему. Давно уже въ поляхъ нашихъ летаютъ орлы, черные вороны и ждутъ труповъ вашихъ на съѣденіе. Когда, назадъ тому 5-й годъ, мы взяли городъ Азовъ, тогда эти же птицы слетались и звѣри сбѣгались на ваши бусурманскіе трупы. Не татеннымъ и разбойнымъ промысломъ мы взяли городъ Азовъ, а въ день, боемъ, дородствомъ и разумомъ своимъ, бьючись съ вами, поганцы, съ лица на лицо противъ многочисленныхъ вашихъ войскъ. Промышляя также, хочется намъ взять у васъ Царьградъ. Вѣдь это государство было христіанское, строеніе прежнихъ благочестивыхъ царей греческихъ, а не вашего бусурманскаго царя турскаго. А что изъ Руси не будетъ намъ помощи, про то мы знаемъ. Кому о насъ бѣдныхъ въ Московскомъ государствѣ потужить или порадѣть? Всѣ князья, дворяне, дѣти боярскіе, приказные люди рады погибели нашей, конца смерти нашей желаютъ. Хлѣбные запасы съ Руси къ намъ никогда не приходятъ: кормитъ Богъ насъ молодцовъ на полѣ своею милостію, звѣрьми дивіями да морскою рыбою. Серебро же и золото беремъ мы у васъ за моремъ. Женъ выбираемъ у васъ же, вывозимъ ихъ изъ Царь-града и у вашихъ женъ дѣтей вмѣстѣ приживаемъ съ вами. Теперь же мы взяли Азовъ для казачьихъ зипуновъ своихъ, но за то на насъ, холопей своихъ, великій государь весьма кручинится, и мы боимся отъ него смертной казни. Еслибы повелѣлъ великій государь намъ идти на васъ войною одной своей украинѣ, то тутъ собралось бы государевыхъ людей больше легіона тысячъ и въ одно лѣто были бы за нашимъ государемъ и Іерусалимъ и Царь-градъ. Но держитъ своихъ людей великій государь; на то его десница государская.“

„Мы люди Божіе и холопи государя, царя московскаго: какъ же можно служить намъ царю вашему, невѣрному? Если мы отсидимся въ Азовѣ отъ вашихъ великихъ силъ, тогда побываемъ у него за моремъ, подъ его Царь-градомъ, и послужимъ ему пищалями казацкими да саблями вострыми. Мириться же и вѣриться намъ съ вами нельзя, понеже христіанину съ бусурманиномъ нѣсть спасенія. Христіанинъ побожится душою христіанскою и на той онъ правдѣ стоитъ во вѣки, а вашъ братъ, бусурманинъ, побожится вѣрою бусурманскою, а все

солжетъ. Потерять вамъ подъ Азовомъ многія тысячи своихъ турецкихъ головъ и не видать его изъ рукъ нашихъ казачьихъ до вѣку. Развѣ ужъ его отниметъ у насъ холопей, своихъ дальнихъ, великій государь, царь Михаилъ Ѳедоровичъ, да пожалуетъ городомъ Азовомъ вашего царя, тогда только онъ будетъ вашъ: на то его государская воля".

„Турки начали готовиться къ приступу. Сначала подошли къ городскимъ стѣнамъ 2 нѣмецкихъ полковника съ солдатами, а за ними янычаре и начали бить топорами и кирками городовыя стѣны и башни и по лѣстницамъ лѣзть на стѣны. Мы же стрѣляли въ нихъ желѣзными усѣчками. Но вдругъ подземные подкопы, что мы вели противъ непріятеля, отъ множества ихъ войска обрушились, и здѣсь-то побито нами ихъ бусурманской силы многія тысячи; „оклали мы, Донскіе казаки, кругъ города выше пояса"; а на вылазкѣ взяли у нихъ большое знамя царя ихъ турскаго, съ клеймомъ. На другой день прислали къ намъ турки, чтобы мы дали имъ отобрать побитые трупы, давали намъ за то много золота. Мы же имъ сказали, что никогда не продаемъ мертвыхъ. Собирали они трупы цѣлый день до вечера, въ трехъ верстахъ отъ города засыпали ихъ горою великою, поставили памятники и сдѣлали надписи на разныхъ языкахъ.

„На третій день начали они вдали отъ насъ, чтобы ружье наше изъ города ихъ не взяло, вести высокую гору, земляной валъ выше стѣнъ азовскихъ, чтобы засыпать насъ тою горою Мы же, видя надъ собою такое ихъ злоумышленіе, простившись другъ съ другомъ предсмертнымъ прощаніемъ, своею малою дружиною пошли къ нимъ изъ города на бой, побили ихъ на вылазкѣ многія тысячи и взяли у нихъ 16 знаменъ и 28 бочекъ пороху и тѣмъ порохомъ взорвали ихъ гору высокую.

„Послѣ этого повели они другую гору позади первой, и поставили на ней весь снарядъ свой пушечный и почали съ той горы бить изъ пушекъ, день и ночь, 16 сутокъ безпрерывно, такъ что азовскія стѣны и башни потряслись и палаты всѣ до одной сбиты по самую подошву. Мы въ то время сидѣли по ямамъ и выглянуть бывало намъ не дадутъ. Сдѣлали себѣ въ землѣ покои великіе и изъ нихъ повели подъ турскіе таборы подкопы; они же повели свои подкопы противъ насъ. Мы устерегли ихъ подкопы, взорвали ихъ порохомъ и многихъ людей побили. Затѣмъ начали они на насъ метать, въ ямы наши, огненныя ядра и побили и спалили тѣми ядрами многихъ у насъ людей. Въ то же самое время они посылали къ намъ на приступъ каждый день по 10,000 человѣкъ, одни 10,000 бьются день до вечера, а къ ночи придутъ имъ на смѣну другія 10,000, а намъ бѣд-

нымъ и перемѣниться не кѣмъ. Хотятъ они насъ осилить тою истомою: отяхчѣли мы и заскорбѣли, поморили они насъ безсоніемъ 14 дней и ночей; уже наши ноги подъ нами подогнулися и руки наши оборонныя служить замертвѣли. Начали уже мы, бѣдные, прощаться: „простите насъ, великій государь Михаилъ Ѳедоровичъ, вели помянуть души наши грѣшныя. Непокоръ мы учинили всему государству московскому.—Простите насъ, море синее и тихій Донъ Ивановичъ. Уже намъ по тебѣ, атаману нашему, съ грознымъ войскомъ своимъ не ѣздити, дикаго звѣря въ чистомъ полѣ не стрѣливати и въ тихомъ Дону Ивановичу рыбы не лавливати".

„Настало утро, ждемъ приступу, а отъ нихъ къ намъ нѣтъ приступу, и мы сами, истомленные, скорбные, раненые, пошли изъ Азова на ихъ таборы турецкіе, прося у Бога милости и скорой помощи у святаго Предтечи Іоанна. Увидя насъ, турки бросили свои таборы и побѣжали къ морю, къ своимъ кораблямъ и, не видя другъ друга, стали метаться на корабли, бусы и каторги; здѣсь же многіе побиты, а еще больше того потонуло. Говорятъ, что ушло ихъ изъ-подъ Азова города за море всего 50,000. Бусурманскому царю отъ казачества Донскаго—вольнаго срамота стала и укоръ и безчестіе вѣчное. А нашему православному царю, Михаилу Ѳедоровичу, слава и похвала вѣчная. А нашему атаману, Науму Васильевичу, и есаулу Ѳедору Ивановичу и всѣмъ Донскимъ казакамъ слава и похвала вѣчная."

Послѣ оставленія Азова, турки жестоко мстили казакамъ, и имъ, потерявшимъ значительную часть своихъ товарищей во время сидѣнья, снова пришлось вести тяжелую борьбу за свое существованіе. Турки, пользуясь малочисленностью казаковъ, побрали и сожгли казачьи городки Манычъ, Яръ, Черкаскъ, людей побили и въ плѣнъ повели, остальные атаманы и казаки перебѣжали въ *верхніе Раздоры*, засѣли тутъ и отбивались отъ турокъ и татаръ.

Но скоро казаки опять оттѣснили своихъ исконныхъ непріятелей за Черкаскъ и здѣсь уже отбивались отъ татарскихъ приступовъ.

Чрезъ два года они доносили государю: „всю прошлую зиму мы, бѣдные и безпомощные, сидѣли въ Низовомъ Черкасскомъ городкѣ въ осадѣ отъ ногайцевъ, темрюкскихъ черкасъ, и крымскихъ воинскихъ людей; не было намъ, государь, никуда выходу изъ городка ни за рыбою, ни за дровами; натерпѣлись мы отъ нихъ и холоду и голоду и, не желая себя постыдить, многіе изъ насъ померли голодною смертію. Во всю зиму ногайскіе улусы кочевали въ нашихъ старыхъ юртахъ по Махину и кругомъ Черкасскаго городка, отъ насъ въ верстѣ и даже менѣе того, вмѣстѣ съ азовцами, крымцами и черкасами темрюкскими, большимъ собраніемъ дѣлали частые къ намъ приступы и бой и кро-

вопролитіе у насъ съ ними было большое. А теперь, съ наступленіемъ весны, азовскій Мустафа-Бей съ воинскими людьми опять хотятъ идти къ намъ подъ Черкаской — конные берегомъ, а судовые рѣкою Дономъ. Этого ихъ приходу мы ожидаемъ вскорѣ, а помощи и заступленія, кромѣ всемилостиваго Спаса и Пресвятой Богородицы, да тебя, великаго государя, ни отъ кого не имѣемъ".

Еще до полученія этой отписки, въ февралѣ 1646 г., изъ Москвы посланы были украиннымъ воеводамъ наказы о призывѣ въ Шацкѣ, Тамбовѣ и на Воронежѣ охочихъ вольныхъ людей къ переселенію на Донъ. Дворянамъ Кондыреву и Шишкину велѣно было набрать до 3,000 человѣкъ, для которыхъ выслано было жалованье и пищали. Въ іюнѣ эти вольные люди выступили изъ Воронежа, а въ августѣ они участвуютъ уже съ казаками въ походѣ противъ крымскихъ царевичей.

Съ восшествіемъ на престолъ Алексѣя Михайловича значительно измѣняется обзоръ дѣйствій московскаго двора по отношенію къ Крыму. Въ царскихъ граматахъ мы рѣже встрѣчаемъ тѣ тщетныя увѣщаванія къ казакамъ, чтобы они жили въ мирѣ съ крымскими татарами и турками, чѣмъ переполнены граматы Михаила Ѳедоровича. Такъ, граматою 1646 г. къ казакамъ повелѣвалось, чтобы они, посовѣтовавшись съ стольникомъ и воеводою княземъ Семеномъ Пожарскимъ и съ дворяниномъ Жданомъ Кондыревымъ и съ вольными ратными людьми, сдѣлали поискъ подъ крымскими царевичами, которые въ то время стояли съ войскомъ на Темрюцкой сторонѣ, на рѣч. Кагальникѣ. По указу царскому нападеніе на Крымъ должно быть сдѣлано съ двухъ сторонъ: князь Пожарскій съ астраханскими стрѣльцами пойдетъ сухимъ путемъ къ Перекопу, а Кондыревъ съ частію казаковъ на судахъ моремъ сдѣлаетъ нападеніе на берега Крыма. Но казаки отказались идти на море съ Кондыревымъ. „Дворянину твоему, Ждану Кондыреву",—писали они царю,—„не возможно идти съ нами на море, на твою государеву службу, потому что онъ жилъ при твоей государевой свѣтлости, человѣкъ онъ нѣжный, и нашихъ нуждъ, морскихъ походовъ и пѣшей службы ему не вынесть. На морѣ намъ, государь, бываютъ нужды на *хуртины* великія, струги наши разноситъ по морю, такъ, что другъ друга не взвѣдаемъ; многіе наши струги на берегъ выметываетъ и разбиваетъ, и мы безъ запасу и воды многіе дни бываемъ. Къ тому-же онъ, Жданъ, тамошнихъ мѣстъ и пристаней ничего не знаетъ. Когда мы прежде этого на крымскія села хаживали, то, бывало, бѣжимъ *на-спѣхъ* отъ пристани до пристани день и ночь, а Жданъ такую службу, нужную и пѣшую, не перенесетъ." Пославши царю такую отписку, казали стали

совѣщаться о военныхъ дѣйствіяхъ „У Донскихъ казаковъ и у *вольныхъ людей* былъ кругъ,—писалъ Кондыревъ въ Москву, — и приговорили идти промышлять подъ Азовомъ. Атаманы и старшины лучшіе люди говорили: „По государеву указу намъ не велѣно промышлять подъ Азовомъ и воевать турецкіе города.“ На это казаки всѣмъ войскомъ и вольные люди зашумѣли: „вы насъ отводите, чтобы не идти подъ Азовъ. Развѣ вы не знаете, что Азовъ—общее владѣніе турскаго и крымскаго царя, что живутъ въ немъ турецкіе люди и безпрестанно ходятъ на Русь. Если оставить такъ, то намъ скоро отъ азовцевъ и житья не будетъ.“ Рѣшено было идти въ походъ, но куда—намъ несказали. Черезъ нѣсколько дней казаки съ атаманомъ Осипомъ Петровымъ воротились съ моря, привели съ собою два корабля и съ ними взяли 36 пушекъ да 5 знаменъ, и сказали намъ, что они ходили на татарскіе улусы, которые кочуютъ подъ Азовомъ, потомъ пошли въ море и взяли корабли, которые были брошены турками. Мы-же говорили Осипу: „зачѣмъ вы ходите противъ государева указу на турскихъ людей и города?“ А онъ намъ сказалъ: „Люди у насъ вольные“ и когда я не совѣтывалъ имъ идти, они мнѣ отказали, „потому что турскій царь съ крымскимъ за одинъ, и Азову большая оборона отъ крымскаго царя.“ Черезъ мѣсяцъ послѣ этого, какъ бы желая загладить вины свои, казаки писали въ Москву: „что крымскій царевичъ съ 10,000 подходилъ къ Черкасскому городку и что они съ ратными людьми князя Пожарскаго отбили его отъ городка, настигли на р. Кагальникѣ и здѣсь Божіею милостію и государевымъ счастіемъ татаръ побили, палатки, карету и постелю царевича и всякую рухлядь взяли.“ За такой подвигъ царь Алексѣй Михайловичъ прислалъ на Донъ похвальную грамату всему войску Донскому и вольнымъ людямъ, и пожаловалъ свое царское знамя (сентяб. 1646 г.). Между тѣмъ силы казаковъ отъ безпрерывныхъ войнъ значительно уменьшились. Князь Пожарскій съ ратными людьми былъ отозванъ въ Астрахань, а вольные люди, тяготясь трудною казачьей службою, начали тайкомъ уходить съ Дону, а потомъ явно, поднявъ знамена, большими партіями уходили въ украинные города: „хотѣли было мы съ погоньщиками поставить бой“,— писали казаки,—„но побоялись междуусобной смуты, чтобы о томъ не прошла слава въ иныя земли и орды.“ При такихъ обстоятельствахъ, въ 1647 г., азовцы вмѣстѣ съ крымцами, ногайцами и черкесами снова осадили Черкасскъ и съ сухаго пути и съ Дона. Но послѣ упорной битвы, казаки разбили татаръ и отняли у нихъ множество судовъ. Взятые ими плѣнные говорили: „приходили мы за тѣмъ, чтобы казаковъ разорить, съ рѣки всѣхъ перевесть и весь Донъ до Воронежа очистить.“

„Покамѣстъ была наша мочь,“—говорили казаки дьякамъ въ Посольскомъ приказѣ,—„служили мы блаженныя памяти великому государю Михайлу Ѳедоровичу, а нынѣ, отъ безпрестаннаго бусурманскаго приходу и кровопролитія, мочи не стало намъ держать въ часовнѣ иконы, пороховую казну и снаряды; жить стало намъ не въ силу. Если-же государю рѣка наша годна и впредь прочна, то далъ бы намъ указъ, гдѣ намъ жить, ибо зимою надо ожидать еще большаго бусурманскаго приходу“. Дьяки спрашивали: чѣмъ же вамъ помощь дать? „Государскимъ жалованьемъ, хлѣбнымъ и пушечнымъ запасомъ мы не скудны“,—отвѣчали казаки,—„но скудны мы людьми.“—„Людей къ вамъ послать не возможно,“—говорили дьяки,—„потому что вы государева повелѣнья не слушаете: было послано къ вамъ много вольныхъ людей, а вы этихъ людей голодомъ поморили, запасовъ имъ не давали, а оттого то они съ Дону и разошлись. Посланъ былъ къ вамъ съ ратными людьми князь Пожарскій, а вы его ни въ чемъ не слушались, все дѣлали самовольно, бѣглыхъ людей къ себѣ принимали и не выдавали ихъ воеводѣ. По царскому указу вамъ не велѣно было ходить на море подъ турскіе города, а вы ходили, города воевали и разоряли. Отъ такого-то непослушанья, вы всѣхъ людей растеряли“.—Казаки возражали: „вольнымъ людямъ отъ насъ никакой тѣсноты не было, запасы имъ давали, но они ихъ пропивали и съ Дону шли бѣгомъ. Унять же ихъ было нельзя, потому что они вольные люди. Князя Пожарскаго мы во всемъ слушали и бѣглыхъ людей къ себѣ не принимали. На море же пошли было мы подъ крымскіе улусы, но погодою принесло насъ къ турецкимъ городамъ, и мы выходили изъ судовъ для хлѣба, а не для войны. Теперь мы ждемъ къ себѣ государевой помощи и указу, а если не будетъ ихъ, то мы всѣ съ рѣки разбредемся въ рознь.“ Царь Алексѣй Михайловичъ уважилъ челобитье казаковъ: на Донъ было отправлено съ дворяниномъ Лазаревымъ 1000 человѣкъ ратныхъ людей; казакамъ велѣно дѣйствовать вмѣстѣ съ ними противъ крымцевъ, но не касаться владѣній турскаго султана. Въ тоже самое время наши посланники въ Крыму, на упреки крымскаго хана, что казаки заперли своими судами устье Дона и не пропускаютъ къ Азову корабли съ провіантомъ и товарами, отвѣчали: „казаки живутъ по Дону изстари кочевнымъ обычаемъ, съ ними же живутъ разныхъ вѣръ люди—литва и нѣмцы, горскіе и запорожскіе черкасы, крымцы и ногайцы и азовцы, а не одни они Донскіе казаки царскаго повелѣнья не слушаютъ, а послать на тѣхъ воровъ, Донскихъ казаковъ, своихъ ратныхъ людей, намъ не возможно, потому, что они людишки худые, отъ государевыхъ украинъ удалены, живутъ въ разныхъ

мѣстахъ по займищамъ, по малымъ рѣкамъ и проточинамъ; если вашъ царь пошлетъ на казаковъ своихъ ратныхъ людей, то государь нашъ досадовать не будетъ. А великому государю гдѣ за такими ворами ратныхъ людей посылать: живутъ что звѣри, ни городовъ, ни домовъ не имѣютъ; живутъ по камышамъ, да по озерамъ, и пашни не пашутъ, живутъ такъ—что добудутъ, то и ѣдятъ; за такими ворами посылать ратныхъ людей сухимъ путемъ нельзя, взять ихъ негдѣ: сядутъ въ струги да уйдутъ въ море."

Въ 1647 г., малороссійскій гетманъ, Богданъ Хмѣльницкій, готовясь къ отчаянной борьбѣ за вѣру и независимость съ поляками, заключилъ союзъ съ крымскимъ ханомъ, который требовалъ отъ него: „Пошли къ Донскимъ казакамъ, чтобы они на море не ходили, а если хотятъ, то пусть мнѣ поклонятся: я съ ними въ пріятствѣ жить буду; а если ты не пошлешь къ нимъ, то и пріятство наше отпадетъ." По окончаніи войны съ Польшею, Богданъ Хмѣльницкій, въ 1650 г. писалъ на Донъ атаману и всѣмъ товарищамъ войска Донскаго: „У насъ братство вѣчное съ крымскимъ государствомъ сталось. И вы, ради братской любви нашей, не дѣлали бы обидъ государству Крымскому и Турскому, на море не ходили бы, а если пойдете, то мы будемъ промышлять надъ вами." Казаки отвѣчали: „не прилично христіанину дружиться съ бусурманиномъ. Не мѣшайте намъ истреблять старинныхъ враговъ нашихъ. Мы всегда съ вами были въ братствѣ, но знайте, что мы умѣемъ обходиться съ непріятелями нашими, какъ и съ друзьями." Казаки стали готовиться къ оборонѣ, послали въ казачьи городки войсковыя граматы, чтобы городки укрѣплялись, чтобы часть казаковъ немедленно шла въ Черкаскъ для защиты. Черкаскъ обнесенъ былъ землянымъ валомъ и рвомъ, который наполненъ былъ водою. Дѣйствительно, получено было извѣстіе, что сынъ Богдана, Тимофей, съ 5,000 запорожцевъ стоитъ уже на Міусѣ. Казаки послали въ станъ къ запорожцамъ знатныхъ старшинъ, которые увѣщевали ихъ: „Донскіе казаки съ вами, запорожскими черкасами, люди одной православной вѣры, и вамъ, запорожцамъ, сложась съ бусурманами, не годится приходить войною на насъ, православныхъ христіанъ. Прежде этого запорожскіе черкасы съ нами всегда бывали въ дружбѣ и въ ссылкѣ, и зипуны добывали сообща. Когда у государя съ польскимъ королемъ была война, вы въ то время съ нами были въ миру. И нынѣ съ бусурманами противу насъ не складывайтесь, и дурно намъ не чините". Тимофей Хмѣльницкій отвѣчалъ, что по письму хана онъ идетъ сообща съ крымцами на горскихъ черкасъ, а не на нихъ, Донскихъ казаковъ.

А тѣмъ временемъ все чаще и чаще, крымцы въ соединеніи съ турками, стали нападать на казаковъ и тѣснить ихъ. „Намъ, холопямъ твоимъ,“—говорили опять казаки царю (въ 1660 г.),—„противъ такого собранья хана крымскаго и каторжнаго турскаго люду, не кѣмъ и не въ силу безъ твоей государевой помощи держать твою вотчину — черкасскій городокъ и оберегать рѣки. Какіе были у насъ нужные люди, да и тѣ, ожидая твоей государевой рати и твоего хлѣбнаго и денежнаго жалованья, отъ великихъ нуждъ и голоду и наготы разбрелись отъ насъ, на Русь, по твоимъ украиннымъ городамъ. Между тѣмъ, крымскіе люди, цѣлыми тысячами безпрестанно приходятъ подъ наши казачьи городки, конскія стада и животину у насъ отгоняютъ, дрова сѣчь и рыбу ловить намъ не даютъ. И намъ нынѣ для промысловъ своихъ ходить некуда. Приходили къ намъ крымскій ханъ и царевичъ съ 40,000, да съ ними рабочихъ людей, венгровъ, волоховъ и мутьянъ тысячъ 10, и подъ Азовомъ, на перевозѣ, повыше Каланчи, гдѣ принимаютъ и отдаютъ государевыхъ пословъ, по обѣ стороны, поставили двѣ башни каменныя и между ними черезъ Донъ подѣлали цѣпи.“

Залегли пути-дороги за синє морє,
А не стало намъ добычи на синемъ морѣ
И на тихомъ Дону Ивановичѣ...

поетъ народная пѣсня этого времени. Царь приказалъ воеводѣ Хитрово съ ратными людьми идти изъ Воронежа на помощь казакамъ. Составленъ былъ общій планъ дѣйствія, чтобы съ ранней весны, еще до травы, идти на крѣпости и разорить ихъ, покамѣстъ крымскому хану за недостаткомъ конскаго корма нельзя будетъ придти на выручку.

Первые два приступа къ каланчинскимъ башнямъ были отбиты съ большимъ урономъ для казаковъ. Казаки жаловались государю, что воевода Хитрово на первомъ приступѣ не былъ и стоялъ за Донцомъ верстахъ въ трехъ, или больше отъ городка, а когда они, вмѣстѣ съ ратными людьми, взошли уже на стѣны и взломали кровли башенъ, то Хитрово прислалъ своихъ начальныхъ людей и приказалъ ратнымъ людямъ отступить. Между тѣмъ изъ бывшихъ на Дону съ воеводою ратныхъ людей значительная часть разбѣжалась, и потому казаки снова просили о помощи и писали государю: „Если не будетъ отъ тебя, государь, прислано большаго голландскаго снаряда и конной и пѣшей рати, то намъ, вѣрно, придется разбрестись съ *плесловутой* нашей рѣки, Дону Ивановичу: держаться уже намъ не въ мочь и кормиться не чѣмъ.“ Однакожъ, среди этого, казаки успѣли прокопать

казачій Ерикъ, съ стругахъ своихъ вышли въ море, разгромили крымскіе улусы, много взяли ясыря и за это получили отъ царя похвальную грамату (16 окт. 1662 г.). Крымскому же царю, на упреки его за эти набѣги, государь отвѣчалъ, что казаки и ратные люди только защищались противъ набѣговъ крымскихъ людей, особенно послѣ построенія на Дону крѣпости, „а тебѣ вѣдь извѣстно, что Донскіе казаки живутъ здѣсь издревлѣ и на устьяхъ Дона вашихъ крѣпостей не было: почему же имъ и не защищать свои предѣлы?“

Къ этому времени тяжкихъ для казаковъ испытаній относится замѣчательный эпизодъ, свидѣтельствующій о религіозномъ настроеніи всей воинственной массы Донскаго казачества.

Такъ говорятъ сами казаки въ своей челобитной къ царю объ этомъ событіи: „Въ 1656 г., когда мы ходили войною на польскаго короля, наши Донскіе казаки взяли подъ Вильною, на рѣч. Виліи, образъ Богородицы Одигитріи, животворящій крестъ, евангеліе и книги, и все это привезли на Донъ, въ войско. Тогда же, по благословенію святѣйшаго патріарха московскаго, Никона, по нашему обѣщанію и челобитью, построена была нами, на Дону, церковь во имя Богородицы Одигитріи. Скоро послѣ того было многимъ явленіе отъ той чудотворной иконы, чтобы попрежнему поставить ее въ Вильнѣ. Сначала мы этому много разъ не вѣрили; но когда, въ прошломъ году, возвращаясь съ моря, мы были окружены крымскимъ царевичемъ и сидѣли въ окопахъ, въ степи на рѣч. Тузловѣ, то во все продолженіе осады чудотворная икона многимъ изъ насъ являлась, для того, чтобы мы опять поставили ее на старомъ мѣстѣ, а если же мы этого не исполнимъ, то намъ нигдѣ не будетъ Божіей помощи. Здѣсь мы дали обѣщаніе поставить икону въ Вильнѣ. Едва только мы успѣли произнести этотъ обѣтъ, какъ видимо стали одолѣвать крымцевъ и заступничествомъ Богородицы Одигитріи благополучно выбились изъ осады и возвратились въ Черкаскъ. Потомъ опять являлась икона Богородицы казаку, Стародубцу, съ тѣмъ, что если мы не исполнимъ своего обѣщанья, то всему войску будетъ нужда больше того, чѣмъ было въ осадѣ отъ крымскаго царевича. И мы, государь, по нашему войсковому обѣщанію, украсивши икону Богородицы, съ великою честью отпустили въ Москву и, вмѣстѣ съ тѣмъ, послали изъ войска священника и дьякона съ тою иконою, чтобы они вседневно передъ нею совершали Божественную службу.“ По заключеніи мира съ польскимъ королемъ, по желанію казаковъ, икона была отправлена изъ Москвы въ Вильну.

Еще задолго до появленія Стеньки Разина, значительныя партіи Донскихъ казаковъ, не находя себѣ занятія и зипуновъ на си-

немъ морѣ, не смотря на запрещенія главнаго войска, собирались въ верховыхъ казачьихъ городкахъ, и отсюда ходили на Волгу и Каспійское море для разбоевъ и грабежа. Такъ, еще въ 1628 г., астраханскіе воеводы доносили въ Москву, „что Донскіе казаки, до 600 челов., которые воровали на Волгѣ, сдѣлали себѣ на Дону, у Чиру, особый городокъ, съ низовыми казаками не съѣзжаются и ни въ чемъ ихъ не слушаютъ.“ Съ подобною же цѣлію, въ 1650 годахъ, устроенъ былъ между Паншинымъ и Иловлинскимъ укрѣпленный городокъ, *Рига*, взятый посланными отъ войска казаками съ большимъ боемъ. Въ 1660-же году прислана была на Донъ царская грамата, которою извѣщалось, „что воровскіе казаки разбиваютъ на морѣ купцовъ и торговыхъ людей персидскаго шаха, путь въ море въ Казыльбаши закрыли, русскихъ гостей и торговыхъ людей громятъ около Астрахани, впредь всякимъ зломъ хвалятся и многихъ къ себѣ воровъ призываютъ“. Не даромъ персидскій шахъ жаловался царю: „казаки такіе люди, въ какомъ бы государствѣ они ни были, никакого добра отъ нихъ не будетъ: казачье хотѣнье—человѣка убить, да ограбить, а такого человѣка жалѣть нечего.“ Граматою на Донъ повелѣвалось. чтобы атаманы и казаки попрежнему послали отъ себя изъ войска, кого пригоже, уговорить казаковъ отстать отъ воровства; „а если они васъ не послушаютъ“,—говорилось въ граматѣ,—„то вы чините надъ ними промыселъ.“ Но не смотря на то, въ 1667 г. воровскіе казаки начали опять собираться въ верховыхъ казачьихъ городкахъ, Паншинѣ и Качалинѣ, съ намѣреніемъ идти на Волгу для воровства. Главное войско, ослабленное въ то время постоянными битвами съ татарами, не могло противъ нихъ дѣйствовать успѣшно, хотя и угрожало судить непослушныхъ по войсковому праву: „кто чего доведется.“

Изъ предыдущаго видно, въ какомъ стѣсненномъ положеніи находилось само главное войско: „держаться намъ не въ мочь и кормиться нечѣмъ“ — говорили казаки. Вотъ въ это-то время раздался кличъ воровскаго атамана, Стеньки Разина:

Судари мои, братцы, голь кабацкая,
Поѣдемъ мы, братцы, на сине море гулять.
Разобьемъ мы, братцы, бусурмански корабли,
Возьмемъ мы, братцы, казны, сколько надобно.

Къ веснѣ собрана была уже довольно значительная шайка, съ которой Разинъ хотѣлъ было добыть зипуновъ на синемъ морѣ, но атаманъ Корнилій Яковлевъ, съ товарищами, не желая нарушить мира съ крымцами, удержалъ его отъ похода. Тогда Разинъ бросился вверхъ по Дону, къ Паншину городку, и отсюда повелъ собравшуюся

голыдьбу на Волгу. Когда вѣсть о разбояхъ Разина по Волгѣ и Каспійскому морю дошла до Москвы, то московское правительство стало подозрѣвать—не сочувствуетъ ли само войско дѣлу воровскихъ казаковъ. Еще въ началѣ появленія Разина, атаманъ, Корнилій Яковлевъ, не могъ остановить его шайку отъ похода на Волгу, потому, что голутвейныхъ казаковъ, ищущихъ добыть себѣ зипуновъ и слѣдовательно сочувствующихъ Разину, было много въ войскѣ. Атаманъ находился „отъ тѣхъ казаковъ въ большомъ опасеньи" и ничего не могъ предпринять рѣшительнаго. Онъ послалъ было погоню за Разинымъ, но она уже его не настигла. Осенью прислана была на Донъ грозная царская грамата: „прежде вы служили Россійскому государству вѣрно и радѣтельно, а нынѣ показываете небреженіе, надъ воровскими казаками не промышляете, о ихъ замыслахъ намъ не пишете. Вы забыли и не страшитесь ни суда Божія, ни опалы моея. Вы вручены мнѣ Богомъ: если меня не послушаетесь, то гдѣ найдете себѣ убѣжище, на кого возлагаете свою надежду и кто вамъ будетъ обороною. Пошлите же рать свою на воровскихъ казаковъ, или богобоязливыхъ людей для увѣщанія заблудшихся". Немедленно съ Дону отправлены были казаки, Леонтій Терентьевъ съ двумя товарищами, съ войсковою отпискою и царскою граматою. Сначала они прибыли въ Астрахань, а оттуда отпущены были отъ воеводы Хилкова на Яикъ. Разинъ принялъ этихъ пословъ, собралъ кругъ и, выслушавъ отписку и грамату, отвѣчалъ, что готовъ повиниться предъ государемъ, если онъ дастъ ему свою милостивую грамату. Но съ тѣхъ поръ прошло почти два года и лишь въ августѣ 1669 г. Разинъ принесъ царю повинную и возвратился на Донъ. Здѣсь, онъ, съ своею шайкою, расположился зимовать на островѣ Дона, возлѣ Кагальницкаго городка. Атаманъ и лучшіе казаки главнаго войска не принимали къ себѣ Разина, но и не могли противъ него дѣйствовать открыто. „Всѣ казаки, на Дону и Хопрѣ",—писалъ въ Москву царицынскій воевода,—„одинокіе и голутвенные люди, Стенькѣ Разину съ товарищи гораздо ради". Однако атаманъ, по совѣту съ казаками, отправилъ въ Москву станицу, спросить—какъ прикажетъ государь обходиться съ шайкой Стеньки Разина. Но въ Москвѣ не были убѣждены въ вѣрности всего войска и, поэтому, посланная станица была заточена въ Холмогоры. Только со временемъ, извѣстія воеводъ изъ украинныхъ городовъ мало по-малу убѣдили московское правительство въ расположеніи къ нему лучшей части войска. На Донъ былъ отправленъ царскій жилецъ, Герасимъ Евдокимовъ, чтобы объявить казакамъ благоволеніе царя и разузнать о намѣреніяхъ Разина. По пріѣздѣ Евдокимова казаки сдѣлали кругъ, приняли съ честью царскую грамату и готовились отпустить его

обратно, но совершенно неожиданно явился въ Черкаскѣ Разинъ съ своею шайкою; на слѣдующій день былъ собранъ снова кругъ для отдачи Евдокимову войсковой отписки. Разинъ входитъ въ кругъ и спрашиваетъ: куда казаки наряжаютъ станицу? Казаки отвѣчали, что станица выбирается для сопровожденія Герасима Евдокимова. Разинъ потребовалъ къ себѣ Евдокимова и спросилъ его: „отъ кого ты присланъ на Донъ: отъ великаго государя или отъ бояръ?“ Евдокимовъ говорилъ, что онъ присланъ отъ государя съ милостивою грамотою къ войску. Разинъ отвѣчалъ, „ты не грамату привезъ, а пріѣхалъ лазутчикомъ“ и велѣлъ своимъ казакамъ его убить и бросить въ Донъ. Атаманъ, Корнилій Яковлевъ, хотѣлъ было удержать шайку Разина отъ убійства, но тотъ сталъ ему самому грозить смертію: „ты владѣй своимъ войскомъ“, —говорилъ Разинъ атаману,—„а я владѣю своимъ, а въ мои дѣла не мѣшайся“. Одиннадцатидневное пребываніе Разина въ Черкаскѣ сопровождалось убійствами и разнаго рода неистовствами. Такъ, въ смертномъ приговорѣ Разина мы читаемъ: „будучи на Дону, говорилъ онъ про Спасителя нашего Іисуса Христа всякія хульныя слова, не велѣлъ ставить на Дону церквей Божіихъ, священниковъ съ Дону сбивалъ, и велѣлъ вѣнчаться около вербы. Старыхъ Донскихъ казаковъ, самыхъ добрыхъ людей, переграбилъ и многихъ побилъ до смерти и въ воду посажалъ; жильца Евдокимова убилъ и въ воду посадилъ; воеводу Ивана Хвостова билъ, изувѣчилъ и ограбилъ“. Умноживъ еще болѣе свою шайку, Разинъ двинулся вверхъ по Дону, въ судахъ и сухимъ путемъ, съ цѣлію идти опять на Волгу.

По полученіи извѣстій о злодѣйствѣ Разина, прислана была на Донъ царская грамата, въ которой выражена была надежда, „что крѣпкимъ, атаманскимъ и старшинъ всего войска, береженіемъ, воровскіе шатостные люди будутъ задержаны. Если же воръ Стенька Разинъ“,—говорится въ граматѣ,—„ушелъ съ Дону на Волгу, то тамъ сдѣлано уже распоряженіе о его преслѣдованіи“.

Разбитый царскими войсками подъ Симбирскомъ, Разинъ, съ братомъ своимъ Фролкою и съ немногими приверженцами, бѣжалъ на Донъ и заперся въ своемъ прежнемъ лагерѣ, въ Кагальницкомъ городкѣ, укрѣпивъ его для безопасности. Здѣсь онъ пробылъ всю зиму, на нѣкоторое время пріѣзжалъ даже въ Черкаскъ, къ атаману Корнилію Яковлеву, который, не имѣя возможности дѣйствовать противъ него оружіемъ, прибѣгнулъ къ притворству и хитрости. Это-то обстоятельство дало поводъ обвинять Яковлева въ сочувствіи Разину. На него доносили: „атаманъ, Корнилій Яковлевъ, первый государю измѣнникъ. Воръ Стенька Разинъ пріѣзжалъ къ нему изъ Кагальника,

и напившись пьянъ валялся въ собольей шубѣ. Корнилію же онъ подарилъ шубу рысью и Родіону котелъ серебряный, а они потчивали его и отпустили въ Кагальникъ, на своей лошади". А между тѣмъ, атаманъ Яковлевъ и старшина Родіонъ Осиповъ, съ другими старшинами тайно готовили пушки и суда, и подъ другимъ предлогомъ собирали войско. Въ началѣ весны войско двинулось къ Кагальницкому городку, и Дономъ и сухимъ путемъ. Послѣ упорнаго сопротивленія, Разинъ съ братомъ Фролкою сдался 14-го апрѣля 1670 г., городокъ былъ разоренъ и валъ, окружающій его, срытъ до основанія. Стенька Разинъ съ братомъ сначала привезены въ Черкаскъ, гдѣ были закованы въ цѣпи, и отсюда, подъ строгимъ наблюденіемъ самого атамана Корнилія Яковлева, отправлены въ Москву, гдѣ и казнены. Еще прежде взятія Разина казаки рѣшились отправить къ государю старшинъ и лучшихъ казаковъ—*бить челомъ отъ всего войска Донскаго о всепрощеніи въ винахъ ихъ.* Посланные въ Москву съ повинной, казаки, на разспросахъ выслушали слѣдующее обвиненіе отъ бояръ: „многіе люди къ вору приставали, другіе надъ нимъ не дѣлали поиску, вѣстей великому государю не давали и станицъ не присылали. И хотя не было измѣны вашей въ томъ дѣлѣ, но однако же сдѣлалось большое кровопролитіе отъ вашего нерадѣнія. Вамъ можно было, еще до ухода на Волгу, воровскіе замыслы Разина разрушить. Прежде подобнаго нерадѣнья у васъ въ войскѣ не было, служили вы вѣрно и всегда воровъ отъ воровства унимали. Въ нынѣшнемъ же кровопролитіи вы много виноваты. Но, видя ваше челобитіе и чистосердечное раскаяніе, государь пожаловалъ васъ—велѣлъ вамъ вины ваши отдать. Пріѣхавъ на Донъ, объявите всему войску государеву милость". Вслѣдъ за тѣмъ казачья станица была освобождена изъ заточенія и отпущена на Донъ.

ВТОРОЕ СТОЛѢТІЕ.

1670—1770 г.

Изъ Донскихъ казаковъ одни посылаются, другими перемѣняются немалымъ числомъ въ низовомъ корпусѣ.
(Пол. сб. Зак. т. 8-й № 5982).

Первая формальная присяга казаковъ на вѣрность службы.—Построеніе крѣпостей на Мусѣ и устьяхъ Дона.—Миръ съ турками и Крымомъ.—Посольство запорожцевъ къ донскимъ казакамъ.—Разрывъ съ турками и Крымомъ.—Ссоры съ калмыками.—Участіе казаковъ въ азовскихъ походахъ Петра Великаго и въ усмиреніи астраханскаго возмущенія.—Переселеніе на Донъ раскольниковъ и бѣглыхъ крестьянъ.—Булавинскій бунтъ.—Построеніе новаго транжамента—Кубанскіе навѣги.—Возвышеніе власти войсковыхъ атамановъ и старшинъ.—Атаманство Данилы Ефремова.—Атаманство Степана Ефремова.—Устройство духовныхъ дѣлъ въ войскѣ Донскомъ.—Первая перепись Донскихъ малороссіянъ.—Паденіе атамана Степана Ефремова.—Милостивая царская грамата и жалованное знамя Донскимъ казакамъ.

Начало втораго столѣтія существованія войска Донскаго ознаменовано важнымъ событіемъ въ исторіи Донскаго казачества. Когда былъ усмиренъ бунтъ Стеньки Разина, то изъ Москвы отправлены на Донъ стольникъ Гр. Косоговъ и дьякъ Богдановъ, для приведенія всѣхъ атамановъ и казаковъ къ присягѣ на вѣрность службы. Стольникъ Косоговъ прибылъ въ Черкаскъ, въ августѣ 1671 г., вмѣстѣ съ атаманомъ Корнилою Яковлевымъ и старшиною Родіономъ Осиповымъ, бывшими въ Москвѣ съ зимовою станицею. Казаки обрадовались царскому хлѣбному и денежному жалованью, но когда стольникъ объявилъ имъ о присягѣ, то между ними обнаружилось сильное волненіе. Многіе говорили: „мы рады служить великому государю и безъ крестнаго цѣлованья, а крестъ цѣловать не для чего". Три раза сходился войсковой кругъ по этому дѣлу, но ничѣмъ не рѣшилъ его. Наконецъ на четвертый день положено было присягнуть государю на вѣрность службы; если же кто не будетъ присягать, того бить и грабить. На площади, предъ соборною церковью, казаки приносили присягу, и имена присягнувшихъ вписывались въ особую книгу, присланную изъ посольскаго приказа. Другая же подобная этой книгѣ была оставлена въ войскѣ для вписыванія тѣхъ казаковъ, которые будутъ приходить въ войско на службу или будутъ родиться на Дону и здѣсь достигнутъ совершеннолѣтія. Сущность присяги, данной казаками, состояла въ слѣдующемъ: „всѣ

возмущенія и тайные заговоры противъ государя немедленно усмирять, главныхъ зачинщиковъ присылать въ Москву, а приверженцевъ ихъ по жестокому войсковому праву казнить смертію. Если же кто, измѣняя государю, начнетъ ссылаться съ поляками, нѣмцами, или татарами, то съ такими предателями сражаться, къ нимъ не приставать и даже не помышлять о томъ. Съ калмыками не сноситься, а увѣщевать ихъ служить государю; скопомъ и заговоромъ ни на кого не приходить, никого не грабить и не убивать, и во всѣхъ дѣлахъ ни на кого ложно не показывать. На здравіе государя и всей царской фамиліи не посягать, и кромѣ его величества, государя—другаго государя, польскаго, литовскаго, нѣмецкаго и изъ другихъ земель царей и королей, на царство всероссійское никого не призывать и не желать. Если же узнаютъ, что есть какой скопъ и заговоръ на государя и его царскую фамилію, то съ такими злоумышленниками биться, не щадя живота своего". Такъ совершилась первая формальная присяга Донскихъ казаковъ на вѣрность службы. Съ этого же времени установилось обыкновеніе—при восшествіи на престолъ всякаго новаго государя посылать казакамъ присяжную запись, или крестоприводную книгу, по которой они должны были „предъ святымъ Христовымъ евангеліемъ",—какъ говоритъ царская грамата,—„учинить вѣру на томъ, что имъ, великому государю и его семейству, служить и прямить во всемъ, всякаго добра хотѣть безъ всякой хитрости и быть въ государскомъ повелѣніи",—причемъ каждый разъ подтверждались: „а наше великаго государя жалованье и милость къ вамъ, атаманамъ и казакамъ, и ко всему войску Донскому, будетъ противъ прежняго, и служба ваша и радѣнье у насъ никогда забвенны не будутъ." По такой записи казаки принесли присягу царю Ѳедору Алексѣевичу въ 1676 г., царю Петру Алексѣевичу въ 1682 г. и, наконецъ, въ іюлѣ того же года, царямъ Іоанну и Петру Алексѣевичамъ.

Значеніе и смыслъ всѣхъ послѣдующихъ событій въ войскѣ Донскомъ, его почти безпрерывныя войны съ азовцами и крымцами въ концѣ XVII столѣтія, объясняются царскимъ повелѣніемъ, выраженнымъ въ граматѣ 1672 г. „И вы бы, служа намъ, великому государю",—сказано въ граматѣ,—„подъ каланчинскими башнями и подъ Азовомъ всякій воинскій промыслъ чинили, сколько Господь Богъ помощи подастъ." Въ посланной же къ крымскому хану царской граматѣ говорилось: „когда славный городъ Азовъ былъ взятъ немногочисленнымъ войскомъ Донскихъ казаковъ, въ то время вашъ Муратъ султанъ много просилъ насъ объ отдачѣ ему обратно этого города и, только по его многой просьбѣ, Азовъ былъ ему отданъ, но за то онъ обѣщалъ заказать крымцамъ, чтобы они на наши украины войною не ходили. Предки твои не исполнили этого заказа и за такую неправду приняли достойное

возмездіе. Донскіе казаки брали у васъ Трапезонъ, Сизополи и другіе города и даже подъ самый Константинополь нѣсколько разъ ходили.“

Въ слѣдующемъ году прислано было на Донъ около 8 т. царскаго войска, подъ начальствомъ воеводы Хитрово и стольника Косогова, которымъ приказано—по совѣщаніи съ Донскими казаками осадить и взять каланчинскія башни. Царскія войска расположились недалеко отъ Черкаска, въ укрѣпленномъ мѣстѣ. Изъ главнаго войска отправлены были во всѣ городки граматы, которыми призывались казаки въ Черкаскъ; три части ихъ должны были выступить въ походъ и, уже въ августѣ, до 5 т. казаковъ, подъ предводительствомъ войсковаго атамана Корнилія Яковлева, открыли осаду каланчинскихъ башенъ; но первые приступы были неудачны такъ, что потеряна была всякая надежда на скорое взятіе крѣпостей. Наконецъ рѣшено было перемѣнить планъ военныхъ дѣйствій и на устьѣ рѣч. Міуса устроить крѣпость, „чтобы оттуда свободно ходить на море, и Крыму отъ этой крѣпости будетъ великая напасть и къ Азову приходить имъ будетъ нельзя.“ Для исполненія этого намѣренія въ слѣдующемъ году уполномоченъ былъ стольникъ кн. Хованскій, которому поручено было главное начальство надъ царскими войсками; ему же данъ былъ наказъ „обо всякихъ дѣлахъ съ донскими атаманами совѣтываться и ихъ къ себѣ призывать.“ Опытный атаманъ, Корнилій Яковлевъ, съ войскомъ, говорили противъ построенія крѣпости на устьѣ Міуса, потому что отъ этого они не предвидѣли никакого стѣсненія туркамъ, такъ какъ, при существованіи этой крѣпости, изъ Азова и въ Азовъ могутъ свободно проходить моремъ корабли и каторги. Казаки говорили, что они не станутъ сидѣть въ той крѣпости, на Міусѣ. Затѣмъ призвали въ кругъ атамана Мих. Саморенина, который передъ этимъ ѣздилъ въ Москву съ станицею, и спрашивали его: не онъ ли, будучи въ Москвѣ, говорилъ о построеніи крѣпости на Міусѣ, и черезъ это ввелъ великаго государя въ убытки? Но Саморенинъ во всемъ запирался. Доводы казаковъ противъ построенія міусской крѣпости подкрѣплялись еще и тѣмъ, что построенный въ минувшую осень Міусскій городокъ весною потопило разливомъ воды, и бывшіе тутъ Донскіе казаки его оставили.

Между тѣмъ, царскія войска, тяготясь непривычною трудною службою, стали разбѣгаться большими массами, такъ что за короткое время всѣхъ бѣжавшихъ считалось до 1400 челов. Многіе уходили въ верховые городки и тамъ поступали въ казаки; другіе, получая отъ казаковъ пособіе провіантомъ и судами, отправлялись въ украинные города. По царскому приказу изъ главнаго войска посылались граматы въ верхніе городки, съ подтвержденіемъ, чтобы бѣглыхъ ратныхъ людей представляли въ войско съ станицами: „Кто же не послушаетъ

нашей войсковой граматы",—писали казаки,—„то на той станицѣ наша войсковая пеня: вѣкъ бить и грабить, и суда имъ не будетъ, и впредь въ таковой нашей войсковой пенѣ милости не просить."

Въ бытность свою въ Москвѣ съ казачьей станицей, въ 1675 г., атаманъ Родіонъ Колуженинъ подалъ совѣтъ боярамъ—для стѣсненія азовцевъ построить двѣ крѣпости на двухъ устьяхъ притока Дона, казачьяго Ерка, а третью на Каланчинскомъ притокѣ; въ каждой изъ нихъ поставить значительный гарнизонъ, которому дать хорошее жалованье, по 10 р. въ годъ, и по 6 четв. хлѣба каждому. Кромѣ того Колуженинъ совѣтовалъ дать позволеніе свободнымъ людямъ приходить на Донъ для поступленія въ казаки, чтобы этимъ наполнять убыль въ войскѣ, причиняемую безпрерывными войнами. Бояре совѣтъ Колуженина приняли и доложили о немъ царю, который приказалъ дѣлать поэтому должныя распоряженія. Подъ начальствомъ князя Кольцова-Мосальскаго посланы были на Донъ еще войска; князю Хованскому приказано было сначала тайно переговорить объ этомъ съ атаманомъ Корниліемъ Яковлевымъ и съ лучшими изъ старшинъ. Атаманъ и старшины изъявили готовность содѣйствовать этому предпріятію и послали граматы въ верховые городки о собраніи всего войска въ Черкаскъ. Собрались казаки. Атаманъ объявилъ имъ царскую грамату, которою повелѣвалось „идти для промыслу на казачій Еркъ, для строенія городковъ," но казаки отвѣчали, что они по малочисленности своей исполнить этого не могутъ, и кругъ разошелся, ничѣмъ не рѣшивши дѣла. Корнилій Яковлевъ снова собралъ кругъ, и требовалъ, чтобы казаки дали отвѣтъ на царское повелѣнье, но они опять стали расходиться. Яковлевъ сердился, укорялъ непослушныхъ, и трехъ человѣкъ зашибъ палкою. Весь кругъ пришелъ въ волненіе, нѣкоторые изъ казаковъ схватили и самого атамана и нанесли ему побои, затѣмъ смѣнили съ должности, а на мѣсто его выбрали Михайлу Саморенина; здѣсь же вспомнили, что старшина Родіонъ Колуженинъ первый подалъ совѣтъ о построеніи городковъ, схватили его и хотѣли убить, но Колуженинъ, обороняясь находящимся при немъ ножомъ, успѣлъ уйти въ свой домъ и оттуда въ ратный городокъ. Спустя нѣсколько дней, по ходатайству князя Хованскаго, казаки позволили ему возвратиться въ Черкаскъ. Новый атаманъ успѣлъ таки склонить казаковъ идти всѣмъ войскомъ на казачій Ерикъ для осмотра; но когда, здѣсь же, князь Хованскій предложилъ казакамъ, что онъ съ своими войсками станетъ строить городки, а имъ, казакамъ, принять отъ него денежное и хлѣбное жалованье и въ тѣхъ городкахъ сидѣть, то казаки отвѣчали: „хотя бы намъ жалованья давали по 100 р., а мы въ городкахъ сидѣть не хотимъ. Рады мы помереть за великаго государя и безъ городковъ. Въ тѣ городки надобно людей ты-

сячъ съ 13, а насъ казаковъ теперь будетъ всего-то тысячи съ три.“ Государь такими дѣйствіями казаковъ былъ недоволенъ и грозилъ имъ отказать въ жалованьи. Но скоро войско успѣло заслужить свою вину. Менѣе чѣмъ черезъ годъ царь Алексѣй Михайловичъ писалъ уже казакамъ: „всѣ тѣ ваши вины, за вашу службу (удачный походъ на Крымъ), жалуемъ и отпущаемъ и впередъ тѣ ваши вины вспомятованы не будутъ.“

Въ то самое время, когда казаки судовой ратью разоряютъ турецкій городъ Темрюкъ и подступаютъ къ самымъ стѣнамъ Азова, товарищи ихъ, и пѣшимъ строемъ и конною ратью, подъ начальствомъ атамана Саморенина и полковника Фрола Минаева, въ числѣ 2000 челов., участвуютъ въ чигиринскомъ походѣ князя Ромодановскаго (1678 г.) и, затѣмъ, подъ начальствомъ Корнилія Яковлева, въ числѣ 3000, идутъ на Украину, въ Царевъ-Борисовъ, для отраженія нападеній крымскаго хана и участвуютъ съ княземъ въ разбитіи непріятеля, подступавшаго подъ города Зміевъ и Соколовъ. Вскорѣ затѣмъ начались переговоры съ крымскимъ ханомъ о заключеніи мира, а между тѣмъ казакамъ велѣно было выступить въ Малороссію, въ составъ арміи Голицына. Уже прислано было имъ 10,000 р. жалованья, полагая атаманамъ по 7 р., есауламъ по 6 р. и рядовымъ по 5 р., и часть казачьяго войска выступила въ походъ, какъ помѣшала этому походу угрожавшая опасность со стороны Азова, гдѣ собирались калмыки, ногайцы и черкесы. Когда заключенъ былъ миръ съ Турціею и Крымомъ, тяжело стало жить казакамъ: негдѣ имъ было доставать зипуновъ. Къ тому же „азовцы“,—жаловались донскіе казаки,—„пользуясь миромъ, многія неправды дѣлаютъ. Какіе казаки ходятъ на звѣриной промыслъ, они тѣхъ грабятъ, наругаются надъ ними, бороды и усы имъ остригаютъ.“ Для самихъ азовцевъ миръ не принесъ облегченій. „Кормиться намъ нечѣмъ“,—жалуются они,—„казаки войскомъ приговорили и постановили накрѣпко, что никому изъ насъ дровъ и уголя не продавать и не возить.“ При такихъ-то обстоятельствахъ, не смотря на строгій заказъ со стороны войска не ссориться съ сосѣдями, крымцами и азовцами, не могло обойтись безъ обоюдныхъ нападеній и набѣговъ. Въ грозной войсковой граматѣ во всѣ нижніе и верхніе казачьи городки, объявлялось, чтобы, подъ страхомъ смертной казни, „никто съ азовцами и калмыками не ссорился, на море и на Волгу для воровства и добычи не ходилъ; еслиже кто ослушается, то казаковъ того городка выбить вонъ и съ рѣки Дону сослать, чтобы имъ нигдѣ пристаница не было, городокъ же сжечь, а заводчиковъ вѣшать и рубить.“ Но не смотря на то, большія партіи казаковъ сдѣлали нападенія на Перекопъ и на Крымъ, что вызвало со стороны крымскаго хана слѣдующее письмо къ атаману

Фролу Минаеву: „Ты знаешь, что у насъ съ русскимъ государемъ миръ, а не перестаешь посылать на Перекопъ казаковъ и калмыковъ. Я никому изъ своихъ не велю нападать на русскія земли Если же нападаютъ на васъ азовцы, то въ томъ виноватъ не я, а азовскій бей. Возврати народъ, взятый въ плѣнъ; если же этого не сдѣлаешь, то я зимою по льду самъ приду на Донъ, съ несмѣтными силами и нападу на всѣ ваши тридцать два городка.“ На эти угрозы казаки отвѣчали хану: „Ты упрекаешь насъ нарушеніемъ мира, но вспомни сколько разъ мы жаловались тебѣ на азовскаго бея, который разоряетъ насъ и украину, за что мы сами всѣмъ войскомъ будемъ вооружаться противъ тебя. Ты грозишь разорить наши жилища, но они *не корыстны* и надобно ихъ добыть твердо головами, стадъ-же у насъ конскихъ и животныхъ мало, придется тебѣ только даромъ забиваться въ такой далекій путь.“

Въ маѣ 1684 г., совершенно неожиданно, явились въ Черкаскъ послы отъ запорожскаго кошеваго атамана, Сагайдачнаго, просить казаковъ и калмыковъ на службу польскаго короля противъ турокъ и татаръ. „Мы же“,—показывали казаки на разспросахъ въ Москвѣ,—„кошеваго атамана листъ слушали, и сказали, что къ калмыкамъ мы листъ польскаго короля не пропустимъ, потому что у насъ такой указъ отъ государя, чтобы къ калмыкамъ и другимъ государскимъ подданнымъ никакихъ граматъ, листовъ и писемъ не пропускать, и это мы остерегаемъ крѣпко.“ Казаки отобрали отъ посланцевъ грамату польскаго короля къ калмыкамъ и отправили ее въ Москву. Но черезъ нѣсколько времени они снова получили отъ запорожцевъ грамату, въ которой тѣ просили, чтобы дозволено было охотникамъ изъ казаковъ вступить въ службу польскаго короля, обѣщая имъ хорошее жалованье. „Прошу вашей милости“,—писалъ полковникъ Палей,—„и всего войска Донскаго, извольте и свое письмо послать къ калмыкамъ противъ того королевскаго листа.“ „Какъ около Днѣпра будетъ не добро, такъ и вамъ худо“, — заключилъ свое письмо Палей. Казаки долго были въ нерѣшительности—что́ отвѣчать; но когда имъ представилась первая возможность пробраться въ море и такимъ образомъ найти себѣ дѣло въ битвахъ съ азовцами и крымцами, они отписали запорожцамъ: „Вы прислали къ намъ, войску Донскому, листы о народномъ дѣлѣ, но теперь уже вешняя и лѣтняя пора прошла, да къ тому же за прежніе походы былъ на насъ гнѣвъ великихъ государей, и нынѣ мы того же опасаемся. Но чуючи королевскую войну съ непріятелями, мы съ азовцами размирились, ходили и конною и судовою ратью промышлять надъ ними, суда брали и улусы громили. Все это сдѣлали для того, чтобы непріятелямъ короля помѣшку

учинить.“ Какъ скоро вѣсть объ этомъ дошла до Москвы, то немедленно отправлена была на Донъ царская грамата. „Вамъ, атаманамъ и казакамъ безъ нашего указу ссылаться съ польскимъ королемъ, помощь ему оказывать походомъ своимъ на Азовское море, не только чинить, но и мыслить даже о томъ негодилось, потому что у насъ теперь миръ съ турскимъ султаномъ и крымскимъ ханомъ.“ Послѣ того, какъ грамату эту вычли въ кругу, войсковой атаманъ, Фролъ Минаевъ, пригласилъ къ себѣ въ домъ на обѣдъ царскаго посланнаго. Здѣсь, отдавая ему отписку, говорилъ, что онъ со слезами унималъ Донскихъ казаковъ, чтобы они перемирія съ турками и крымцами не разрушали, но они его не послушались, потому что,—добавилъ Фролъ Минаевъ,—„у насъ много голыдьбы и наброду, присланнаго жалованья многимъ недостастъ, оттого и унять ихъ не возможно.“ Но въ іюлѣ слѣдующаго 1686 г. получена была царская грамата о заключеніи союза съ Польшей. „Полномочные послы“,—говорилось въ граматѣ,—„межъ нами и королемъ польскимъ учинили вѣчный миръ, и отдали въ нашу сторону, вѣчно, Кіевъ съ Запорожьемъ и со всѣми черкасскими городами. И вы, атаманы и казаки, собрався всѣмъ войскомъ, промышляли бы надъ непріятелями всѣхъ христіанъ—турками и крымцами, и корыстъ себѣ и вольный проходъ на море получали, сколько вамъ всемогущій Господь Богъ помощи подастъ.“ Казаки не замедлили, безъ сомнѣнія, воспользоваться этимъ разрѣшеніемъ. Но кромѣ мелкихъ набѣговъ на берега Крыма, они еще принимали видное участіе въ крымскомъ походѣ кн. Голицына. Весною 1687 г. собралось русское войско въ Малороссію, къ нему должны были присоединиться конные казаки, другіе же, въ стругахъ своихъ, должны были сдѣлать нападеніе на берега Крыма, съ моря. На дорогѣ соединенія съ корпусомъ Голицына, казаки разбили сильный татарскій отрядъ на Овечьихъ водахъ. Судовая же рать ихъ, послѣ удачныхъ морскихъ поисковъ, возвращалась съ добычей въ жилища свои, но въ казачьемъ Еркѣ напали на нихъ, ночью, огромныя силы татаръ: половина казаковъ пала на мѣстѣ, остальные же едва могли спастись. Однако казаки не унывали. Дождавшись возвращенія конной рати изъ Крыму, они положили на общемъ совѣщаніи идти на Азовъ. Но опустошительный пожаръ, истребившій въ это время почти весь Черкаскъ, на время замедлилъ ихъ предпріятіе. „Наслалъ на насъ Владыко праведный свой гнѣвъ“,—писали казаки въ челобитной царямъ Іоанну и Петру Алексѣевичамъ,—„погорѣли мы всѣмъ войскомъ, безъ остатку, и всѣмъ до конца разорились; церковь Божія, и колокола, и городъ, и раскаты, и ваше государское жалованье, снарядъ, пушки большія и полковыя, и свинецъ, все погорѣло, пороховая казна поднялась, у торговыхъ людей запасы

погорѣли, всѣмъ мы разорились, жить и ѣсть нечего, непріятельскіе же люди близко насъ, а намъ обороиться нечѣмъ. Отъ разоренія многіе люди разошлись, мы же на острову удержались, окопались землею, живемъ въ великой тѣснотѣ и терпимъ всякую нужду и голодъ, и вамъ, великимъ государямъ, служимъ неизмѣнно". Въ такое тяжелое время вдругъ явилась неожиданная помощь, приглашенный казаками калмыцкій тайша, съ 3 т. калмыкъ предложилъ казакамъ свое содѣйствіе противъ азовцевъ и, на другой же день послѣ пожара, войсковой атаманъ, Фролъ Минаевъ, собравши 2 т. казаковъ, пошелъ вмѣстѣ съ калмыками подъ Азовъ, конною и пѣшею ратью. Походъ этотъ кончился почти ничѣмъ. Получивши челобитную казаковъ, государи приказали послать войску Донскому годовое жалованье, три полковыя пушки и 300 руб. для постройки собора. Въ теченіе двухъ лѣтъ Черкаскъ былъ выстроенъ вновь.

1690—1691 гг. заняты были у казаковъ постоянными ссорами съ новыми безпокойными сосѣдями, калмыками, которые, кочуя близъ казачьихъ городковъ, грабили ихъ и разоряли, за что въ свою очередь подвергались нападеніямъ со стороны казаковъ. Часто мирились на томъ, что кѣмъ что пограблено, того *не спрашивать*, но такія мирныя отношенія не были продолжительны. Калмыки, считаясь подданными русскими, дружились съ крымскимъ ханомъ и азовцами. Владѣлецъ ихъ, Аюка-Тайша, въ соединеніи съ горскими черкесами и татарами, сталъ часто нападать на казачьи городки. Въ отмщеніе за то войско дозволило старшинѣ Сулѣ сдѣлать нападеніе на улусы самого Аюки-Тайши, кочевавшіе на Волгѣ, близъ Чернаго Яра. Сула сдѣлалъ довольно удачный набѣгъ, взялъ нѣсколько плѣнныхъ, но астраханскій воевода, узнавши объ этомъ, приказалъ отобрать у казаковъ плѣнъ и ихъ самихъ заключить въ тюрьму. Войско Донское принесло жалобу государю: „онъ" (воевода астраханскій),—говорили казаки,—„отнялъ у насъ нашъ ясырь, дружа и наровя бусурманамъ, взялъ съ нихъ великія взятки. Атамановъ и казаковъ безчестилъ, называя ихъ измѣнниками, и бранилъ всячески; бояринъ и воевода потакаетъ бусурманамъ для своей бездѣльной корысти и мѣняетъ насъ на бусурмановъ. Укажи, государь, воеводѣ, чтобы онъ не называлъ все войско измѣнниками и отдалъ бы намъ ясырь; не выдай насъ въ поруганіе и посмѣшище; если же указу не будетъ, то мы на раскольниковъ не пойдемъ, а расбредемся, куда кому сручно, но только въ Русь не пойдемъ: люди мы вольные, намъ тамъ дѣваться некуда, а пойдемъ на Куму, къ раскольникамъ. У насъ, на Дону, живутъ другъ другу угождаючи, а не *досаждаючи*. Теперь такое шаткое время стало, что намъ, кромѣ худа, ожидать нечего. Какъ жить намъ, мы и

разуму не приложимъ: надо постоянно беречься отъ непріятеля, а еще болѣе отъ своихъ: дураковъ явилось много". Царь, выслушавши челобитную казаковъ, приказалъ старшинѣ Сулѣ и бывшимъ съ нимъ въ походѣ казакамъ выдать 500 руб. До какого ожесточенія доходили взаимныя ссоры казаковъ съ калмыками—видно изъ слѣдующаго случая. Однажды, взявши въ плѣнъ нѣсколько калмыковъ, казаки, въ присутствіи посланныхъ отъ Аюки, „растаскали ихъ коньми, привязавъ къ хвостамъ"; взамѣнъ же убитыхъ выдали походнымъ казакамъ, изъ войсковой казны, денежное вознагражденіе.

Въ мартѣ 1695 г. въ войскѣ Донскомъ получена была царская грамата, въ которой говорилось: „мы, великіе государи, указали быть на нашей службѣ, на Дону, генералу нашему, Петру Гордону, съ солдатскими и стрѣлецкими полками; сбираться имъ въ Тамбовѣ и идти съ Тамбова на Хоперъ, съ Хопра на Донъ въ Черкаской. И тебѣ, войсковому атаману Фролу Минаеву, и всему войску Донскому, съ тѣми ратными людьми промышлять надъ непріятелями. Постараться бы вамъ, атаманамъ и казакамъ, чтобы о приходѣ нашихъ ратныхъ людей на Донъ азовцы прежде времени не узнали. Пусть указъ этотъ останется въ тайнѣ, чтобы никто кромѣ тебя, атамана, и старшинъ, о немъ не зналъ". Въ іюлѣ пришли ожидаемыя войска, а вслѣдъ затѣмъ прибылъ въ Черкаскъ самъ государь и, немедленно повелъ войско подъ Азовъ. Извѣстно, что по причинѣ отсутствія флота и недостатка искусныхъ инженеровъ, приступы къ Азову не были удачны, но, однакожъ, въ этотъ походъ были взяты дѣлавшія столько вреда казакамъ каланчинскія башни и поставлена была противъ Азова новая, Сергіевская крѣпость, куда войско Донское постоянно высылало для подкрѣпленія значительные отряды. Въ началѣ слѣдующаго 1696 г. снова прибылъ государь въ Черкаскъ съ значительной арміей, въ 64,000, подъ начальствомъ боярина Шеина, и съ первымъ русскимъ флотомъ. Онъ немедленно выступилъ къ Азову, имѣя при себѣ болѣе 5,000 Донскихъ казаковъ. Въ Черкаскѣ узналъ государь отъ посланнаго для поисковъ на Азовское море атамана Леонтія Паздѣева, что турецкій флотъ стоитъ недалеко отъ Азова. Государь тотчасъ же приказалъ своимъ галерамъ выходить на море. Когда же, по мелководью, они не могли пройти въ устьяхъ Дона, то онъ пересѣлъ въ легкую казачью лодку и, сопровождаемый сотней такихъ же лодокъ, вышелъ въ море Нечаянное нападеніе на турецкія суда, идущія къ Азову, увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. Въ этой битвѣ, казаки, въ первый разъ въ виду самого государя, показали свое искусство въ морскихъ сраженіяхъ, взяли два турецкихъ корабля и добычу—50,000 червонцевъ, 70 пушекъ и 80 бочекъ пороху—и много разнаго оружія.

Государь отдалъ воинскіе снаряды въ казну, а всѣ деньги, сукна и прочую добычу Донскимъ казакамъ. Итакъ первою своей побѣдой русскій флотъ обязанъ участію Донскихъ казаковъ. Съ легкой ихъ руки слава его начала расти быстро. Подъ предводительствомъ атамана Фрола Минаева, казаки участвовали также въ осадѣ и въ приступахъ къ Азову. Когда же Азовъ, вмѣстѣ съ Лютикомъ, сдались нашимъ войскамъ, то царь, оставляя въ нихъ сильные гарнизоны, поручилъ войску Донскому: „городъ Азовъ, новопостроенный Сергіевскъ, Каланчи и Лютикъ, и всѣ свои казачьи городки, беречь отъ непріятельскихъ вторженій со всякимъ усерднымъ радѣньемъ; и чтобы не допустить ихъ до разоренья и взять и посылать въ тѣ городки не *по малому* числу Донскихъ казаковъ въ помощь ратнымъ людямъ“.

Изъ временъ азовскихъ походовъ Петра I сохранилась народная пѣсня, а о посѣщеніи государемъ войска Донскаго, о событіи еще никогда не бываломъ на Дону, записано нѣсколько народныхъ преданій. Намѣреніе Петра взять Азовъ у турокъ и тѣмъ открыть свободный входъ въ море, какъ нельзя болѣе соотвѣтствовало завѣтнымъ желаніямъ казаковъ. Еще за полстолѣтія передъ этимъ они уже сдѣлали то, чего теперь только достигъ Петръ, и все время послѣ отдачи Азова, они только и думали о томъ, чтобы возвратить его отъ турокъ. Но грозныя граматы изъ Москвы удерживали ихъ. Понятно, почему съ такимъ сочувствіемъ казаки откликнулись на призывъ Петра. Такъ говоритъ объ этомъ народная пѣсня:

Не ясенъ соколъ леталъ по поднебесью,
Донской есаулъ бѣгалъ по Дону,
Казаковъ-то онъ рѣчью привѣтствовалъ:
«Вы вставайте, добры молодцы,
Господу Богу помолитеся:
Да не пусти Господь руки варвара
На Петра, Царя Бѣлаго, Православнаго;
Вы вставайте, други, пробудитеся,
Борзыхъ коней, други, вы сѣдлайте,
Подъ Азовъ городъ, други, поѣзжайте.
Ой, мы городъ разоримъ съ головы до ногъ,
Много казны возьмемъ, много золота,
Войсковую казну знатно поисправимъ.
Атамана своего семъ да послушаемъ,
Послушаемъ да пойдемъ въ походъ.
Самъ сизой орелъ пробуждается,
Самъ Петро царь подымается,
Со своими князьями, боярами,
Со своими Донцами,
Съ своими Запорожцами,

Въ 1705 г., въ августѣ, пріѣхали въ Черкаскъ 5 человѣкъ астраханскихъ жителей и обратились къ бывшему тогда войсковому атаману, Акиму Филипьеву, съ какими-то письмами. Атаманъ на тотъ же день собралъ кругъ, куда призвалъ астраханцевъ, и сталъ ихъ спрашивать—съ какимъ дѣломъ они присланы къ нимъ. Астраханцы въ отвѣтъ на это передали атаману свои *прелестныя* письма. Казаки велѣли своему войсковому писарю читать въ слухъ тѣ письма. Астраханцы писали: насъ отлучаютъ отъ церкви и приказываютъ брить бороды, носить нѣмецкое платье и курить табакъ; обрѣзываютъ полы платья, если кто изъ насъ или женъ нашихъ пойдетъ въ церковь въ старомъ платьѣ; приказываютъ поклоняться кумирамъ, наложили на насъ подати, берутъ *банныхъ* денегъ по рублю и по гривнѣ за погреба отъ каждой сажени, воевода отнялъ у насъ всѣ ружья и хлѣбное жалованье, употребляютъ насъ въ тяжкія работы; въ Казани и другихъ городахъ поставлены на квартирахъ по 2 и по 3 нѣмца: они поругаются надъ жителями, женами и дѣтьми ихъ. Дабы не умереть намъ въ смертномъ грѣхѣ, мы рѣшились виновныхъ въ нашемъ злополучіи предать смерти. Васъ же, войско Донское, просимъ стать вмѣстѣ съ нами за вѣру христіанскую и прислать къ намъ на вспомощеніе казаковъ своихъ".

Выслушавъ письмо, атаманы и казаки единогласно отвѣчали: „никогда мы къ такому злому дѣлу не пристанемъ и приставать не будемъ, потому что мы великому государю служимъ всегда вѣрно и неизмѣнно, а за заговорщиковъ и измѣнниковъ никогда не стоимъ." И тутъ же приговорили: лазутчиковъ вмѣстѣ съ прелестными письмами немедленно отослать въ Москву, давши о томъ знать азовскому губернатору. Еще прежде присылки отъ астраханскихъ бунтовщиковъ, казаки, узнавъ о мятежѣ, положили дать крестное цѣлованіе въ томъ, чтобы никто изъ нихъ къ мятежу не приставалъ, о чемъ во всѣ городки посланы войсковыя граматы „съ жестокимъ смертнымъ страхомъ, чтобы казаки тѣхъ городковъ къ астраханскимъ или къ другимъ ворамъ не приставали." Послѣ напутственнаго молебна, атаманъ Максимъ Фроловъ, съ 2 т. конныхъ казаковъ выступилъ немедленно подъ Астрахань. Въ то же время предписано было во всѣ городки, отъ Черкаска до Паншина, высылать въ походъ изъ 10-ти двухъ человѣкъ. Изъ другихъ же городковъ, лежащихъ по Дону, Хопру и Медвѣдицѣ велѣно идти по половинѣ. У кого изъ казаковъ были хорошія лошади, тѣ должны были идти конною ратью, а безконные плыть на судахъ. Такимъ образомъ, всѣхъ казаковъ собралось въ походѣ болѣе 10 т. и менѣе чѣмъ въ одинъ мѣсяцъ они были уже подъ Царицынымъ. Возмутившіеся астраханскіе стрѣльцы думали взять этотъ городъ при-

ступомъ, но съ большимъ урономъ были отбиты казаками. Освободивши городъ отъ осады, казаки въ самомъ Царицынѣ открыли заговоръ, схватили зачинщиковъ и казнили. Здѣсь же положено было, что если кто откроется въ этомъ заговорѣ изъ Донскихъ казаковъ, то такихъ предавать смертной казни, по обычаю, вѣшать за ноги, не испрашивая войсковаго разрѣшенья. Въ мартѣ 1706 г. астраханскій мятежъ былъ окончательно усмиренъ фельдмаршаломъ Шереметьевымъ. За усердную и вѣрную службу государь щедро наградилъ войско Донское. Въ граматѣ своей войску отъ 21 февраля 1706 г., изложивши подробно всѣ заслуги казаковъ въ усмиреніи бунта, царь писалъ имъ: „за такую вѣрную службу послано къ вамъ, атаманамъ и казакамъ, кромѣ обыкновеннаго годоваго жалованья, 20 т. руб. и особо бывшимъ въ Царицынѣ казакамъ 1869 руб. Для предбудущихъ же лѣтъ, въ память вѣрной службы всего войска Донскаго пожаловали мы атамановъ и казаковъ *честными и знатными войсковыми клейнотами*: войсковымъ атаманамъ, въ знакъ ихъ управленія—серебряный вызолоченный перначъ съ каменьями, бунчукъ съ яблокомъ, съ доскою и съ трубою серебряною вызолоченными, знамя большое—писанное на камнѣ золотомъ. На тѣхъ воинскихъ клейнотахъ подписано, что пожалованы Донскіе казаки за службу ихъ въ вѣчную и *несмертельную* память потомкамъ ихъ. Въ добавленіе къ этимъ клейнотамъ указали мы послать атаманамъ и казакамъ шесть знаменъ камчатыхъ, станичныхъ, писанныхъ золотомъ и серебромъ.“

„Милостивую и жалованную грамату сію мы повелѣли дать войску Донскому за многія вѣрныя и усердно радѣтельныя службы ихъ, въ неугасаемую ихъ славу, дабы имъ и дѣтямъ и сродникамъ и потомкамъ ихъ, видя такую неизреченную къ себѣ нашу царскую милость, служить также всегда вѣрно и радѣтельно.“

Кромѣ того Донскіе казаки были пожалованы еще особенною царскою милостію сравнительно съ другими русскими подданными. Эта милость принята была ими съ большою радостію и цѣнилась, кажется, не меньше, чѣмъ пожалованье клейнотами. Когда астраханскіе лазутчики были схвачены въ Черкаскѣ, то поручено было атаману Кочетову доставить ихъ въ Москву, и про благодарность государя за оказанную имъ къ казакамъ милость, атаманъ Кочетовъ на разспросахъ чистосердечно говорилъ: „Мы, Донскіе казаки, пожалованы и взысканы великимъ государемъ передъ другими народами. Къ намъ по сіе время не прислано царскаго указу о бородахъ и платьяхъ. Мы и теперь носимъ платье по древнему своему обычаю, какое кому изъ насъ нравится: одни любятъ носить платье и обувь по черкесски и по калмыцки, другіе привыкли ходить въ русскихъ платьяхъ стародавняго обычая; что кому лучше хочется, тотъ такъ и дѣлаетъ; въ томъ между нами казаками

распри или какого посмѣха небываетъ. Нѣмецкаго же платья никто изъ казаковъ не носитъ, да и мастеровъ, которые умѣли бы дѣлать нѣмецкое платье, нѣтъ въ нашихъ городкахъ. Кромѣ изволенія государскаго, у насъ казаковъ и охоты нѣтъ къ нѣмецкому платью; а если будетъ на то государское изволеніе, то мы его волѣ не будемъ противиться."

Въ послѣдніе годы царствованія Алексѣя Михайловича число уходившихъ изъ Россіи на Донъ увеличилось еще раскольниками. Къ бѣглымъ крестьянамъ присоединялись и гонимые за вѣру. О первомъ появленіи на Дону раскольниковъ упоминается еще подъ 1675 годомъ. Они селились преимущественно въ верхнихъ казачьихъ городкахъ, по Медвѣдицѣ и Бузулуку.

Уже въ 1688 г. царскою граматою повелѣвалось главному войску „идти на рѣку Медвѣдицу и вмѣстѣ съ калмыками промышлять надъ городкомъ, въ которомъ собрались воры и раскольники и хотятъ идти на рѣку Куму." Но прежде чѣмъ казаки изъ главнаго войска успѣли придти къ Медвѣдицкому городку, раскольники, подъ предводительствомъ попа Досиѳея, Пафнутія и другихъ, ушли съ Дону степью, на Куму. Тѣ же кумскіе бѣглецы, которые еще прежде удалились въ горы съ Куземкой Косымъ, снова появились въ верховьяхъ Медвѣдицы, близъ Тамбова и Козлова, и засѣли въ крѣпостяхъ. Противъ нихъ посланъ былъ атаманъ Осипъ Михайловъ, который, какъ сказано въ граматѣ, „смирялъ раскольниковъ по верховымъ городкамъ и запольнымъ рѣчкамъ и чинилъ имъ наказаніе: отъ раскола унималъ, а иныхъ непослушныхъ казнилъ смертію."

Съ этого времени раскольники, ушедшіе съ Дону на Куму и въ горы, становятся постоянными врагами казаковъ; часто въ соединеніи съ ногайцами и азовцами они нападаютъ на казачьи городки и разоряютъ ихъ. Между ними являются отважные предводители Петрушка, Музенка и Левка Маноцковъ. Около 1690 г. они вошли въ сношеніе со всѣми горскими владѣльцами, между которыми пріобрѣли себѣ славу отважныхъ воиновъ, и предложили имъ походъ на Донъ съ цѣлью согнать оттуда казаковъ, разорить Черкаскъ и городки, населить ихъ раскольниками и татарами и, затѣмъ, отдаться въ подданство турецкаго султана. Но, къ счастію, по разноплеменности союзниковъ плану этому не суждено было осуществиться.

Бѣжавшіе съ Дону раскольники замѣнялись новыми и число бѣглыхъ съ каждымъ годомъ увеличивалось. Еще въ 1675 г. правительство стало требовать отъ казаковъ, чтобы они выдавали бѣглыхъ. Но казаки на это говорили: „напередъ сего мы никогда не выдавали людей съ Дону; мы только и поддерживалися приходившими къ намъ людьми. Если же ты, государь, велишь ихъ отобрать у насъ, то мы всѣ раз-

бредемся врознь.“ Въ концѣ XVII столѣтія число переселенцевъ на Донъ изъ сосѣднихъ губерній дотого увеличилось, что многіе пограничные съ войскомъ уѣзды совершенно запустѣли. Переселялись не только тѣ, которые искали казацкой воли и войны, но даже и мирные земледѣльцы. Войско стало замѣчать небывалое дотолѣ на Дону явленіе: многіе переселенцы по верховымъ городкамъ стали заниматься промысломъ, несвойственнымъ казаку—земледѣліемъ. И вотъ выходитъ войсковая грамата, въ которой угрожалось: „если кто станетъ пахать землю и сѣять хлѣбъ, того бить до смерти.“—Новые переселенцы заняли въ пустѣ лежавшія земли по Хопру, Медвѣдицѣ, Бузулуку, Донцу, по впадающимъ въ Донецъ рѣкамъ: Бахмуту, Деркулу, Богучару и по обѣимъ Калитвамъ. Въ 1704 г. получена была на Дону царская грамата, изъ которой видно, что въ предшествовавшемъ году присланы были на Донъ царскіе стольники для описи казачьихъ городковъ по Хопру, Медвѣдицѣ, Бузулуку, Донцу и по Дону до Паншина, и для выселки съ Дону всѣхъ тѣхъ переселенцевъ, которые зашли туда послѣ 1695 г. Назначено было имъ и наказаніе: десятаго изъ нихъ посылать въ Азовъ, на работы. Этому же наказанію подвергались и тѣ, которые, хотя поселились на Дону и раньше 1695 г., но не участвовали въ азовскихъ походахъ. Царскимъ сыщикамъ велѣно было отобрать отъ казаковъ подписки, что они впредь не будутъ принимать къ себѣ бѣглыхъ подъ страхомъ смертной казни. Войско ходатайствовало предъ государемъ оставить на Дону по крайней мѣрѣ всѣхъ тѣхъ людей, которые зашли сюда до 1695 т., хотя бы они и не участвовали въ азовскихъ походахъ. Верховые городки, узнавши, что перепись касается только ихъ, а не низовыхъ казаковъ, пришли въ сильное сомнѣніе и опасались, что они навлекли на себя царскій гнѣвъ. Петръ Великій приказалъ обнадежить ихъ, что гнѣва на нихъ не имѣетъ, а что перепись сдѣлана для того, чтобы привести въ ясный счетъ: сколько на Дону верховыхъ городковъ старыхъ и новопостроенныхъ, какое имя каждому городку, сколько въ нихъ людей и нѣтъ ли между ними бѣглецовъ и пришлыхъ людей, потому что, сказано въ граматѣ, „многое есть челобитье разныхъ помѣщиковъ и вотчинниковъ о томъ, что люди ихъ и крестьяне, бѣгая со многими крадеными пожитками, ухораниваются въ тѣхъ верховыхъ городкахъ.“ Послѣ приведенія въ гласность казачьихъ городковъ и числа жителей въ нихъ, послѣдовала царская грамата о томъ, чтобы всѣ городки, которые построены не по указу послѣ азовской службы, на шляхахъ и по запольнымъ рѣчкамъ, свесть за сѣверскій Донецъ, а новопришлыхъ людей какіе здѣсь оказались „бѣгая отъ службы и отъ азовскихъ корабельныхъ работъ, разспросивши выслать въ украинные города.“ Для объявленія царской граматы, и

наблюденія за ея исполненіемъ былъ присланъ царскій стольникъ, которому повелѣно было обходиться съ войсковыми атаманами, старшинами и казаками вѣжливо, не вымогать отъ нихъ взятокъ и не требовать лишняго корму и подводъ. Но, не смотря на это, казаки въ своихъ отпискахъ постоянно жаловались на насильственные поступки царскихъ сыщиковъ.

Въ концѣ 1707 г. присланъ былъ на Донъ, для сыску бѣглыхъ, князь Юрій Владимировичъ Долгорукій. Извѣстно, какою жестокостію въ этомъ дѣлѣ ознаменовалъ себя князь Юрій. Не даромъ въ народныхъ донскихъ пѣсняхъ и до сихъ поръ живетъ имя князя Долгорукова, какъ главнаго виновника тогдашнихъ смутъ на Дону. Казаки обвиняли его въ томъ, что онъ, вопреки царскому повелѣнію, разорилъ и пожегъ многіе казачьи городки, пыталъ, билъ ихъ кнутомъ, рѣзалъ имъ носы и губы; наругался надъ женами и вѣшалъ дѣтей по деревьямъ. Народная пѣсня добавляетъ еще новыя обвиненія на Долгорукова. Некрасовцы говорятъ ему:

Ты спасибо, нашъ батюшка;
Поилъ, кормилъ берегъ, жаловалъ;
Ты въ однихъ на насъ, батюшка, прогнѣвался:
Захотѣлъ старикамъ усы, бороды брить
И молодыхъ дѣтей во солдаты брать,
Ты пріѣхалъ къ намъ на тихій Донъ,
Безъ указу то насъ разорять сталъ.

Вѣсть о насильственныхъ поступкахъ Долгорукова и его сыщиковъ быстро распространилась по Дону и, разумѣется, въ искаженномъ и преувеличенномъ видѣ дошла до казачьихъ полковъ, бывшихъ въ то время на шведской границѣ. Народная пѣсня поетъ объ этомъ:

Ахъ, служили мы на границѣ три годочка,
Намъ ни вѣсточки, ни граматки съ Дону нѣту,
И словеснаго челобитьица намъ неприслано,
На четвертомъ годочкѣ перепала вѣсточка;
Не полуночная звѣзда съ небесъ упадала,
А скорая почта прибѣгала
Ко походному нашему атаману,
Ко Иванушкѣ Ивановичу Фролову:
Ужъ ты здравствуй, походный нашъ атаманъ!
Ужъ ты здравствуй, со походными старшинами!
Ужъ ты здравствуй, со служащими казаками!
Какъ у насъ то на тихомъ Дону не здорово:
Какъ пріѣхали къ намъ на тихій Донъ все разсыльщики,
Во разсыльщикахъ были два боярина,
Безъ указа то они государева насъ разоряютъ,
И они старыхъ стариковъ всѣхъ ссылаютъ,
Молодыхъ же малолѣтокъ берутъ во солдаты.

Отъ того то нашъ славный тихій Донъ возмутился,
Возмутился славный тихій Донъ вплоть до устьица,
Какъ до славнаго до города Черкаскаго.

Такими крутыми мѣрами князь Долгоруковъ успѣлъ собрать по казачьимъ городкамъ до 3000 бѣглыхъ; однакожъ неудовольствіе противъ него все увеличивалось и, наконецъ, атаманъ, Бахмутскаго казачьяго городка, Кондратій Булавинъ, однажды ночью напалъ на отрядъ Долгорукова и истребилъ его вмѣстѣ съ предводителемъ. Братъ убитаго князя Юрія, впослѣдствіи присланный на Донъ для усмиренія мятежа, обвинялъ въ этомъ убійствѣ самого войсковаго атамана Лукьяна Максимова: „онъ послалъ указъ на Бахмутъ къ атаману тамошнему, Булавину, чтобы онъ брата убилъ; умыселъ ихъ воровской былъ такой: когда брата убьютъ, то тѣмъ воровство ихъ закрыто будетъ, и видя въ то время его величество въ войнѣ великой со шведомъ, разсудили, что за помянутой войною оставлено ихъ воровство будетъ.“ Но, вѣрнѣе, другія обстоятельства способствовали развитію Булавинскаго бунта. Въ то время коренныхъ лучшихъ домовитыхъ казаковъ не много было на Дону: одна часть ихъ была на сѣверѣ, на шведской границѣ,—другая, подъ начальствомъ старшины Кумшацкаго, находилась въ составѣ русской арміи, въ Польшѣ и Малороссіи. „У насъ войско Донское въ походъ послано тысячъ съ 15 и больше“—писалъ Булавинъ къ запорожцамъ, прося у нихъ помощи противъ царскихъ войскъ. Очень естественно, что за выходомъ съ Дону 15,000 казаковъ, *голыдьба*, къ которой взывалъ Булавинъ и его сообщники, составляли большинство и силу. Къ этой-то голыдьбѣ и разсылалъ Булавинъ свои *прелестныя* письма изъ Запорожья, куда онъ бѣжалъ послѣ начатаго имъ возмущенія. Онъ зналъ, что найдетъ себѣ сочувствіе у раскольниковъ, которыхъ много было въ верховыхъ городкахъ; поэтому въ своихъ граматахъ взывалъ къ чернымъ людямъ, чтобы „худымъ людямъ и княземъ, и боярамъ и прибыльщикамъ нѣмцамъ, за ихъ злое дѣло отнюдь не молчать и не спущать ради того, что они вводятъ всѣхъ въ еллинскую вѣру.“ „Всѣмъ войскомъ,“—говоритъ Булавинское челобитье, —„единодушно вкупѣ положили въ томъ, что стоять имъ со всякимъ радѣньемъ за домъ пресвятыя Богородицы, за истинную вѣру христіанскую и за благочестиваго царя, и за свои души и головы.“ Въ граматахъ же своихъ къ казакамъ и старшинамъ Булавинъ прибавлялъ еще: „Вы вѣдаете, какъ наши дѣды и отцы на семъ *полѣ* жили, и какъ оно тогда крѣпко держалось; нынѣ же наши супостаты старое наше *поле* все перевели и ни во что вмѣнили.“ Въ этихъ же письмахъ говорилось, „куда дойдетъ грамата, чтобы вездѣ по городкамъ одной половинѣ людей оста-

ваться по куренямъ, а другой выступать въ походъ по назначенію. Вольница же вся должна вооружиться". Напрасно войсковой атаманъ разсылаетъ свои увѣщавательныя граматы не приставать къ мятежу, казачьи городки по Хопру, Медвѣдицѣ, Бузулуку и Донцу пристали къ Булавину; около него собралось до 20,000, по большей части бѣглыхъ людей *и вольницы*. Войсковой атаманъ Лукьянъ Максимовъ съ вѣрною старшиною и казаками низовыхъ городковъ, выступилъ противъ бунтовщиковъ и разбилъ ихъ въ октябрѣ 1707 г. Булавинъ бѣжалъ въ Запорожье, а схваченные заговорщики были отправлены въ Москву съ старшиною Ефремомъ Петровымъ. Но бунтъ этотъ не кончился. Условившись съ запорожцами о взаимной помощи, Булавинъ въ началѣ весны 1708 г. снова появился на Хопрѣ, гдѣ его соучастники Некрасовъ, Драный, Голый и Хохлачъ подготавливали возмущеніе. Съ прибытіемъ Булавина мятежъ распространился даже на сосѣдніе съ войскомъ уѣзды. Жители Тамбовскаго уѣзда склонялись къ воровству, выбирали между собою атамановъ, есауловъ и расправу чинили по казачьей *обыкности*. Не смотря на то, что отрядъ мятежниковъ въ 1500 чел., подъ предводительствомъ Хохлача, былъ разбитъ царскими войсками на Куртлакѣ, мятежъ все увеличивался. Войсковой атаманъ, Лукьянъ Максимовъ, соединившись съ царскими войсками, высланными изъ Азова, снова выступилъ противъ мятежниковъ и встрѣтилъ ихъ недалеко отъ Паншина на рѣчкѣ *Лисковаткѣ*. Начались переговоры. Казаки верховыхъ городковъ хотѣли переслаться съ бунтовщиками, чтобы узнать, кто виноватъ въ бунтѣ. Атаманъ обвинялъ Булавина, а Булавинъ клялся, что атаманъ приказалъ ему убить князя Долгорукова. Во время этихъ переговоровъ Булавинъ неожиданно напалъ на войска правительства, верховые казаки присоединились къ нему и побѣда была на его сторонѣ. Какъ скоро вѣсть объ этой побѣдѣ распространилась по войску, то къ Булавину пристали всѣ городки по Бузулуку, Медвѣдицѣ, Хопру, сѣверскому Донцу и по Дону до Голубинскаго городка, за исключеніемъ пяти (Донецкаго, Казанскаго, Усть-медвѣдицкаго, Правоторовскаго и Бурацкаго), всего 99 городковъ въ 20,210 жителей; на сторонѣ войсковаго атамана осталось 6,780 человѣкъ.

Съ такими болвшими силами Булавинъ двинулся прямо къ Черкаску, вполнѣ разсчитывая на побѣду. Но Черкаскъ былъ укрѣпленъ; двое сутокъ длилась осада, покуда принадлежащія къ Черкаску станицы—Рыковская, Тютеревская и Скородумовская не перешли на сторону мятежниковъ и не выдали Булавину войсковаго атамана и главныхъ старшинъ. Въ Скородумовской станицѣ собрался кругъ и, послѣ шумныхъ споровъ, рѣшили: атамана и старшинъ побить до

смерти. Пріѣхалъ въ кругъ и Булавинъ, велѣлъ пытать атамана и старшинъ и допрашивать у нихъ денегъ и пожитковъ. 6-го мая назначена была казнь. Атаману отрубили голову. Старшина же Ефремъ Петровъ, передъ казнію, сказалъ слѣдующія пророческія слова: „хотя я отъ васъ и умру, но слава моя не умретъ; вы этотъ островъ такому вору отдали, а великому государю островъ знатенъ, рѣку великій государь всю очиститъ, и васъ, воровъ, выведетъ". Булавинъ избранъ былъ войсковымъ атаманомъ и немедленно послалъ царю грамату, въ которой оправдывалъ свои дѣйствія, говоря, что казаки верховыхъ городковъ, недовольные бывшимъ атаманомъ, собрались въ Черкаскъ для выбора новаго атамана и старшинъ, и здѣсь убили Лукьяна Максимова и старшину Петрова. Казаки же писали отъ себя, обвиняя бывшаго атамана и старшинъ въ томъ, что „они царскаго жалованья въ дуванъ не дуванили, множество новопришлыхъ съ Руси людей принимали, о заимкѣ юртовъ безъ нашего войсковаго вѣдома письма давали и за тѣ письма многія взятки себѣ брали, по твоему государеву указу не однихъ пришлыхъ съ Руси людей, но множество и старожилыхъ казаковъ, которые пришли лѣтъ 20 тому назадъ и больше, всѣхъ неволею въ Русь высылали, ради бездѣльныхъ своихъ взятокъ въ воду сажали, къ деревьямъ за ноги вѣшали. Князя Юрія убилъ не одинъ Конд. Булавинъ, убили его съ общаго вѣдома, потому, что у розыска поступалъ не по твоему государеву указу. Отъ тебя, великаго государя, мы никуды не откладываемся... Желаемъ тебѣ служить, попрежнему, всѣмъ войскомъ Донскимъ и всѣми рѣками, всеусердно. Но только чтобы твои полководцы къ городкамъ нашимъ не ходили, а буде они насильно поступятъ и какое разоренье учинятъ, въ томъ твоя воля: мы рѣку Донъ и со всѣми запольными рѣками тебѣ уступимъ и на иную рѣку пойдемъ". Но было уже поздно просить о помилованіи. Еще въ то время, когда Булавинъ осадилъ Черкаскъ, Петръ Великій отправилъ для усмиренія бунта до 20,000 войска и главное начальство надъ нимъ поручилъ брату убитаго князя Юрія, Василію Долгорукову. Между тѣмъ до прибытія царскихъ войскъ участь Булавина была уже рѣшена. Старые домовитые казаки усовѣщевали голутвенныхъ и пріобрѣтали между ними все больше вліянія. Въ войсковыхъ кругахъ стали уже громко высказывать Булавину: „Ты много говоришь, а съ повинною къ великому государю не посылаешь. Не всѣхъ перекуешь! Теперь насъ въ согласіи много, можемъ тебя и въ кругу поймать". Тѣмъ временемъ сообщникъ Булавина, Драный, съ 20,000 отрядомъ, былъ разбитъ царскими войсками. Приступъ воровскихъ казаковъ къ Азову тоже былъ отбитъ съ большимъ урономъ. Эти двѣ неудачи Булавина дали воз-

можность старымъ казакамъ въ Черкаскѣ окончательно взять верхъ. 7-го іюля они приступили къ куреню атамана, стрѣляли въ него; но Булавинъ не дался живымъ въ руки и застрѣлился. На мѣсто его избранъ былъ новый атаманъ. Въ это время подошли къ Черкаску войска князя Долгорукова, и на другой же день всѣ казаки присягнули къ бунту не приставать.

Отправляя на Донъ князя Долгорукова для усмиренія бунта, Петръ Великій далъ ему строгій наказъ: „всѣ казачьи городки, лежащіе по Донцу, Медвѣдицѣ, Хопру, Бузулуку и Иловлѣ сжечь и разорить до основанія, людей рубить и заводчиковъ сажать на колъ и колесовать, „ибо, какъ говорилъ Петръ, сія *сарынь* ничѣмъ, кромѣ жестокости, не можетъ быть унята". Теперь же, по занятіи Черкаска царскими войсками, должна была наступить жестокая расправа по царскому наказу. Свѣжа еще была память о жестокостяхъ покойнаго князя Юрія, всѣ ожидали отъ брата его еще большаго. Какъ расправлялся съ казаками князь Василій—можетъ дать намъ понятіе коротенькое письмо отъ калмыцкаго тайши, который участвовалъ въ расправѣ, къ царицынскому воеводѣ отъ 1708 г. „Я, чемешь, тамъ здоровъ, и ты воевода царицынскій Василій Ивановичъ здравствуй. Я перекопскій городъ взялъ, да прежде три городка разбили вмѣстѣ съ Хованскимъ: Паншинъ, Качалинъ, Иловлинъ, и казаковъ побили, а ниже Пяти-избъ съ казаками управляется бояринъ Долгорукій, а вверху по Дону казаковъ никого не осталось". Настала пора бѣжать казакамъ: уже въ августѣ того же года поднялись 16 станицъ, укладывали имѣніе, женщины и дѣти собирались въ дорогу, 3,000 семействъ сошлись въ Есауловкѣ, призываемыя туда письмами сообщника Булавина, Игнатія Некрасова. Услышавъ объ этомъ, Долгорукій поспѣшилъ съ одною конницею къ Есаулову городку и осадилъ его. Видя невозможность защищаться, казаки сдались: зачинщики были четвертованы, съ десятка по одному были повѣшены вокругъ городка, ставили висѣлицы съ повѣшенными на плотахъ и пускали ихъ внизъ по Дону. Тогда Некрасовъ, видя свое дѣло окончательно проиграннымъ, собралъ до 600 семей раскольниковъ, бѣжалъ съ ними на Куму и отдался подъ покровительство крымскаго хана. Некрасовцы поселились на Таманскомъ полуостровѣ, въ 30 верстахъ отъ моря. Здѣсь они встрѣтили своихъ земляковъ и одновѣрцевъ, которые еще прежде бѣжали сюда съ Дону, преслѣдуемые за приверженность къ старой вѣрѣ. Бѣгство Некрасова до сихъ поръ живетъ въ народной памяти. Народъ по справедливости, въ своихъ пѣсняхъ, заклеймилъ Игнашку Некрасова, какъ измѣнника религіи отцовъ и родинѣ. Извѣстные намъ два варьянта пѣсни объ этомъ событіи въ одно говорятъ, что Некрасовъ

увелъ съ Дону не столько служилыхъ старыхъ казаковъ, сколько глупыхъ малолѣтковъ. Вотъ одна изъ этихъ пѣсенъ:

Кто бы намъ сказалъ, братцы, про батюшку Тихій Донъ,
Про того казачка Игнатку измѣньшичка,
Какъ измѣнилъ онъ служить Царю Бѣлому,
Провѣръ сдѣлалъ нашей Государынѣ.
На вышку взлѣзъ, взялъ царску знамечку,
Съ этимъ знамечкомъ за Дунай бѣжалъ,
Не одинъ бѣжалъ, съ Дону казачьковъ увелъ,
Не служилыхъ старыхъ, а глупыхъ малолѣточковъ.
Переправушку имѣлъ онъ на быстромъ броду.
Не вбредки они брѣли, все вплывки плыли,
Знамя царское на рукахъ несли,
Переплывши Дунай, вокругъ сообщалися,
Во кругу поставили знамя царское,
Приказъ сталъ дѣлать нашъ измѣньшичикъ:
„Кидайте, казачки, вѣру христіанскую,
Понимайте вѣру бусурманскую“.
Малые малолѣточки перепужалися,
Одинъ у нихъ стоитъ не полошится:
„Стойте, малые малолѣточки, не пужайтеся!
По темнымъ лѣсамъ не разбѣгайтеся!
Мы отрубимъ Игнаткѣ буйную голову,
Пойдемъ опять служить царю Петру первому“.

Въ исходѣ 1708 г. казаки послали къ царю повинную съ старшиною Поздѣевымъ. Государь простилъ казаковъ и обѣщалъ содержать ихъ въ прежней милости, если они истребятъ всѣхъ оставшихся возмутителей и попрежнему будутъ жить спокойно. Получивши отъ царя *милостивую и простительную* грамату, главное войско поспѣшило подѣлиться такою радостію со всѣми казаками. „Царское величество пожаловали, вины наши отдать указали“, — писали казаки въ войсковой граматѣ во всѣ городки, — „чтобы мы войскомъ Донскимъ, помня свое обѣщаніе и крестное цѣлованіе, тѣ свои вины заслужили и тѣхъ воровъ, которые по сіе число въ шатости пребываютъ, конечно усмирили, чтобы по всей рѣкѣ было смирно по старому. Мы войскомъ обрадовались такому къ себѣ отъ великаго государя въ винахъ нашихъ на всѣ рѣчки прощенію и милостивому слову, и сдѣлавъ всего города кругъ *повальной*, вышедъ съ знаменами и съ мелкимъ ружьемъ, встрѣтили ту великаго государя простительную грамату и пришедъ всѣмъ народомъ въ соборную церковь и благодареніе Господу Богу за великаго государя и за государя царевича воздавъ, стрѣляли съ пушечнаго снаряду и съ мелкаго ружья два дня. И вамъ бы, атаманамъ молодцамъ, по всѣмъ станицамъ, видя къ себѣ такое отъ государя прощеніе и милость, также во всякой станицѣ всѣмъ народомъ молебное пѣніе справить и чинить изъ мелкаго ружья

стрѣльбу. И жить бы вамъ, атаманамъ молодцамъ, попрежнему въ добромъ состояніи благодарно и худого дѣла отнюдь не помышлять. Государь указалъ быть зимовой станицѣ вскорѣ, и отъ насъ, войска, зимовая станица вскорѣ пойдетъ, а кто хочетъ государевой милости, и тѣ бы ѣхали къ намъ, войску, не мѣшкая ни часу, бить челомъ". Исполняя царское повелѣніе, войско разослало во всѣ принимавшія участіе въ бунтѣ станицы особыя увѣщательныя граматы о томъ, чтобы они цѣловали крестъ и святое евангеліе, что „служить имъ великому государю вѣрно и ни къ какой шатости не приставать, ни какихъ воровъ къ себѣ не принимать, воровскими прелестными письмами ни съ кѣмъ не пересылаться". „Мы войскомъ Донскимъ, приговорили",—писали изъ Черкаска, — „въ винахъ вашихъ простить и жить вамъ въ станицѣ велѣли по прежнему и въ томъ дали вамъ прощальную и жилую грамату. Это крестное цѣлованье соблюдать вамъ строго и между собою станицами никакими дѣлами другъ друга не упрекать; если же у васъ, въ станицѣ или буеракахъ, какіе воры явятся, то такихъ брать безъ всякаго отлагательства и всѣхъ *сажать въ воду*. Вамъ, атаманамъ молодцамъ, жить станицею и къ себѣ пришлыхъ съ Руси, также воложскихъ бурлакъ, отнюдь не принимать. За противность же вашу по государеву и по нашему войсковому указу, десяти лучшимъ людямъ въ вашей станицѣ учинена будетъ смертная казнь, безъ милосердія и пощады. Если же къ вамъ будутъ пріѣзжать съ Кубани съ прелестными письмами отъ Некрасова, или отъ Стеньки вора, то такихъ присылать съ тѣми письмами къ намъ, войску".

Булавинскій бунтъ былъ усмиренъ, расправа съ виновными покончена. Болѣе 7,000 казаковъ было побито и казнено въ это смутное время. Князь Долгорукій буквально исполнилъ царскій наказъ: казачьи городки по Дону, по Айдару, Деркулу, Калитвамъ и другимъ впадающимъ въ Донецъ рѣчкамъ, по Медвѣдицѣ, Хопру, Бузулуку и Иловлѣ, всѣ были разорены или сожжены; земли по Донцу причислены къ Бахмутской провинціи; верховья же рѣки Хопра, послѣ разоренія населенныхъ здѣсь казачьихъ городковъ, присоединены къ Воронежской губерніи. Для Донскаго казачества наступило тяжелое время: послѣ Прутскаго договора, когда Азовъ обратно отданъ былъ туркамъ, для казаковъ закрылся входъ въ Черное море. Негдѣ стало имъ добывать зипуновъ. Вотъ въ это-то печальное для казачества время сложилась народная пѣсня, въ которой выражаются сѣтованія не одного войска Донскаго, а всего русскаго казачества:

Пріуныли, пріутихли на Дону Донски казаки,
А Яицкіе, Донскіе, Запорожскіе;
А и что казаки уныли?

Пріуныли на Дону Донскіе казаки,
Да что взялъ у нихъ, государь-царь, городъ,
Со тремя съ тѣми со малыми съ пригородками,
А и со славною со Кубаньей, съ крѣпкимъ Лютикомъ.
А во славномъ да въ Черкаскомъ земляномъ городкѣ
А стоитъ у казаковъ золотой бунчукъ,
А на бунчукѣ стоитъ чуденъ золотъ крестъ,
А передъ крестомъ тутъ стоитъ войсковой ихъ атаманъ,
А по имени-ли Фролъ сынъ Минаевичъ
Ко кресту тутъ собирались Донски казаки,
А и Донскіе, Гребенскіе, Запорожски-хохлачи;
Становились молодцы во единой войсковой кругъ,
Середи круга стоитъ войсковой Атаманъ,
А по имени ли Фролъ сынъ Минаевичъ.
Атаманъ рѣчи говорилъ, будто во трубу трубилъ:
„А и вы, братцы, казаки, вы Яицкіе, Донски, Запорожскіе,
Пособите мнѣ, атаману, вы думу думати,
Челобитну-ли намъ писати, государю подавать?
Самому-ли мнѣ, атаману, въ Москву ѣхати?
Перемирье бы намъ взять передъ самимъ царемъ:
Залегли пути дороги за сине море гулять,
Еще отъ вора отъ Васьки съ дѣтьми,
Залегли пути дороги за сине море,
А и не стало намъ добычи на синемъ морѣ
И на тихомъ Дону на Ивановичѣ“.
И поѣхалъ атаманъ въ каменну Москву,
Еще будетъ атаманъ въ каменной Москвѣ,
Поклонился государю о праву руку,
Сквозь слезы онъ словечко едва выговорилъ:
„Ахъ, свѣтъ нашъ, надежда, благовѣрный царь!
А и грозенъ, государь, Петръ Алексѣевичъ!
Прикажи намъ на Дону чѣмъ кормиться?
Залегли пути дорожки на сине море
Отъ вора отъ Васьки съ дѣтьми,
Еще тѣ наши дороги увойныя ли“.
„Ай гой еси, атаманъ и съ Донскими казаками!
У тебя у атамана есть казачій судъ,
Если не порядочно живетъ,
Суди правдой по тому суду,
По тому суду, да правому,
Живи съ казаками на Дону во миру“.

Послѣ отдачи туркамъ, по Прутскому договору, Азова и Таганрога, по мысли Петра Великаго устроена была въ 2-хъ верстахъ ниже отъ Черкаска крѣпость, или по выраженію актовъ того времени, *транжаментъ*, который былъ вооруженъ пушками, вывезенными изъ Азова, и снабженъ значительнымъ гарнизономъ. Цѣль построенія крѣпости, какъ говоритъ Ригельманъ, „чтобы можно было вблизости дѣла и движенія сего сосѣда (турокъ) видѣть и примѣчанія имѣть и внут-

ренія иногда шатости по тутошнему мѣсту присѣкать.“ *) И дѣйствительно, комендантамъ этой крѣпости постоянно давались инструкціи не только наблюдать за дѣйствіями азовцевъ и турокъ, но также слѣдить за ходомъ дѣлъ по Дону, особенно въ Черкаскѣ, разбирать ссоры между казаками, калмыками и татарами, сыскивать бѣглыхъ и высылать ихъ къ мѣсту жительства. При крѣпости, кромѣ постояннаго гарнизона, состоялъ конный казачій полкъ, названный Азовскимъ, который отправлялъ самую разнообразную службу. Казаки Азовскаго полка „осматривали у купецкихъ людей товары, посылались на кубанскую и крымскую стороны для присмотру отъ набѣговъ воровскихъ непріятельскихъ шляховъ, ѣздили изъ крѣпости св. Анны съ нужными почтовыми письмами и въ конвой за колодниками, ѣздили въ Азовъ по „комиссіальныхъ дѣлахъ турецкаго языка“, посылались съ письмами вверхъ по донскимъ и донецкимъ казачьимъ городкамъ, и другія службы отправляли безпрестанно.“

Начиная съ этого времени, многія сношенія верховнаго правительства и войска Донскаго проходятъ черезъ транжаментскаго коменданта. Предостереженія отъ набѣговъ непріятелей, походы противъ непріятелей, разныя административныя распоряженія, по большей части дѣлались черезъ транжаментскую канцелярію. Поэтому то, сначала XVIII стол., значительно измѣняется характеръ тѣхъ историческихъ актовъ, которые имѣются для исторіи Донскаго войска. Вмѣсто прежнихъ царскихъ граматъ, посольскихъ наказовъ, отписокъ войска прямо царю или въ посольскій приказъ, являются на первый планъ отношенія, промеморіи, ордеры, реляціи, въ заглавіи которыхъ—такъ или иначе—непремѣнно встрѣчается имя коменданта монастырскаго транжамента или крѣпости св. Анны, а затѣмъ св. Дмитрія. Часто случалось, что эти коменданты, смотря по личному характеру ихъ, заходили далеко за предѣлы данной имъ инструкціи. Мало того, что они зорко слѣдили за всѣми домашними дѣлами казаковъ, и обо всемъ доносили, „кому сіе вѣдать надлежало“, но еще позволяли себѣ вмѣшиваться во внутреннее управленіе войска.—Такъ, умираетъ войсковой атаманъ Петръ Емельяновъ (1715 г.), а на мѣсто его казаки выбираютъ Максима Кумшацкаго. Комендантъ транжамента считаетъ нужнымъ донести, что „послѣ погребенія Емельянова, по ихъ обыкновенію, былъ войсковой кругъ для избранія ата-

---

*) Чрезъ нѣсколько лѣтъ транжаментъ, по Прутскому договору „не дѣлать никакихъ укрѣпленій между Черкаскимъ и Азовомъ“, былъ переведенъ на другое мѣсто, выше Черкаска, на Васильевскіе Бугры и, затѣмъ, въ 1730 г., на берегъ Дона между теперешними Ростовомъ и Нахичеваномъ. Крѣпость эта называлась св. Анны, а потомъ (съ 1761 г.) св. Дмитрія.

мана. Собрались всѣ станицы и большая часть приговорила быть атаманомъ изъ старшинъ Василію Фролову, меньшая же часть выставила своего кандидата, старшину Максима Кумшацкаго; однакожъ, добавляетъ донесеніе, рѣшено было у нихъ быть войсковымъ атаманомъ Кумшацкому и насѣку ему вручили, впредь до указу.“ Другой случай: казакъ Осипъ Черный, въ 1737 г., подалъ прошеніе генералъ-аншефу Левашову о томъ, что служитъ онъ съ 1707 г., во многихъ оказіяхъ, баталіяхъ и партіяхъ, бывалъ съ своею братіею, отчего и раненъ былъ, нынѣ же пришелъ въ старость и службы нести не можетъ и поэтому проситъ уволить его въ отставку. Что и было сдѣлано гераломъ Левашовымъ; войску же Донскому сообщено было только, чтобы Чернаго исключить изъ списковъ служилыхъ казаковъ. Наказный атаманъ, Фроловъ, вступился за права войска и такъ отвѣчалъ генералу Левашову: „Осипъ Черный о своей болѣзни и старости, намъ, войску Донскому, не объявлялъ, и объ отставкѣ отъ службы не просилъ. Уклоняется же онъ отъ предстоящаго похода и отъ уплаты долговъ, 308 р., по имѣющейся у войсковаго есаула на немъ кабалѣ. По его примѣру, пожалуй, и многіе казаки, уклонясь отъ службы и походовъ, помимо своего настоящаго начальства (команды), начнутъ сыскивать себѣ отставки и расходиться изъ войска. Отъ этого для остальныхъ казаковъ будетъ большое отягощеніе, потому что если кто изъ казаковъ въ войскѣ Донскомъ за болѣзнію и старостію выходитъ въ отставку, то все-таки онъ долженъ нести станичныя повинности, подводы, городовые караулы.“ Дѣло кончилось тѣмъ, что Черный снова опредѣленъ былъ на службу.

Со времени бѣгства Некрасова на Кубань нападенія кубанскихъ татаръ на казачьи городки и русскіе украины становятся все чаще и чаще; очевидно, что здѣсь проводниками ихъ были Некрасовцы. Напрасно войско ловило тайныхъ лазутчиковъ изъ Некрасовцевъ, пытало ихъ, жгло на огнѣ и, по казачьему артикулу, вѣшало на якорѣ: набѣги кубанцевъ не прекращались. Еще въ 1713 г. возвратившіеся изъ татарскаго плѣну казаки говорили, что видѣли въ Азовѣ измѣнника Некрасова, съ товарищами, и что они имѣютъ намѣреніе съ крымскими, кубанскими ордами и янычарами идти подъ Черкаскъ и транжаментъ. И дѣйствительно, въ томъ же году, сынъ крымскаго хана, съ 1 т. татаръ переправился на Кубань для сбора дани съ горскихъ черкесовъ; когда же ему въ дани было отказано, то онъ, поднявши Кубанскую орду, пошелъ на Русь съ 6 т. войска. Разгромивши русскія села, и взявши богатую добычу, татары возвращались на Донецъ, на Каменской городокъ. Здѣсь, на переправѣ, напалъ на нихъ походный атаманъ Акимъ Фроловъ, и отбилъ у нихъ русскій полонъ, но въ то же время другая

часть Кубанской орды подъ предводительствомъ своего хана, Бохты-Гирея, нападаетъ на Пятиизбянскую станицу, беретъ въ плѣнъ казаковъ и грабитъ ихъ имущества. Съ 1713 г., когда съ Дону было послано болѣе 1000 казаковъ въ армію фельдмаршала Шереметьева, набѣги кубанцевъ становятся чаще и опустошительнѣе. Въ томъ же году походный атаманъ, Иванъ Фроловъ, превосходными силами кубанцевъ былъ разбитъ на рѣчкѣ Лихой. Болѣе 250 казаковъ попались въ плѣнъ. Одинъ изъ бѣжавшихъ изъ плѣну говорилъ между прочимъ, что измѣнникъ Некрасовъ, вмѣстѣ съ султаномъ Бохты-Гиреемъ, ушли съ Кубани къ черкесамъ, въ горы. Но черезъ нѣсколько дней Бохты-Гирей нападаетъ на Березовскій городокъ, разоряетъ станицы Етеревскую и Раздорскую на Медвѣдицѣ, но въ свою очередь былъ разбитъ на урочищѣ Дерпелѣ походнымъ атаманомъ, Василіемъ Фроловымъ. Здѣсь было отбито у татаръ около 1 т. русскихъ плѣнныхъ. Въ 1717 г., Бохты-Гирей, снова собравши до 10 т. кубанцевъ, подходилъ къ самому Черкаску и транжаменту и, захвативши нѣсколько стадъ скота и лошадей, той же дорогою возвратился на Кубань. Собираясь въ набѣгъ, султанъ Бохты-Гирей обыкновенно говаривалъ: „у меня во владѣніи никакихъ городовъ нѣтъ, а живу съ Кубанскою ордою гдѣ захочу: пойду ли войною на русскіе города или на калмыковъ, про то никто мнѣ не укажетъ.“ И обыкновенно рѣшалъ идти подъ казачьи городки, потому что, какъ онъ надѣялся, „Донскіе казаки многіе хотятъ перекинуться на Кубань, къ Игнашкѣ Некрасову.“ Такъ думали кубанскіе татары, но не такъ думали сами Некрасовцы, зная хорошо своихъ прежнихъ товарищей. Скоро получены были вѣсти, что Бохты-Гирей, съ 40 т. войскомъ показался на рѣчкѣ Салу, и повидимому намѣренъ сдѣлать нападеніе на селенія по Хопру, Медвѣдицѣ по тамбовской и воронежской чертѣ. Немедленно, атаманъ Василій Фроловъ, собравши верховыхъ казаковъ, подстерегъ татаръ, возвращавшихся съ богатою добычею съ воронежской черты, напалъ на нихъ на рѣч. Иловлѣ и отбилъ полону русскаго болѣе 1000 человѣкъ; взрослыхъ разослали по мѣсту жительства, а малолѣтнихъ атаманъ дозволилъ казакамъ разбирать въ пріемыши. Какъ дорого стоили эти, почти безпрестанныя нападенія татаръ на казачьи городки—видно уже изъ того, что еще въ 1715 г. войско Донское насчитывало болѣе 2500 казаковъ, томящихся въ плѣну у татаръ и взятыхъ разновременно изъ казачьихъ городковъ.

20 сентября 1715 г. явился въ новый транжаментъ бѣглый солдатъ Василій Петровъ, который на допросѣ въ канцеляріи транжамента показалъ слѣдующее: недѣли полторы тому назадъ пріѣхалъ въ Азовъ, съ Кубани, измѣнникъ Игнашка Некрасовъ и съ нимъ человѣкъ съ 40 его единомышленниковъ. Остановился онъ палатками около ихъ

ватаги и покупалъ у нихъ рыбу. „Что вы за люди?“ спрашивалъ Некрасовъ. „Бѣглые солдаты,“ говорили товарищи Петрова. „Что же вы въ Азовѣ не обусурманились, а то вѣдь васъ турки продадутъ на каторгу,“ совѣтывалъ Некрасовъ и, затѣмъ, позвалъ къ себѣ въ палатку Петрова съ товарищами и говорилъ имъ: „измѣнилъ я великому государю и нагрубилъ народу христіанскому многое число. Хочу я великому государю принести повинную. Если только повелитъ государь, то я и Азовъ возьму и турокъ вырублю.“ Затѣмъ Некрасовъ сталъ просить Петрова и его товарищей, чтобы они взяли отъ него письма и цѣловали бы ему крестъ на томъ, что письма эти доставятъ, куда слѣдуетъ. Написано было Некрасовымъ три письма: одно адмиралу, другое въ военный приказъ, а третье фельдмаршалу Б. П. Шереметеву. Отдавая эти письма, Некрасовъ говорилъ, что онъ будетъ ждать на нихъ отвѣта, что у него приготовлено своей силы для взятія Азова 5,300 челов. Давши Петрову и его товарищамъ на дорогу по 10 алтынъ, Некрасовъ отпустилъ ихъ. Бѣглецы тайкомъ переправились на кубанскую сторону, а тамъ пошли разными дорогами. Шли они по ночамъ, а днемъ скрывались въ камышахъ. Петровъ письмо, данное ему отъ Некрасова, зашилъ въ шапку. Когда же онъ пришелъ къ Черкаску, то были уже сумерки. Переправившись черезъ Донъ, зашелъ онъ, самъ не помнитъ въ какой шинокъ. Здѣсь встрѣтились ему казаки и стали его спрашивать—какого онъ званія человѣкъ и зачѣмъ обритъ по турецки? Петровъ отвѣчалъ, что онъ убѣжалъ изъ плѣну и что выбрили его турки. Но казаки не повѣрили ему, сбили съ него шапку, и взяли себѣ. Атаманъ, М. Кумшацковъ, приказалъ розыскать ту шапку, но въ ней никакого письма не оказалось. Петрова подвергли пыткѣ, но онъ все продолжалъ стоять на прежнемъ своемъ показаніи. Еще ранѣе этого бѣжалъ изъ крымскаго плѣну польской породы казакъ конной службы, Станиславъ Поляковъ, который на допросѣ показалъ: былъ онъ съ товарищами своими въ отъѣзжемъ караулѣ во степи; ночью напали на нихъ запорожскіе казаки, взяли его въ плѣнъ и продали въ Крымъ. Здѣсь онъ узналъ, что измѣнникъ Некрасовъ, съ товарищами своими, находится въ Азовѣ и намѣренъ съ крымскими, кубанскими ордами и съ янычарами идти къ Черкасскому и новому транжаменту. Такія противорѣчащія извѣстія, полученныя въ Черкаскѣ, заставили войсковое начальство быть настороже. На какую именно мѣстность намѣрены сдѣлать свой летучій набѣгъ татары—ставило атамана и старшинъ въ большое затрудненіе. Не знали, откуда и когда ожидать незванныхъ гостей. Раскаянію Некрасовцевъ они не вѣрили и думали, что подъ видимымъ желаніемъ принести повинную скрывается какой-нибудь

коварный замыселъ. Во всякомъ случаѣ, надо быть готовыми встрѣтить непріятеля. Немедленно была послана во всѣ казачьи городки войсковая *опасная* грамата, которою строжайше приказывалось, „чтобы всѣ казаки имѣли ружья въ чистотѣ, кормили лошадей и были въ готовности въ одинъ часъ выступить въ походъ; чтобы крѣпили городки и безъ оружія изъ станицъ въ поле не выѣзжали и не выходили. Если же кто не послушается этой войсковой граматы, то такихъ ловить и грабить нещадно и суда имъ въ войскѣ не будетъ.“ Поскакали вѣстовщики по казачьимъ городкамъ. Въ каждой станицѣ прочитывали грамату на сборѣ и за тѣмъ „для твердаго знанія“ списавъ съ нея копію, подлинную отправляли дальше „отъ городка до городка, безъ задержанія.“ — Черезъ нѣсколько дней послана была другая войсковая грамата, чтобы изъ каждаго городка по одной половинѣ конныхъ казаковъ въ теченіе одного часа выступили въ походъ къ Черкаску на соединеніе съ войсковымъ атаманомъ, Фроловымъ. Но въ то время, какъ доносилъ войсковой атаманъ „въ разныя службы изъ городковъ вышло казаковъ не малое число, а какіе остались еще по городкамъ, то и тѣ на почтовыхъ станахъ стоятъ, по 12 лошадей содержатъ.“ А между тѣмъ отъ перебѣжчиковъ получаются тревожныя вѣсти. Говорятъ, что кубанскій Бохты-Гирей опять собирается съ огромнымъ количествомъ своей орды подъ казачьи городки. Однажды отъѣзжій караулъ выѣхалъ на кубанскую сторону на рѣч. Еи, для разузнанія *воровскихъ* шляховъ; скоро они напали на татарскія сакмы. Видно было, что пришла большая татарская сила подъ донскіе городки, къ рѣчкѣ Салу. Вѣстовщики поскакали въ ближайшіе городки дать знать объ опасности. Оставшееся, за выходомъ казаковъ въ походъ, населеніе станицъ было въ то время на полевыхъ работахъ. Почетные старики станицъ берутъ знамена и выѣзжаютъ въ поле созывать народъ въ осаду. Какъ только завидѣли станичныя знамена, старые и малые, женщины и дѣти спѣшили въ городокъ, какое могли захватить имущество сносили въ церковную ограду, для защиты которой по угламъ стояли пушки. Въ другихъ же станицахъ, не имѣвшихъ крѣпкой ограды, жители поднимали изъ церкви св. образа, брали лучшее изъ имущества и уходили въ неприступныя скрытыя мѣста, гдѣ пожитки свои зарывали въ землю, а съ иконами совершали крестные ходы. Однимъ словомъ, былъ всеобщій *сполохъ*, какъ тогда говорили. Наступила ночь. — На гребнѣ, около рѣч. Салу, загорѣлся сначала одинъ маякъ, потомъ другой, третій. Черезъ нѣсколько минутъ весь горизонтъ на кубанской сторонѣ запылалъ. Видѣли цѣлую безконечную цѣпь зажженныхъ маяковъ: горѣла солома, хворостъ, смоляныя бочки. Давно уже не видѣли жители ста-

ницъ, чтобы всѣ маяки были зажжены: должно быть непріятель шелъ въ большой силѣ. И вотъ, въ то самое время, когда войсковой атаманъ Фроловъ собиралъ войско около Черкаска, ожидая тамъ нападенія непріятелей, кубанцы, въ большомъ собраніи, почти внезапно появились передъ Кумшацкою станицею, бросились вплавь черезъ Донъ и осадили станицу, городокъ выжгли, взявши его приступомъ, разорили и другія сосѣднія станицы, „и побравъ въ плѣнъ людей и скотъ, сколько въ одинъ день то учинить могли, ретировались сами собою паки за рѣку Донъ"—говоритъ царская грамата 1737 г. Такіе внезапные набѣги, въ свою очередь, вызывали нападенія со стороны казаковъ на кубанскіе улусы. Чѣмъ разорительнѣе былъ кубанскій набѣгъ на казачьи городки, тѣмъ сильнѣе была месть казаковъ, тѣмъ больше было ими разгромляемо татарскихъ кибитокъ по Кубани, Кумѣ. Въ походахъ Донскихъ казаковъ на кубанскихъ татаръ особенно ярко выдается личность извѣстнаго героя нашихъ народныхъ пѣсенъ, Ивана Матвѣевича Краснощекова. Перечитывая историческіе акты первой половины XVIII стол. о кубанскихъ походахъ, мы вездѣ почти встрѣчаемъ имя походнаго атамана Ив. Краснощекова на ряду съ именемъ старшины, Данилы Ефремова. Кубанская сторона сдѣлалась мѣстомъ богатырскихъ подвиговъ Краснощекова. Народныя пѣсни изображаютъ его въ видѣ удалаго охотника, который „ходилъ-гулялъ между Кумъ рѣки, между Терекомъ. Стрѣляетъ онъ сѣрую лань со ланятами, но еще чаще злого турчанина, а турчанку замужъ беретъ." Краснощековъ своими удалыми подвигами пріобрѣлъ себѣ уваженіе между своими врагами кубанцами, а особенно между своими земляками врагами, Некрасовцами. Надѣясь, что Некрасовцы попросятъ прощеніе и возвратятся на родину, правительство не нашло никого болѣе способнымъ вести переговоры объ этомъ, какъ Краснощекова. Въ одной бумагѣ 1736 г. сказано, что, если Некрасовцы принесутъ повинную и Краснощекову отдадутся, то, для отнятія у нихъ силы, раздѣлить ихъ на двѣ части: одну часть отправить на Кизляръ, а другую на Донъ, въ Черкаскъ. Если же они станутъ просить, чтобы имъ за преступленія ихъ не было никакого наказанія, то стараться обнадежить ихъ, что они, государыней, за принесенную повинную, не только не наказаны, но даже пожалованы будутъ." Старшина Данило Ефремовъ, вмѣстѣ съ Краснощековымъ, находясь почти безотлучно при калмыцкомъ тайшѣ, Дондукъ-Омбо, постоянно получаютъ инструкціи отъ государственнаго вице-канцлера, Остермана, о томъ, чтобы склонять Дондукъ-Омбо къ походу противъ кубанцевъ вмѣстѣ съ казаками. Ловкій старшина достигъ своей цѣли: въ 1736 г. Дондукъ-Омбо сдѣлалъ удачный набѣгъ на Кубань и даже привелъ въ русское подданство нѣ-

которыхъ отдѣльныхъ татарскихъ владѣльцевъ. Во всѣхъ кубанскихъ походахъ принимали участіе Ефремовъ и Краснощековъ. Самъ Дондукъ-Омбо до того довѣрялъ имъ, что когда въ походѣ слѣдующаго года при войскѣ не было ни Ефремова, ни Краснощекова, то онъ выразилъ на это свое неудовольствіе. Послѣ разгромленія кубанцами Кумшацкой и сосѣднихъ станицъ, правительство, повидимому, рѣшилось положить конецъ разорительнымъ татарскимъ набѣгамъ. Въ 1737 г. прислана была на Донъ грамата, повелѣвающая казакамъ предпринять походъ на Кубань „и по всякой возможности стараться, дабы не только донскіе городки и наши подданные отъ тѣхъ непріятельскихъ противныхъ поступковъ защищены и до разоренія допущены не были, но при способномъ случаѣ и надъ ними всячески чинить поиски.“ Когда же находящіеся въ арміи Ласси, противъ турокъ, 12,000 казаковъ, какъ пѣшіе на судахъ, такъ и конные, были отпущены на Донъ, то снова подтверждалось: „собравъ *знатную* часть войска Донскаго и вмѣстѣ съ Дондукъ-Омбо на кубанцевъ сдѣлать нападеніе и стараться не только ихъ приходъ на донскіе городки отмстить, но и надъ ними знатный поискъ къ разоренію получить и жилища ихъ искоренить“. Войсковой атаманъ Фроловъ сталъ готовиться къ походу. Во всѣ казачьи городки разослана была войсковая грамата о выступленіи противъ кубанцевъ. Между тѣмъ какъ атаманъ велъ переговоры съ Дондукъ-Омбо и соглашался съ нимъ относительно времени выступленія со сборнаго мѣста, получены были вѣсти: „что вся кубанская орда собирается, кормятъ лошадей и *славятъ*, что пойдутъ на Донъ, потому, что тамъ теперь казаковъ нѣтъ, а какіе были въ Крыму (съ русскою арміею), то тѣхъ всѣхъ турки вырубили“. Очевидно, надобно было набѣгъ предупредить набѣгомъ, а между тѣмъ Дондукъ-Омбо писалъ Фролову, что онъ раньше мѣсяца въ походъ выступить не можетъ: „нынѣ идти мочи нашей нѣтъ“,—писалъ онъ,—„лошади устали, сей мѣсяцъ будемъ кормить ихъ, а сами отдыхать“. „Черезъ мѣсяцъ на Маныч увидимся“—обѣщалъ онъ. Покамѣстъ длилась переписка о высылкѣ для похода мортиръ и вспомогательнаго регулярнаго войска, покамѣстъ войсковой атаманъ проводилъ время въ безполезныхъ спорахъ о старшинствѣ съ Данилой Ефремовымъ и Иваномъ Краснощековымъ, которые жаловались на то, что въ прежнихъ походахъ они всегда бывали походными атаманами, а теперь атаманъ хочетъ ихъ сравнять съ младшею старшиною, наступилъ ноябрь мѣсяцъ. Въ это только время атаманъ выступилъ въ походъ, собравши 9,500 конныхъ и 1,500 пѣшихъ казаковъ. При войскѣ было 8 пушекъ и 10 шестифунтовыхъ мортиръ. Уводя съ Дону такія большія силы, атаманъ позаботился о безопасности городковъ отъ внезапныхъ нападеній непріятеля. Въ донецкихъ ста-

ницахъ были оставлены казаки для защиты съ крымской стороны, тѣ же казаки, которые остались по станицамъ за болѣзнію и отлучками и которыхъ насчитывалось болѣе 2,000, были вызваны къ оборонѣ Черкаска и донскихъ станицъ отъ Манычи до Раздоръ. Соединившись съ Дондукъ-Омбо на рѣчкѣ Еи, атаманъ, въ сопровожденіи назначеннаго для совѣтовъ преображенскаго полка поручика, Лопухина, быстро выступилъ къ Кубани. Настала южная осень—грязная, сырая. Степь, по которой шли наши войска, была выжжена татарами, лошади отъ изнуренія и безкормицы стали сильно падать. Нѣсколько разъ Дондукъ-Омбо намѣревался возвратиться съ своими калмыками, но только благодаря увѣщаніямъ атамана Фролова, шелъ дальше за казачьимъ войскомъ. Наконецъ дошли до Кубани 5,000 казаковъ, на лучшихъ лошадяхъ, бросились вплавь, напали на татарскіе улусы, разорили болѣе 1,000 кибитокъ, и подошли подъ самый городъ Темрюкъ. Взята была богатая добыча, 1,000 плѣнныхъ, 2,000 лошадей и 5,000 рогатаго скота. Казаки хотѣли было двинуться вверхъ по Кубани, но здѣсь узнали, что вѣсть объ ихъ походѣ на Кубань давно уже распространилась между татарами: всѣ, кто могъ, ушли въ горы и засѣли въ укрѣпленныхъ мѣстахъ, куда нельзя было пробраться походному войску за болотами и водою. Время было позднее, а между тѣмъ рѣки не замерзли, люди и лошади были изнурены. Дондукъ-Омбо окончательно отказывается отъ дальнѣйшаго похода. Все это вмѣстѣ заставило атамана Фролова возвратиться съ своимъ войскомъ на Донъ, „учиня *возможное* непріятелю разореніе“. Надежды правительства на этотъ походъ не оправдались. Разореніе казачьихъ городковъ было отомщено, но Кубанская орда далеко еще не была искоренена и долго еще придется казачьимъ городкамъ выносить на себѣ ея внезапные воровскіе набѣги.

Но въ то самое время, когда казаки отбивались отъ татаръ у себя дома и какъ бы загораживали собою отъ хищныхъ набѣговъ русскія области, они сражаются, въ значительномъ числѣ, съ турками въ арміяхъ Миниха и Ласси, оберегаютъ царицынскую линію, содержатъ стражу въ Астрахани и Саратовѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, наблюдаютъ за дѣйствіями своихъ ненадежныхъ союзниковъ—калмыковъ, прикочевавшихъ къ нимъ въ близкое сосѣдство. Въ 1737 г., по высочайшей граматѣ, наряжено было въ армію Миниха 12,000 доброконныхъ и хорошо вооруженныхъ казаковъ; оставшіеся затѣмъ въ домахъ безконные казаки должны были, по первому требованію фельдмаршала, выступить въ походъ. Въ слѣдующемъ году снова повелѣвалось наряжить—4,000 конныхъ въ армію Миниха и въ армію Ласси 6,000 конныхъ и до 3,000 пѣшихъ „къ посаженію на суда“, какъ сказано въ

граматѣ. Немудрено поэтому, что въ офиціальныхъ актахъ того времени очень часто встрѣчаемъ отписки атамановъ къ коменданту крѣпости св. Анны о томъ, чтобы уменьшены были казачьи тягости, по причинѣ малолѣтства казаковъ и многихъ ихъ командировокъ. И дѣйствительно, мы узнаемъ, что всѣ служилые казаки, число которыхъ въ то время простиралось до 15,000, состояли на дѣйствительной службѣ, разсѣянные на пространствѣ отъ Волги до Дуная.

Въ началѣ XVIII столѣтія совершился весьма важный переворотъ во внутреннемъ самоуправленіи Донскаго войска. Изстари войсковой кругъ ежегодно изъ среды себя избиралъ войсковаго атамана, какъ лицо исполнительное по рѣшеніямъ круга и отвѣтственное передъ нимъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Часто лицо, избранное въ атаманы, по своимъ достоинствамъ нѣсколько лѣтъ сряду занимало эту должность, но все-таки обрядъ избранія повторялся надъ нимъ каждый годъ. Извѣстный герой азовскаго сидѣнья, Осипъ Петровъ, былъ 6 разъ избираемъ въ войсковые атаманы. Ему первому изъ атамановъ было прислано отъ царя пожалованье, какъ первая личная награда „сукно ландышъ да камка добрая". Соперникъ Разина, Корнилій Яковлевъ, былъ 7 лѣтъ сряду атаманомъ, а современникъ Петра I, Фролъ Минаевъ, участвовавшій въ азовскихъ походахъ, былъ атаманомъ въ теченіи 20-ти лѣтъ. Петръ Великій своею всеобъемлющею дѣятельностію коснулся и казачьяго самоуправленія. Булавинскій бунтъ и слабыя дѣйствія бывшаго въ то время атаманомъ, Лукьяна Максимова, уже поколебали довѣріе Петра къ безошибочнымъ дѣйствіямъ войсковаго круга. Такъ, Ригельманъ говоритъ, что вскорѣ послѣ усмиренія булавинскаго бунта, Петръ Великій, въ бытность свою въ Черкаскѣ, поставилъ въ войсковые атаманы Петра Емельянова Ромазанова, безсмѣнно. По смерти же Ромазанова, снова собрался войсковой кругъ для выбора атамана и хотя большинство избрало Фролова, но вѣроятно, по какимъ нибудь проискамъ, насѣка была вручена Кумшацкому, за котораго стояло меньшинство. Это было въ 1715 году Черезъ годъ былъ избранъ въ атаманы сынъ знаменитаго Фрола Минаевича, Василій Фроловъ. Сынъ наслѣдовалъ способности отца, котораго лично зналъ Петръ Великій и съ которымъ онъ, на казачьихъ лодкахъ, одержалъ *первую морскую* побѣду. 26-го февраля 1718 года, когда уже Василій Фроловъ доказалъ свои воинскія способности въ битвахъ съ татарами; Петръ Великій повелѣлъ быть Фролову, *по выбору всего войска*, войсковымъ атаманомъ, впредь до указу. Въ высочайшей граматѣ 1720 г. сказано, что Фроловъ былъ въ обоихъ азовскихъ походахъ, участвовалъ въ калишской битвѣ въ Польшѣ, былъ съ 1,000 казаками въ Финляндіи, разбилъ кубанскаго Бохты-Гирея во время его набѣговъ

на русскія украины. За такія службы Фролову лично былъ пожалованъ царскій портретъ, украшенный алмазами. Василій Фроловъ скончался въ 1723 г. и такъ какъ онъ былъ утвержденъ въ званіи атамана по выбору войска, то войсковой кругъ опять и, кажется уже въ послѣдній разъ, приступилъ къ выбору атамана. Но, къ сожалѣнію, выборъ палъ на лицо, недостойное этого званія: старшины и казаки выбрали войсковымъ атаманомъ, изъ старшинъ, Ивана Матвѣева, который, какъ оказалось изъ дѣла, состоялъ подъ судомъ „за взятіе у украинскихъ жителей вещей и денегъ". „Того ради", сказано въ граматѣ, „наше императорское величество повелѣли въ атаманахъ быть впредь до нашего указу изъ старшинъ Андрею Лапатину". Преемникъ Лапатина, Иванъ Фроловъ, вездѣ въ актахъ называется *наказнымъ* атаманомъ. Въ первый разъ мы встрѣчаемся съ этимъ названіемъ. Вѣроятнѣе всего, что Иванъ Фроловъ, подобно Лапатину, былъ назначенъ атаманомъ не по выбору войска, а по царскому *указу*. Прямыхъ указаній на это мы не встрѣчаемъ. Въ именномъ указѣ, данномъ правительствующему сенату 4-го марта 1738 г., говорится: „понеже мы за благо и потребно разсуждаемъ, при Донскомъ войскѣ особливаго для нынѣшняго военнаго случая, вмѣсто наказнаго атамана, которымъ до нынѣ войсковыя дѣла управляемы были, опредѣлить войсковаго атамана; того ради, мы онаго войска старшину Данилу Ефремова, за долговременныя и ревностныя его намъ и предкамъ нашимъ службы, въ оный чинъ войсковаго атамана всемилостивѣйше жалуемъ." На Донъ же была послана грамата, гдѣ сказано: „Пожаловали мы войска Донскаго старшину Данилу Ефремова... къ оному войску Донскому *настоящимъ* войсковымъ *атаманомъ*". Съ этого времени уже всѣ войсковые атаманы были назначаемы отъ правительства. Такимъ образомъ постепенно совершался переходъ отъ выборныхъ атамановъ къ атаманамъ, назначаемымъ отъ высшей власти. Въ теченіе почти 30 лѣтъ населеніе Дона привыкало къ назначеннымъ атаманамъ, такъ что извѣстіе *о пожалованіи* Данилы Ефремова *чиномъ* атамана уже не было новостью на Дону. Да не на одномъ Дону, и въ другихъ казачьихъ войскахъ, почти одновременно съ Донскимъ, выборное право войсковыхъ круговъ было ограничено. При соединеніи Гребенскаго войска съ Семейнымъ, въ 1744 г., повелѣно было выбрать безсмѣнныхъ пожизненныхъ атамана и старшинъ „для лучшаго порядка, какъ въ Донскомъ и Яицкихъ войскахъ"—сказано въ указѣ. „И видно, что то имъ угодно и прошенія ни какого отъ казаковъ о не бытіи тѣмъ *непремѣннымъ* атаманамъ и старшинамъ не показано. А буде же имъ то не угодно-бъ было, то и выбору не учинили бъ, или еще споръ и прозьба моглабъ быть."

Вмѣстѣ съ назначеніемъ войсковыхъ атамановъ отъ правительства, начинаетъ замѣтно усиливаться вліяніе *старшинъ* на дѣла общественныя. Названіе *старшины* въ первый разъ упоминается въ 1649 г., вмѣсто названія атаманъ. Съ конца XVII стол., въ донесеніяхъ въ посольсіой приказъ царскихъ чиновниковъ, посылаемыхъ на Донъ, атаманы всегда почти назывались *старшинами.* Во время астраханскаго возмущенія 1705 г. казаки доносили царю, „что они для предстоящаго похода выбрали въ кругу старшинъ Максима Фролова, Василія Пазнѣева и Ефрема Петрова, съ товарищами.“ Въ похвальной граматѣ за усмиреніе астраханскаго возмущенія сказано, что этотъ подвигъ совершилъ войсковой атаманъ Лукьянъ Максимовъ, съ *знатною и разумною* старшиною. Съ начала XVIII стол., вмѣстѣ съ ограниченіемъ власти войсковаго круга, старшины мало-по-малу присвоили себѣ право распоряжаться дѣлами общественными наравнѣ съ войсковыми атаманами, какъ ближайшіе его совѣтники во внутреннемъ управленіи. Какъ начальники отдѣльныхъ командъ, старшины были почти независимы отъ войсковаго атамана. Такъ старшины—Данило Ефремовъ и Иванъ Краснощековъ, во время кубанскаго похода 1737 г., не захотѣли подчиняться начальствованію войсковаго атамана, на томъ основаніи, что они еще прежде были походными атаманами, т. е. командовали отдѣльными частями. При обсужденіи дѣлъ внутренняго управленія старшины созывались въ войсковую канцелярію, на сборъ, гдѣ вмѣстѣ съ атаманомъ постановляли рѣшеніе о дѣлахъ или окончательно, или передавали на разсужденіе старшинамъ и казакамъ, въ войсковомъ кругу. По дѣлу о постройкѣ крѣпости около Черкаска, въ 1740 г., былъ сборъ старшинамъ; въ войсковой канцеляріи собрались: бригадиръ Краснощековъ, войсковой атаманъ, 17 старшинъ и 2 войсковыхъ есаула. По довольномъ разсужденіи опредѣлили: о постройкѣ крѣпости отдать на обсужденіе и казакамъ до будущей канцеляріи.—Званіе старшины, какъ видимъ, было избирательное. Войско имѣло право какъ избирать старшинъ, такъ и лишать ихъ этого званія. Такъ, въ 1751 г., старшина Лащилинъ „за нѣкоторую оказанную имъ войску, яко главной своей командѣ, противность и непослушаніе,“ лишенъ былъ „старшинской чести и написанъ на 3 мѣсяца въ рядовые казаки.“ Также въ 1754 г. старшина Перфиловъ „за продерзости и за взятки и за освобожденіе по поимкѣ великороссійскихъ бѣглецовъ, войскомъ лишенъ старшинскаго чина и написанъ вѣчно въ рядовые казаки.“ Изъ этихъ двухъ случаевъ видно, что уже въ половинѣ XVIII стол. званіе старшины сдѣлалось пожизненнымъ. Въ 1754 г. у войска было отнято право избирать старшинъ: званіе это обратилось въ пожалованный отъ высшей власти чинъ. Безъ утвержденія военной коллегіи никто не могъ быть пожа-

лованъ въ старшины. Учреждая и устраивая другія казачьи войска по образцу и примѣру Донскаго, вводя у нихъ всю казачью *обыкность*, правительство пользовалось бывшими уже примѣрами, чтобы избѣгать ошибокъ въ устройствѣ внутренняго управленія. Устраевается Волжское казачье войско, выбираются атаманы и старшины, но здѣсь же дается наставленіе выбирать ограниченное число старшинъ, „чтобы,— какъ сказано въ указѣ,—„во многомъ числѣ старшины казакамъ отягченіе не было... и тѣмъ старшинамъ во всѣхъ случаяхъ предъ Донскими старшинства не имѣть, понеже *Донскіе въ службѣ старѣе*.“

Власть атамана и старшинъ все болѣе и болѣе увеличивалась на счетъ власти войсковаго круга. Въ долгое атаманство двухъ Ефремовыхъ мы почти не встрѣчаемъ самостоятельнаго проявленія дѣйствій круга. Хотя назначеніе есауловъ, какъ помощниковъ атамана, также войсковаго дьяка завѣдывающаго письменною частію, еще зависѣло отъ избранія въ кругу, но выборы ихъ всегда почти производились подъ сильнымъ вліяніемъ войсковаго атамана и старшинъ.

Еще до пожалованія въ войсковые атаманы, Данило Ефремовъ обратилъ на себѣ вниманіе правительства искуснымъ выполненіемъ возложенныхъ на него порученій, особенно въ переговорахъ съ калмыцкимъ владѣльцемъ, Дондукъ-Омбо. Въ инструкціяхъ иностранной коллегіи и въ письмахъ вице-канцлера Остермана говорилось, что такъ какъ Ефремову хорошо извѣстенъ нравъ Дондукъ-Омбо, то поэтому, въ переговорахъ съ нимъ, все предоставлялось на его искусство и вѣрность. Ефремову постоянно поручалось склонять Дондукъ-Омбо то къ походу противъ кубанцевъ, горцевъ, то противъ турокъ въ арміяхъ Миниха и Ласси. Однимъ словомъ, Ефремовъ до того былъ незамѣнимъ въ этомъ дѣлѣ, что изъ иностранной коллегіи поручено было ему „быть безотлучно при Дондукъ-Омбо.“ Черезъ Ефремова Дондукъ-Омбо получилъ пожалованіе въ ханское достоинство; онъ же склонилъ его—прежде передачи ему граматы на ханское достоинство, принять, по своему закону, присягу на вѣрность Россіи. Со вступленіемъ въ должность войсковаго атамана, Данило Ефремовъ, кромѣ своихъ дипломатическихъ способностей, показалъ также военныя и особенно административныя способности. Старые гости, кубанцы, продолжали навѣдываться въ казачьи станицы. Въ 1738 г., они, въ большомъ собраніи, разорили Быстрянскую станицу, напали на Каргальскую, но атаманъ, собравъ войско, „сколько онаго изъ оставшихся за командированіемъ въ арміи казаковъ въ домахъ найтиться могло;“ разбилъ и прогналъ татаръ обратно къ Кубани. Въ слѣдующемъ году набѣгъ повторился, но татары снова были разбиты въ вершинахъ рѣчки Грушевки. Въ отвращеніе такихъ разорительныхъ набѣговъ правительство рѣшило—достаточно вооружить

казачьи городки и разъ навсегда назначить опредѣленный образъ дѣйствій противъ внезапныхъ нападеній непріятелей. Въ 1738 г. прислано на Донъ 67 пушекъ и приказано разставить ихъ по тѣмъ городкамъ, которые болѣе другихъ подвергаются непріятельскимъ набѣгамъ. Кромѣ того назначены были между станицами два сборныхъ мѣста, куда, по первому сигналу, изъ каждой станицы старшина съ казаками долженъ немедленно спѣшить для отраженія непріятеля. А чтобы узнать, къ какому изъ этихъ двухъ пунктовъ слѣдуетъ собираться, въ случаѣ набѣга, для этого повелѣно было: если непріятель будетъ идти на русскія границы, то подавать особенный сигналъ; если же на казачьи городки, то другой сигналъ.

Къ атаманству Данилы Ефремова относятся два довольно характерные эпизода изъ внутренней жизни и управленія Донскаго войска: это постройка крѣпости около Черкаска и пожаръ въ Черкаскѣ, истребившій почти весь городъ.

Въ виду частыхъ татарскихъ набѣговъ, еще въ 1738 г. войско просило разрѣшенія исправить имѣющійся около Черкаска палисадникъ, который „весьма обветшалъ.“ Чтобы сдѣлать Черкаскъ болѣе безопаснымъ отъ непріятельскихъ набѣговъ, а также для укрѣпленія его отъ разлива воды, Данило Ефремовъ задумалъ было обнести весь городъ *каменною* стѣною. Постройка уже начата. Между тѣмъ стали ходить разные толки: въ народѣ говорили „что Донъ на три года запустѣетъ.“ Распространителей схватили и допрашивали изъ-подъ плетей, но не могли добиться яснаго смысла въ этихъ словахъ. Изъ крѣпости св. Дмитрія было донесено въ Петербургъ, „что оная ограда строится формальною дефензіей во всемъ, яко крѣпости быть надлежитъ.“ Ефремовъ вызванъ былъ въ Петербургъ, гдѣ на допросахъ показалъ, „что стѣна строится около Черкаска вовсе не съ регулярной дефензіей, но какъ ограды и стѣны каменныя около монастырей строются... для единаго только утвержденія отъ воды, которая навсегодно многіе убытки чинитъ.“ Наряжено было формальное слѣдствіе и, до окончанія его, атаманъ съ старшиною былъ задержанъ въ Петербургѣ. По изслѣдованіи дѣла, тревога оказалась совершенно ложною. Указомъ императрицы Елисаветы Петровны, 1744 г., повелѣно было „произведенное о томъ дѣло оставить и Ефремова, съ имѣющимся съ нимъ старшиною, отпустить попрежнему къ войску.“ Каменную же стѣну около Черкаска разрѣшалось достроить деревомъ, но лишь только съ турецкой стороны; вмѣстѣ съ тѣмъ строго запрещено было „со стороны Россійской каменнаго строенія крѣпости не производить.“

Пророческое предсказаніе, ходившее въ народѣ, о томъ, что запустѣетъ Донъ на три года, отчасти сбылось: едва только окончено

было дѣло о постройкѣ черкасской крѣпости, какъ 12-го августа 1744 г. страшный пожаръ истребилъ весь Черкаскъ. Въ полдень 12-го августа загорѣлся за протокою домъ одной казачки и скоро, при сильномъ вѣтрѣ, весь городъ охватило пламенемъ. Въ какихъ нибудь два часа сгорѣлъ до тла весь городъ и даже нѣсколько близъ лежащихъ станицъ. Сгорѣла соборная воскресенская церковь, въ которой хранились всѣ богатства войска: жалованныя граматы и клейноты, вся богатая ризница и войсковая казна. Мѣдныя пушки растопились отъ огня. Когда же взорвало пороховой погребъ, то „всѣ мы",—доноситъ наказный атаманъ Романъ Емельяновъ, — „въ такую робость и отчаяніе пришли, что оставили свои пожитки и искали спасенія гдѣ кто могъ". Болѣе 300 человѣкъ погибло въ пожарѣ, почти все имущество жителей сгорѣло. „Нынѣ въ такомъ крайнемъ убожествѣ остались",—доносилъ атаманъ,—„что только и есть у насъ платья, что на себѣ имѣемъ, хлѣба же и горсти не осталось; ни выпросить, ни купить негдѣ; пороху нѣтъ—поэтому мы не малое отъ непріятеля имѣемъ опасеніе". Приказано было нарядить строжайшее слѣдствіе о причинахъ пожара и о слабомъ распоряженіи наказнаго атамана. По слѣдствію обнаружилось: что „все это не отъ чего другаго сдѣлалось, какъ только отъ слабаго смотрѣнія наказнаго атамана, Романа Емельянова". Донося объ этомъ государынѣ, атаманъ Ефремовъ вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ, чтобы взамѣнъ сгорѣвшихъ жалованныхъ граматъ и клейнотовъ, были вновь присланы граматы и знаки за усмиреніе астраханскаго бунта и за службы въ крымскую, азовскую, персидскую, турецкую и шведскую войны. Императрица Елисавета Петровна граматою 1746 г. вновь пожаловала войску граматы и знаки атаманскаго достоинства. Наказный же атаманъ, Емельяновъ, за слабое распоряженіе во время пожара, отданъ былъ подъ судъ, съ тѣмъ, чтобы „судить его по казацкому обыкновенію и какого наказанія достоинъ онъ будетъ, то о томъ отписать въ военную коллегію". Пробывъ въ званіи войсковаго атамана слишкомъ 15 лѣтъ, Данило Ефремовъ, въ 1753 г. самъ просилъ объ увольненіи его, по преклонности лѣтъ, отъ атаманства и о назначеніи на его мѣсто сына его, Степана. Императрица Елисавета Петровна уволила Ефремова отъ должности, пожаловавъ его чиномъ генералъ-маіора, а сына его, Степана, войсковымъ атаманомъ, съ тѣмъ, чтобы онъ „въ нужныхъ дѣлахъ, случающихся по пограничному мѣсту и во внезапныхъ приключеніяхъ, по ордерамъ и наставленіямъ отца поступалъ". „Для отправленія же секретныхъ дѣлъ",—сказано далѣе въ граматѣ,—„кои на него положены, дать ему, Данилѣ Ефремову, писаря и адъютанта, тако же сто человѣкъ казаковъ изъ Донскихъ, кого онъ самъ къ тому способныхъ выберетъ". Черезъ два

же года снова повелѣно было состоять подъ главнымъ начальствомъ Данилы Ефремова какъ войсковому атаману, такъ и всему войску Донскому. Настала *семилѣтняя* война, потребованы были казаки въ дѣйствующую армію и, Данило Ефремовъ, несмотря на свои преклонныя лѣта, изъявилъ желаніе принять команду надъ донскими полками, наряженными въ Померанію. По окончаніи войны, высочайшею граматою 1759 г. Данило Ефремовъ пожалованъ былъ въ *тайные совѣтники* „за добропорядочный походъ черезъ Польшу“,—какъ сказано въ граматѣ,—„и за оказанныя во время померанской кампаніи дѣла мужества и особенно *за весьма исправную въ войскѣ дисциплину*“. И дѣйствительно, слова граматы подтверждаются свидѣтельствомъ иностранныхъ писателей, очевидцевъ событій семилѣтней войны: въ то время, когда у иностранцевъ составилось общее убѣжденіе о казакахъ какъ о какой-то буйной ордѣ, безъ всякой дисциплины, мы встрѣчаемъ слѣдующій отзывъ пастора *Теге* о вступленіи въ Пруссію: „нѣсколько тысячъ казаковъ и калмыковъ, съ длинными бородами и суровымъ взглядомъ, невиданнымъ вооруженіемъ—луки, стрѣлы, пики—проходили по улицѣ. Видъ ихъ былъ страшенъ и вмѣстѣ величественъ. Они тихо и въ порядкѣ прошли городъ и размѣстились по деревнямъ, гдѣ еще прежде имъ отведены были квартиры“. Въ семилѣтней войнѣ участвовало 16,000 казаковъ. Во время же слѣдующихъ затѣмъ (польской конфедератской и первой турецкой) войнъ, войско Донское выставило отъ себя уже до 20,000 воиновъ.

Атаманство Степана Ефремова замѣчательно нѣкоторыми распоряженіями относительно устройства въ войскѣ Донскомъ духовныхъ дѣлъ и неразрывно связаннаго съ нимъ народнаго образованія. Въ теченіе XVII и въ началѣ XVIII столѣтій распоряженіе духовными дѣлами на Дону вполнѣ зависѣло отъ войсковаго круга. Казаки принимали къ себѣ пришедшихъ изъ Россіи священниковъ, которые исправляли у нихъ всѣ духовныя требы. Часто принимались бѣглые монахи, раскольничьи учители и, какъ мы видѣли, становились во главѣ недовольныхъ никоновскими и петровскими *новшествами*. Такъ еще въ 1677 г. появился на Дону нѣкій старецъ, Досифей, устроилъ себѣ на Чиру раскольничій скитъ, и само войско дозволило ему освятить этотъ скитъ и отправлять службу по старому чину. Послѣ того, между Донскими раскольниками появился проповѣдникъ новаго ученія, Куземка Косой, о которомъ московскіе раскольники писали на Донъ, чтобы не вѣрили здѣсь его ложному ученію и не слушали его новыхъ толкованій объ обрядахъ религіи. Но предостереженіе это не имѣло успѣха. Напротивъ, скоро по появленіи своемъ на Дону, Куземка привлекъ къ себѣ много казаковъ, созывая ихъ на Медвѣдицу и вездѣ разсылая свои посланія о послѣд-

нихъ годахъ существованія міра, для котораго черезъ, 5 лѣтъ,—по его ученію, наступитъ страшный судъ. Толпа вѣрила его пророчеству, число послѣдователей Куземки увеличивалось со дня на день, и скоро онъ увидѣлъ себя въ силахъ идти на Черкаскъ, потому что самъ войсковой атаманъ оказался тайнымъ раскольникомъ. Здѣсь распопъ Самойла уже отправляетъ службу по старому обряду, въ главной соборной церкви. Но сторона православныхъ одержала верхъ: Куземка былъ схваченъ и отправленъ въ Москву, куда скоро затѣмъ потребовали къ отвѣту самого атамана Лаврентьева и распопа Самойлу. Атаманъ и распопъ были казнены, а приставшіе къ расколу казаки, по наказаніи кнутомъ, разосланы были по отдаленнымъ городкамъ. Но, и позже этого, очень часто являлись на Донъ проповѣдники раскола въ видѣ странствующихъ священниковъ и монаховъ. Въ числѣ распоряженій отъ главнаго войска по городкамъ мы встрѣчаемъ уже въ началѣ XVIII столѣтія строгій заказъ о томъ, чтобы казаки въ свои юрты никакихъ *пустынниковъ* не принимали. Само же главное войско, въ случаѣ нужды, еще въ половинѣ XVII столѣтія обращалось въ Москву съ просьбою о присылкѣ имъ священниковъ и дьяконовъ. Есть извѣстіе, что войско Донское, въ теченіе всего XVI и XVII столѣтій, по духовнымъ дѣламъ зависѣло непосредственно отъ патріарха московскаго, или *епископа крутицкаго*. Съ новымъ устройствомъ духовныхъ дѣлъ въ Россіи при Петрѣ Великомъ, и войско Донское, по высочайшей граматѣ 1720 г., было подчинено въ духовныхъ дѣлахъ воронежской епархіи. Эта грамата весьма любопытна въ томъ отношеніи, что изъ ней мы можемъ видѣть, какъ до того времени не только само войско, но и казачьи городки самовластно распоряжались въ духовныхъ дѣлахъ: „безъ вѣдома митрополита (воронежскаго)",—сказано въ граматѣ,—„священниковъ собою отъ приходовъ не отлучать, изъ городковъ не высылать и отъ мѣста къ мѣсту не переводить. Безъ его же митрополичья вѣдѣнія и безъ данныхъ отъ него письменныхъ свидѣтельствъ, собою никакихъ поповъ и старцевъ отнюдь ни въ какія мѣста и городки не принимать, чтобы между такими не было какихъ непосвященныхъ, отъ чего могутъ быть расколы и всякія непостоянства... Денежнаго сбору съ вѣнечныхъ памятей ему, митрополиту, на нихъ Донскихъ казаковъ не кладывать... Для того, что съ Донскихъ казаковъ нетокмо никакихъ государевыхъ податей и сборовъ не бывало и нынѣ не сбирается, но еще и жалованье повсягодно имъ высылается".

Еще въ первой половинѣ XVIII стол. духовенство въ войскѣ Донскомъ не составляло рѣзко выдѣлившагося сословія. Поселившіеся на Дону священники и дьяконы были принимаемы въ казаки, и уже дѣти

ихъ несли военную службу наравнѣ съ казаками. Также точно граматные изъ туземцевъ поступали въ духовные, часто уже прослуживши свой терминъ казачьей службы, а дѣти ихъ опять шли на военную службу. Когда изданъ былъ указъ о записаніи въ подушный окладъ священно-и церковно-служительскихъ дѣтей, то войско Донское положительно отказалось отъ такой переписи, на томъ основаніи, „что издавна священники, дьяконы и церковные причетники были и нынѣ есть всѣ казаковъ и казачьихъ дѣтей... и всѣ оные служатъ на войсковомъ ихъ жалованьи и многіе по возрастѣ воспринимаютъ казачью службу.“—Несмотря на подчиненіе Донскаго духовенства Воронежской епархіи, войско Донское еще долго не могло отказаться отъ своего права назначать и отрѣшать священниковъ и причетниковъ. Не только войско, но даже станицы, иногда недовольныя присланными къ нимъ священниками, лишали ихъ мѣста. Преосвященный Тихонъ, въ 1765 г., представилъ въ сѵнодъ, „что войско Донское и нынѣ, самовольно властвуя, въ духовныя дѣла вступаетъ, къ церквамъ въ дьячки, пономари опредѣляетъ и граматы даетъ... Посвященныхъ въ стихари собою отрѣшаетъ, въ казаки записываетъ и священниковъ къ себѣ собираетъ.“ Такъ священникъ Терновской архангельской церкви, за доносъ о раскольникахъ той станицы, былъ станичнымъ атаманомъ и казаками забитъ въ большую колоду и отосланъ въ войсковую канцелярію. Войско Донское хотѣло, чтобы воронежское епархіальное начальство до дѣтей Донскаго духовенства не касалось, „потому, что церковные причетники“,— какъ говоритъ представленіе,—„по разсмотрѣніи и опредѣленіи войска Донскаго, производятся изъ казаковъ и казачьихъ дѣтей.“—Очень естественно, что для занятія даже причетническихъ должностей нужна, хотя и въ малой степени, грамотность, и этотъ фактъ свидѣтельствуетъ, что уже тогда на Дону были первоначальныя школы для образованія людей, способныхъ къ занятію этихъ мѣстъ. И дѣйствительно, въ актахъ, еще сначала XVIII стол., мы встрѣчаемъ упоминаніе о томъ, что, „для ученія божественныхъ книгъ, казачьихъ и священническихъ, дьяконскихъ и прочихъ церковныхъ дѣтей имѣются у нихъ (Донскихъ казаковъ) школы.“ Для приготовленія же къ священническому званію, по распоряженію воронежскаго епархіальнаго начальства, дѣти Донскаго духовенства должны быть посылаемы въ воронежскую семинарію. Вмѣстѣ съ тѣмъ возникла мысль объ учрежденіи на Дону, особо, семинаріи, на счетъ войска. Въ первый разъ упоминается объ этомъ въ граматѣ Елисаветы Петровны, 14-го августа 1746 г. Когда же именно открыта была семинарія въ Новочеркасскѣ, на это нѣтъ положительныхъ указаній. Можно только сказать, что уже въ 1757 г. семинарія эта существовала. Отъ этого времени мы имѣемъ войсковую грамату,

которою требовалось священническихъ дѣтей, годныхъ къ обученію, высылать въ здѣшнюю (черкасскую) семинарію, на коштѣ отцевъ ихъ.“ Но изъ этой же граматы мы видимъ, съ какими препятствіями нужно было бороться войсковому начальству, чтобы собрать достаточное число учениковъ въ новое заведеніе; по предписанію войска, изъ всѣхъ медвѣдицкихъ и бузулуцкихъ станицъ выслано было въ черкасскую семинарію всего только семь учениковъ, „а прочіе за невозможностями остались въ домѣ.“ Войско разыскивало сына карповскаго попа, который взятъ былъ михайловскимъ священникомъ ,,подъ покровительство.“ Изъ имѣющихся у насъ актовъ невидно, какъ долго существовала черкасская семинарія и когда она закрыта. Можетъ быть, она существовала до самаго учрежденія перваго свѣтскаго учебнаго заведенія—„главнаго народнаго училища“, въ 1790 году.

Ко времени атаманства Степана Ефремова относятся первыя распоряженія правительства объ устройствѣ малороссіянъ (черкасъ), поселившихся на казачьихъ земляхъ. Еще въ началѣ XVIII стол. часто упоминается о поселеніи малороссіянъ на Дону. Указомъ императрицы Анны Іоанновны, въ 1736 г., запрещалось принимать и селить въ казачьихъ городкахъ малороссіянъ изъ слободскихъ полковъ. Но такія запрещенія не могли остановить сильнаго прилива переселяющихся на Донъ. Одно то обстоятельство, что указы о запрещеніи принимать на Дону бѣглыхъ повторялись очень часто, показываетъ, что эти распоряженія не имѣли своей силы. Напрасно учреждаются по казачьимъ станицамъ особыя старшины, собственно *для сыску бѣглыхъ* и высылки ихъ на прежнія мѣста: слухи о привольной жизни на Дону привлекали сюда новыя толпы переселенцевъ. Донскіе старшины заняли свободныя войсковыя земли своими хуторами и разными льготами привлекали къ себѣ для поселенія малороссіянъ. Въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія, за самимъ атаманомъ Ефремовымъ оказалось записанныхъ такихъ переселенцевъ до 50 семей, которыхъ велѣно выслать въ прежнія мѣста ихъ жительства. Въ то же время, бригадиръ Краснощековъ принималъ въ свои хутора бѣглыхъ, давалъ каждому изъ нихъ по 5 руб., да льготы на 5 лѣтъ. Поселившіеся на Дону посылали вѣсти своимъ землякамъ: ,,въ старшинскихъ хуторахъ и юртахъ жить легко“,—говорили они,—„никакихъ поборовъ и тягостей не бываетъ.“ Такимъ образомъ, поселенія малороссіянъ на Дону росли быстро, такъ что правительство нашлось вынужденнымъ въ 1762 г. нарядить коммиссію для осмотра старшинскихъ хуторовъ и для отобранія зашедшихъ на Донъ черкасъ. Въ слѣдующемъ году состоялось высочайшее повелѣніе произвести перепись и положить въ окладъ всѣхъ черкасъ, поселенныхъ на казачьихъ земляхъ. По переписи оказалось, что черкасы по-

селены на Дону въ 232 отдѣльныхъ мѣстахъ, и что кромѣ черкасъ у старшинъ оказались великорусскіе крестьяне, купленные отъ помѣщиковъ.

Вѣроятно, эта же коммиссія открыла нѣкоторыя злоупотребленія и со стороны войсковаго атамана. Скоро послѣ того присланъ былъ на Донъ генералъ Романусъ для изслѣдованія—съ какого времени войсковой атаманъ и старшины, и по какимъ указамъ, владѣютъ юртами, какіе съ нихъ получаютъ доходы и куда расходуютъ, и, сверхъ того, давно ли и кѣмъ поселены на тѣхъ земляхъ малороссіяне и откуда они зашли. Вмѣстѣ съ тѣмъ поручено было Романусу отобрать отъ атамана Ефремова Черногавскій юртъ, которымъ еще отецъ его, Данило Ефремовъ, владѣлъ какъ будто по отдачѣ ему отъ войска Донскаго, не имѣя на то никакого указа и повелѣнія, а также и отъ другихъ старшинъ и казаковъ отобрать тѣ земли, которыми они владѣли безъ указа.

Первая перепись малороссіянъ, поселившихся на Дону, совпадаетъ со временемъ *третьей* ревизіи. Съ 1763 г. донскіе малороссіяне начинаютъ платить подушныя подати, извѣстныя подъ названіемъ *семигривеннаго оклада*. Въ эту перепись одновременно вошли всѣ малороссіяне, какъ жившіе при станицахъ, такъ и у частныхъ лицъ, и съ этого времени они стали называться *приписными*, *сказочными*, *подданными*. По счету 1763 г., всѣхъ крестьянъ, поселенныхъ на Дону и записанныхъ въ семигривенный окладъ, оказалось 20,422 душ., съ нихъ слѣдовало ежегодной платы 14,295 р. 40 к. *). Въ бытность свою въ Петербургѣ, въ 1765 году, по разнымъ войсковымъ нуждамъ, атаманъ Степанъ Ефремовъ представилъ въ военную коллегію проектъ кореннаго преобразованія во внутреннемъ управленіи войска. Всѣ статьи этого проекта или прямо или косвенно клонятся къ усиленію власти войсковаго атамана, поэтому то онъ интересенъ для насъ, какъ взглядъ человѣка, самовластно управлявшаго войскомъ довольно долгое время. Въ общихъ основаніяхъ атаманъ Ефремовъ предлагалъ слѣдующія преобразованія въ войскѣ: 1) въ войсковой канцеляріи, по назначенію атамана и подъ его предсѣдательствомъ, присутствуютъ 8 искусныхъ и свѣдущихъ въ законахъ старшинъ, для завѣдыванія текущими военными и гражданскими дѣлами; 2) все войско Донское раздѣляется на 20 постоянныхъ полковъ, по 600 чел. и по 100 резервныхъ каждый, всего рядовыхъ 12,000 челов., готовыхъ выступить во всякое время, въ нѣсколько дней, по первому требованію; названіе этимъ полкамъ дать по главнымъ казачьимъ городкамъ, а платье они должны имѣть казачье одноцвѣтное. Остальные же затѣмъ

*) По переписи же 1782 г. показано за частными лицами: великороссійскихъ крестьянъ 1,103 душ. и малороссіянъ 19,123 душ., да за станицами 7,456 душъ.

казаки, во время командированія всѣхъ 20 полковъ на службу, должны оберегать русскія границы и казачьи городки отъ набѣговъ татаръ. Назначеніе полковниковъ, старшинъ и другихъ чиновъ въ полки вполнѣ зависитъ отъ атамана. Также судъ и расправа въ полкахъ должны производиться по войсковой канцеляріи. Для содержанія этихъ полковъ атаманъ Ефремовъ указываетъ на слѣдующіе источники: 1) назначаемое въ подарки зимовой и легкой станицамъ, присылаемымъ въ Петербургъ, передать въ распоряженіе войсковой канцеляріи; 2) семигривенный окладъ съ черкасъ, записанныхъ при войскѣ Донскомъ, причислять къ войсковой суммѣ и, наконецъ, половину станичныхъ доходовъ, изъ 20 т., зачислять въ войсковую сумму.

По всему видно, что атаманъ Ефремовъ домогался неограниченнаго распоряженія не только въ управленіи военною и гражданскою частями войска, но также и всѣми войсковыми деньгами, которыя онъ намѣренъ былъ значительно увеличить новыми статьями дохода.

Едва только успѣлъ генералъ Романусъ кончить свои изслѣдованія о захватѣ войсковыхъ земель атаманомъ и старшинами, какъ уже стали доходить въ Петербургъ слухи о новыхъ, еще не открытыхъ, противозаконныхъ дѣйствіяхъ атамана. И вотъ, въ то самое время, какъ онъ въ Петербургѣ ходатайствовалъ, какъ онъ самъ писалъ „о пользѣ общественной по разнымъ войсковымъ дѣламъ высшаго разсмотрѣнія и опредѣленія“, и когда на этотъ предметъ, по приговору войска, ему было выслано до 7,000 войсковыхъ денегъ, наказный атаманъ, Сидоръ Кирсановъ, или по выраженію самого Ефремова, „Сидорка, носящій образъ Іуды Искаріотскаго“, и старшина Юдинъ сдѣлали на него доносъ. Въ доносѣ атаманъ обвинялся: во 1-хъ, въ расхищеніи войсковой казны и провіанта; во 2-хъ, во взяткахъ съ казаковъ деньгами и лошадьми; въ 3-хъ, въ подозрительной перепискѣ съ кумыкскимъ княземъ Темиромъ. Ефремовъ, ничего не подозрѣвая, возвратился на Донъ и попрежнему вступилъ во всѣ права полновластнаго атамана. Между тѣмъ доносъ возымѣлъ свое дѣйствіе: изъ Петербурга присылаются повелѣнія за повелѣніемъ, указъ за указомъ, чтобы атаманъ немедленно ѣхалъ туда для объясненія по взводимымъ на него обвиненіямъ. Ефремовъ, сознавая себя виновнымъ во многомъ, медлилъ отъѣздомъ. Въ Зеленомъ (загородномъ дворѣ), окруженный преданными ему казаками, атаманъ не спѣшилъ исполнять указы военной коллегіи. Наконецъ, въ началѣ 1772 г., присланъ былъ на Донъ генералъ Череповъ, какъ будто для прекращенія заразы, появившейся на Дону, а въ самомъ дѣлѣ чтобы понудить войсковаго атамана къ скорѣйшему выѣзду въ Петербургъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, по указу военной коллегіи, предписано Черепову позаботиться о скорѣйшей высылкѣ 10,000 ка-

заковъ въ разныя мѣста для государственной службы. Незадолго передъ этимъ съ Дону было переселено болѣе 1,000 семействъ въ Азовскую и Таганрогскую крѣпости для образованія тамъ двухъ конныхъ полковъ. Все это вмѣстѣ способствовало распространенію разныхъ слуховъ и, между прочимъ, объ обращеніи казаковъ въ солдаты. Наконецъ, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, атаманъ выѣхалъ изъ своего Зеленаго двора въ Петербургъ, но на пути, — какъ говорили, — созывалъ къ себѣ изъ станицъ атамановъ и казаковъ, и такимъ образомъ „учинилъ въ простодушномъ народѣ ложныя внушенія, якобы изъ войска Донскаго будетъ выборъ въ *регулярство*". Обманутыя такимъ ложнымъ увѣреніемъ, станица за станицей начали представлять Ефремову свои просьбы какъ объ избавленіи отъ регулярства, такъ и о возвращеніи переселенныхъ въ Азовскую и Таганрогскую крѣпости. Такихъ просьбъ набралось до 25-ти. Проѣздивши нѣсколько недѣль по войску, Ефремовъ снова возвратился въ Черкаскъ, неизвѣстно съ какими видами, и снова поселился въ своемъ Зеленомъ дворѣ. Поздно уже пришло высочайшее повелѣніе и поздно оно было оповѣщено по станицамъ, о томъ, „чтобы за отзывомъ атамана Ефремова въ С.-Петербургъ, никакихъ отъ него ордеровъ не принимать и по его приказаніямъ исполненія не чинить", — слухи о регулярствѣ возымѣли свое дѣйствіе Въ томъ же сентябрѣ, въ войсковой канцеляріи, подъ видомъ рапорта, былъ полученъ *предвозвѣстительный пасквиль* отъ Бесергеневской станицы казака Якова Янченкова, который писалъ атаману и старшинамъ: „за рѣку (войско) стойте крѣпко, генералу Черепову подписокъ не давайте, а то узнаете, что вамъ и генералу съ вами будетъ. Это вѣдь не Яицкое, а Донское войско". — Предчувствуя грозу, генералъ Череповъ разставилъ вокругъ Черкаска караулы съ тѣмъ, чтобы не пропускать въ городъ войсковаго атамана.

Наступило 1-е октября. По древнему обычаю, собрался войсковой кругъ изъ отставныхъ и служилыхъ казаковъ, выростковъ и малолѣтковъ, куда призваны были и малороссіяне. Наказный дьякъ прочиталъ присланные изъ военной коллегіи граматы и указы объ отозваніи атамана Ефремова въ Петербургъ, и о неисполненіи его приказаній. Когда окончено было чтеніе, то выступилъ изъ круга походный есаулъ Перфиловъ и сказалъ: „эти граматы подписаны генералами, а руки государыни нашей на нихъ нѣтъ, а атаманъ же Ефремовъ пожалованъ по именному высочайшему указу". По другимъ же свидѣтельствамъ, будто бы Перфиловъ говорилъ еще: „слушайте, казаки! Генералъ вамъ приказалъ объявить, что атаманъ Ефремовъ отзывается въ Петербургъ... Поэтому не велѣно отъ него никакихъ ордеровъ исполнять, а слушать Черепова, и потому-то атаманъ въ городъ не впускается, а когда

силоваться станетъ, то приказано стрѣлять по немъ". Слова Перфилова подтвердили другіе и „страшно зашумѣлъ весь казачій кругъ". „По войсковомъ атаманѣ мы стрѣлять не будемъ, и какъ командира своего въ городъ впустимъ; генерала же за командира почитать не желаемъ, потому что и напередъ сего никогда не бывало, какъ нынѣ Череповъ нами командуетъ. Отъ этого намъ большая обида". Напрасно благоразумные старшины удерживали казаковъ. Среди шумныхъ криковъ стали слышаться рѣчи о томъ, что „Череповъ хочетъ казаковъ въ регулярство писать, а рѣку раздѣлить". Бросились къ квартирѣ Черепова, стали бить камнями и полѣньями окна, двери и врываться въ комнаты.

Череповъ, черезъ заднее крыльцо, хотѣлъ тайно пройти къ Дону и отплыть въ крѣпость св. Дмитрія, но казаки не допустили до этого Они вызвали его къ себѣ и потребовали, чтобы онъ немедленно самъ удалился изъ города и приказалъ бы снять поставленные вокругъ Черкаска караулы. Череповъ согласился и, окруженный старшинами и сопровождаемый раздраженною толпою, пошелъ пѣшкомъ изъ города. Вслѣдъ ему раздавались крики: „ты хочешь насъ писать въ солдаты, мы всѣ помремъ, а до того себя не допустимъ". Бросали въ него землею, били пиньками и такъ проводили его до атаманскаго загороднаго, Краснаго двора.

О происшедшемъ бунтѣ немедленно посланы были въ Петербургъ донесенія съ двухъ сторонъ: отъ войска и отъ коменданта крѣпости св. Дмитрія, генерала Потапова. Въ отвѣтъ на эти донесенія прислано было повелѣніе—немедленно арестовать атамана Ефремова и заключить его въ крѣпость св. Дмитрія.

Въ ночь подъ 9-е ноября, среди всеобщей тишины, въ г. Черкаскѣ вдругъ ударили въ набатъ, „звонили сполохъ", раздались выстрѣлы вѣстовыхъ пушекъ. Встревожились жители Черкаска Наказный атаманъ Машлыкинъ и старшины собрались въ канцелярію и здѣсь узнали, что войсковой атаманъ Ефремовъ взятъ изъ своего Зеленаго двора внезапно пріѣхавшею изъ крѣпости командою и отвезенъ туда. Народъ пришелъ въ волненіе, ворвались въ канцелярію и стали кричать на атамана и старшинъ: „вы выдали войсковаго атамана и велѣли звонить на пожаръ: всѣхъ васъ перебить, и въ воду посадить. Мы поѣдемъ въ крѣпость и узнаемъ—тамъ ли атаманъ". Наказный атаманъ и старшины, опасаясь за свою жизнь, отправили въ крѣпость св. Дмитрія, спросить коменданта—за что взятъ Ефремовъ. Въ тотъ же день вооруженная команда казаковъ, человѣкъ 300, подъѣзжала къ крѣпости и требовала, чтобы имъ объявили, куда отвезенъ атаманъ: „ночью всѣмъ войскомъ придемъ выручать своего атамана", —кричали

нѣкоторые изъ нихъ. Преданіе говоритъ, что самъ атаманъ, вышедши на стѣну крѣпости, показался своимъ землякамъ и увѣщевалъ ихъ успокоиться и отъѣхать отъ крѣпости, потому что онъ по своей волѣ отправляется въ Петербургъ. На другой день, доносчикъ, Сидоръ Кирсановъ, который для безопасности своей жилъ въ крѣпости, прислалъ въ войсковую канцелярію увѣдомленіе о причинахъ взятія атамана: здѣсь онъ повторилъ всѣ тѣ обвиненія, какія выставилъ въ своемъ доносѣ. Когда обвиненія Кирсанова были прочитаны въ собраніи старшинъ и казаковъ, то всѣ единодушно рѣшились написать опроверженія противъ обвинительныхъ пунктовъ и оправдать атамана. Эти же обвиненія положено было послать по станицамъ, для того, чтобы даны были показанія—справедливы ли они, и затѣмъ все дѣло, при прошеніи, представить государынѣ. Но черезъ нѣсколько дней, отъ оберъ-коменданта Дмитріевской крѣпости получено было увѣдомленіе, что атаманъ Ефремовъ „взятъ въ силу высочайшаго указа, за ослушаніе 3-хъ присланныхъ къ нему изъ государственной военной коллегіи повелѣній". Такое извѣщеніе положило конецъ всякимъ недоразумѣніямъ. Послана была войсковая грамата по всѣмъ станицамъ, „чтобы никакого между собою мятежа не имѣть и для того быть каждому при своемъ жительствѣ спокойно, къ общественному благу". Полученная черезъ мѣсяцъ высочайшая грамата окончательно успокоила казаковъ, взволнованныхъ такимъ небывалымъ до того на Дону событіемъ. Вотъ эта грамата: „войсковой атаманъ Степанъ Ефремовъ учинилъ себя ослушнымъ воли и повелѣнія нашего; того ради лейбъ-гвардіи нашей капитанъ-поручикъ Ржевской арестовалъ его по имянному высочайшему нашему указу: сею же императорскою граматою объявляемъ всему нашему Донскому войску, что мы надѣемся, что сіе возмездіе за ослушаніе преступнику, будучи опытомъ правосудія нашего, докажетъ всему Донскому войску, коль нетерпимо нами такое ослушаніе и всякая дерзость, а потому и уповаемъ, что все наше Донское войско, возгнушаясь таковою виною его, Ефремова, поживетъ навсегда въ тишинѣ и спокойствіи и тѣмъ законъ Божій и волю нашу исполнитъ. Тѣмъ же, кои попустили себя уловить коварнымъ ухищреніемъ, и при случаѣ ареста его, Ефремова, оказали продерзости сами собою и возмущеніемъ другихъ малодушныхъ, высочайше повелѣваемъ по обнародованіи сей императорской граматы тотъ часъ придти въ спокойство и должное повиновеніе власти. Учинившіе сіе имѣютъ ожидать отъ насъ въ заблужденіи своемъ всемилостивѣйшаго прощенія. Буде же, паче чаянія и къ возбужденію праведнаго гнѣва нашего, нашлись бы въ Донскомъ войскѣ нашемъ такіе преступники, кои бы и послѣ обнародованія сего повелѣнія нашего дерзнули еще

продолжать неспокойство и волнованіе, то да вѣдаютъ, что тогда не избѣгнутъ злодѣи и возмутители достойной себѣ казни; впрочемъ всѣ пребывающіе въ повиновеніи вѣрные рабы, Донское войско наше, навсегда пользоваться будутъ монаршимъ благоволеніемъ нашимъ, къ коимъ и пребываемъ императорскою милостію нашею благосклонны".

На высочайшую грамату войско Донское доносило, „что оно всегда пребудетъ въ должномъ и единодушномъ повиновеніи монаршей волѣ, выраженной въ граматѣ. Государыня, выслушавъ отписку войска, повелѣла отправить на Донъ свой рескриптъ, въ которомъ сказано: „мы восхотѣли по сродному намъ человѣколюбію и милосердію ко всѣмъ подданнымъ нашимъ, возрѣть и на сію часть сего войска старшинъ и и казаковъ, которые, забывъ страхъ Божій и свою намъ присягу, дерзнули вооружиться и подъѣзжать подъ крѣпость св. Димитрія въ намѣреніи выручить оттуда реченнаго атамана... Мы снисходимъ на общее всего войска о нихъ предстательство и ихъ всемилостивѣйшее прощаемъ." Всѣ оказавшіеся виновными въ этомъ дѣлѣ, чтобы загладить свою вину, были наряжены безъ очереди въ дѣйствующую противъ турокъ армію; Ефремовъ же былъ отвезенъ въ Петербургъ, гдѣ надъ нимъ наряженъ былъ военный судъ, который нашелъ его виновнымъ въ слѣдующихъ преступленіяхъ: 1) Ефремовъ не исполнялъ многихъ повелѣній главнокомандующихъ арміями; 2) въ 1769 г. собралъ на крымской сторонѣ до 10 т. казаковъ и продержалъ ихъ здѣсь довольно долго безъ всякой пользы; 3) послѣ Романовскаго разоренія не велѣлъ преслѣдовать непріятеля далѣе рѣчки Еи; 4) ослушался шести указовъ военной коллегіи, присланныхъ къ нему о томъ, чтобы немедленно ѣхалъ въ Петербургъ; 5) этимъ неповиновеніемъ онъ далъ поводъ къ возмущенію казаковъ противъ генерала Черепова и 6) Публично, предъ старшинами, съ дерзостію и угрозами, забывъ подданическую къ ея императорскаго величества должность, выговаривалъ непристойныя слова и, сверхъ того,—говорится въ приговорѣ, — „найденъ и въ прочихъ противныхъ законамъ чести и должности поступкахъ. За всѣ вышеизложенныя преступленія, военный судъ приговорилъ бывшаго атамана Ефремова къ лишенію живота, именно *повѣсить правильно*, но по всемилостивѣйшему прощенію смертная казнь была замѣнена вѣчною ссылкою въ Перновъ. Объявляя о такомъ приговорѣ военнаго суда по войску Донскому, войсковое начальство убѣждаетъ станицы, чтобы онѣ никакимъ разглашеніямъ Ефремова не вѣрили и никакихъ разгласительныхъ писемъ отъ него не принимали.

Для подробнаго изслѣдованія дѣла по обвиненію Ефремова въ растратѣ войсковой казны, взяткахъ, а также и о Череповскомъ бунтѣ, наряжена была въ 1773 г., въ крѣпости св. Дмитрія, слѣдственная ком-

мисія, изъ 7 лицъ, подъ предсѣдательствомъ оберъ-коменданта. Коммиссія эта открыла слѣдующее: 1) Въ бытность свою въ Петербургѣ въ 1765 г., атаманъ Ефремовъ, „видя себя виновнымъ въ большомъ израсходованіи войсковой суммы на собственныя свои расходы,“ сжегъ приходорасходныя книги трехъ годовъ—1754, 60 и 62 г. По этимъ книгамъ числилось войсковой казны 45,471 р. Со времени взятія Ефремова погребъ, гдѣ находилась войсковая казна, былъ запечатанъ, а печать оставалась у атаманши, Меланьи Карповны. По вскрытіи же коммиссіей печати, всего войсковой казны оказалось около 12 т. р.; 2) Въ 1769 г., когда собрано было 10 т. казаковъ на рѣч. Несвитаѣ подъ предлогомъ командированія на службу въ разныя мѣста, Ефремовъ бралъ съ казаковъ по 1, по 70, 80 и по 100 руб., и отпускалъ обратно въ дома. Здѣсь же онъ собралъ 58 лошадей съ верховымъ приборомъ и частію съ упряжью. За производство въ чинъ старшины атаманъ принималъ отъ произведенныхъ „въ знакъ благодарности“ по 200 и по 300 руб.

Не мудрено послѣ этого, что богатства атамана Ефремова были несмѣтны. Когда произнесенъ былъ надъ нимъ приговоръ военнаго суда, имѣніе его приказано было описать и взять въ секвестръ на случай обезпеченія могущихъ оказаться съ него взысканій въ пополненіе войсковой суммы. И не смотря на то, что запрещеніе на имѣніе было наложено спустя полгода послѣ арестованія атамана, слѣдовательно, было время практической атаманшѣ припрятать значительную часть своихъ богатствъ, все-таки по описи оказалось по тому времени громадное состояніе, именно: наличныхъ денегъ, вещей и построекъ болѣе чѣмъ на 302 т. руб.,—крестьянъ, около 300 душъ, калмыковъ 267 д. и значительные табуны лошадей, рогатаго скота, овецъ и верблюдовъ.

Всѣхъ обвиненныхъ по Череповскому возмущенію было 30 человѣкъ. Слѣдственная коммиссія занялась усердно этимъ дѣломъ: вызывала къ допросамъ болѣе 50 челов., разыскивала по станицамъ обвиняемыхъ, дѣлала имъ очныя ставки, священническія увѣщанія и къ „утвержденію сущей справедливости разспрашивала пристрастно съ батоги и розгами.“ Такъ время тянулось болѣе году, а между тѣмъ находящіеся въ турецкой войнѣ Донскіе казаки успѣли кровью заслужить вины свои. Въ 1774 г., высочайшею граматою войску Донскому объявлялось, что „всѣ слѣдствія по дѣлу о взятіи Ефремова повелѣно оставить и уничтожить, казаковъ содержащихся по симъ дѣламъ подъ стражею выпустить и простить.“ „И все сіе милостивое наше соизволеніе“—говорилось въ граматѣ — „учинилось въ разсужденіи вѣрной и усердной службы войска Донскаго, намъ оказанной въ сей (турецкой)

войнѣ.“ Въ слѣдующемъ же году прислано было войску Донскому большое, бѣлое знамя, съ надписью: „нашему вѣрно-любезному войску Донскому, за храбрые и мужественные подвиги во время минувшей войны съ турками.“

ТРЕТЬЕ СТОЛѢТІЕ.

1770—1870 г.

Врожденное онаго войска военное искусство и неутомимость во всегдашней передовой стражѣ не токмо не позволяли непріятелямъ нигдѣ во вредъ войскъ нашихъ скрыть своего движенія, но превозмогали и совершенно уничтожали всегда всякое онаго покушеніе, чѣмъ и споспѣшествовали славнымъ оружія нашего успѣхамъ.

Пожв. грам. имп. Екатерины II, 1775 г. Іюня 25.

Врожденная бдительность Донскихъ воиновъ, на полѣ брани воспитанныхъ, исчисляла всѣ движенія, наблюдала непріятеля, предупреждала сокровеннѣйшія намѣренія непріятеля и недремлющимъ окомъ главнокомандующему служила.

Грамата имп. Александра I, 30 Августа 1811 г.

..... знаменитыя заслуги и подвиги Донскаго войска Нашего въ кампанію 1812 г. во многихъ битвахъ, съ изданія манифеста 13-го апрѣля 1813 г. до заключенія мирнаго трактата въ Парижѣ, налагаютъ на насъ долгъ предъ цѣлымъ свѣтомъ засвидѣтельствовать и повторить изъявленныя въ помянутомъ манифестѣ справедливую нашу къ нему признательность и благоволеніе. Да сохранится сіе свидѣтельство въ честь и славу его въ память потомковъ.

Грамата имп. Александра I, 18-го Ноября 1817 года.

..... въ награду непоколебимой вѣрности и въ ознаменованіе собственной нашей признательности и благоволенія къ сему храброму войску, признали мы пожаловать оному ту самую саблю, которую носилъ государь императоръ Александръ I. Да приложится мечъ сей къ регаліямъ Донскаго войска, да будетъ онъ во всѣ грядущія времена знаменіемъ подвиговъ и заслугъ сего войска и залогомъ непрерывнаго къ нему монаршаго благоволенія.

Грамата имп. Николая I, 19-го Марта 1826 года.

Положеніе войска Донскаго передъ Пугачевскимъ бунтомъ. — Участіе казаковъ въ усмиреніи Пугачевскаго бунта. — Учрежденіе войсковаго гражданскаго правительства. — Кубанскіе и закубанскіе походы. — Переселеніе семейныхъ казаковъ на Астрахань, Царицынскую линію, въ Азовскую и Таганрогскую крѣпости и на Кубань. — Жалованная грамата на владѣніе землею. Возстановленіе прежняго порядка управленія. — Станичное управленіе и отношеніе его къ войсковому.— Сравненіе Донскихъ чиновъ съ чинами регулярныхъ войскъ. — Оренбургскій походъ. — Основаніе Новочеркаска.—Участіе казаковъ въ кампаніяхъ 1805—1807 г. 1812, 13 и 14 г.г. — Перемѣны во внутреннемъ управленіи войска Донскаго. — Комитетъ объ устройствѣ войска Донскаго 1819 г. — Положеніе о Войскѣ Донскомъ 1835 г. — Участіе казаковъ съ войнахъ Кавказской, Персидской, Турецкой, венгерской и Восточной. — Комитетъ о преобразованіи войска Донскаго 1860—66 г.г. — Высочайшая грамата 1863 года. — Главнѣйшія узаконенія, касающіяся войска Донскаго по 1860 г. включительно.

Начало третьяго столѣтія существованія войска Донскаго было для него самымъ тяжелымъ временемъ. Въ то время, когда донцамъ

предстояло охранять верховыя свои станицы отъ разлива Пугачевскаго возмущенія, съ юга угрожалъ имъ крымскій ханъ, Девлетъ-Гирей, который подговаривалъ ногайскихъ татаръ къ нападенію на донскія станицы. А между тѣмъ войско Донское было въ это время обезсилено людьми: 22,000 казаковъ бились съ крымцами и турками за Дунаемъ, нѣсколько полковъ находилось на Кубани, другіе были отправлены въ войска, дѣйствовавшія противъ Пугачева. На Дону остались одни старики, раненые, да малолѣтки. Голодный 1773 г. принесъ новыя бѣдствія. Послѣ Череповскаго мятежа, расположенныя по донскимъ станицамъ войска Багратіона и Бринка отягощали жителей. Въ это время станицы писали атаману: „мы пришли въ крайнее разореніе и бѣдность.“

Вѣковая борьба съ кубанскими татарскими ордами, длившаяся почти черезъ все предъидущее столѣтіе, въ началѣ семидесятыхъ годовъ XVIII столѣтія возобновилась съ новою силою. Тяжелыя жертвы, принесенныя Донскими казаками въ этой борьбѣ, принесли свои плоды. Въ атаманство Степана Ефремова мы почти не встрѣчаемъ кубанскихъ набѣговъ на казачьи станицы. Мѣсто военныхъ дѣйствій перенесено было уже въ глубь задонскихъ степей на рр. Манычъ, Кагальникъ, Еи и др.; рѣже и рѣже разоряются казачьи станицы татарами и только одной Романовской еще пришлось выдержать два хищническихъ набѣга татаръ. Въ 1771 и 1773 г. большая часть татарскихъ ордъ откочевала за Кубань, въ сосѣдство горцамъ, и казаки, хотя на короткое время, успокоились отъ ихъ набѣговъ. Но вотъ являются новые, незванные гости. Во время турецкой войны четыре ногайскихъ орды, кочевавшія въ Бессарабіи, отдались подъ покровительство Россіи. Съ дозволенія императрицы Екатерины II-й, онѣ поселены были по правую сторону Кубани по рѣчкамъ Еи, Ессни и др. Въ первое время онѣ жили довольно спокойно; но въ 1773 г. крымскій ханъ Девлетъ-Гирей начинаетъ склонять ихъ къ нападенію на донскія земли. Наказный атаманъ Сулинъ, узнавши объ этомъ, приготовился къ отпору въ случаѣ нападенія. По войску былъ отданъ приказъ, „чтобы отъ нечаяннаго нападенія имѣть должную предосторожность, для чего и состоять всѣмъ служилымъ атаманамъ и казачьимъ дѣтямъ на всякой внезапной случай въ ежеминутной готовности неотмѣнно.“ Для защиты же Черкаска собрана была изъ станицъ команда въ 1,000 человѣкъ. Благоразумный и весьма вліятельный на своихъ сосѣдей ногайскій бей, Джанъ-Магометъ, отказалъ Девлетъ-Гирею въ содѣйствіи его планамъ. Но все таки нашлись еще нѣкоторыя отдѣльныя орды, которыя, по наущенію Гирея, сдѣлали внезапный набѣгъ на беззащитную Романовскую станицу. Донцы отомстили это разореніе: въ слав-

ной битвѣ на рѣч. Колалахъ (недалеко отъ Ейска) два донскіе полка, въ вагенбуртѣ, не только отсидѣлись отъ многочисленныхъ войскъ Девлетъ-Гирея, но еще нанесли ему сильное пораженіе. Въ этой битвѣ особенно отличился молодой полковникъ Платовъ, впослѣдствіи знаменитый герой 12-го года.

Но въ то самое время, когда войско Донское отбивалось отъ татаръ, Пугачевскій бунтъ принималъ широкіе размѣры, шайки самозванца стали уже приближаться къ границамъ Дона; необходимо было принять энергическія мѣры противъ ихъ вторженія. Едва только получено было въ войскѣ извѣстіе о появленіи самозванца, Зимовейской станицы казака Емельки Пугачева, войсковое начальство незамедлило отправить въ военную коллегію отписку о томъ, что „войско Донское весьма скорбитъ о случившемся несчастіи и, по долгу присяги и вѣрности къ ея императорскому величеству, не преминетъ отъ своей стороны употребить всѣ средства, гдѣ только попадутся способы и возможности къ пресѣченію и отвращенію злодѣйствъ бездѣльника и изверга Пугачева.“ По высочайшему указу, домъ, въ которомъ жилъ Пугачевъ, былъ сожженъ и пепелъ развѣянъ по вѣтру профосомъ. Семейство Пугачева, состоящее изъ жены и 3-хъ малолѣтнихъ дѣтей, отправлено было въ Казань. По просьбѣ самихъ казаковъ, станица Зимовейская была перенесена на новое мѣсто и названа Потемкинскою. Когда императрицѣ было доложено о просьбѣ войска, то она приказала объявить казакамъ: „ревность и вѣрность войска Донскаго къ намъ и престолу нашему, доказанная многими ихъ въ прошедшихъ войнахъ, такъ какъ и въ послѣдней турецкой войнѣ, храбрыми подвигами за вѣру и отечество, *никакому сомнѣнію не подвержены, но во всегдашней нашей памяти пребываютъ.*“ На другой же день по полученіи извѣщенія о самозванцѣ были разосланы по станицамъ войсковыя граматы, въ которыхъ строго предписывалось казакамъ, „ни какимъ о немъ (Пугачевѣ) слухамъ не внимать, а стараться разбить его, искоренить и прахъ истребить со всею его сволочною толпою.... и чтобы тѣмъ исполнить законъ Божій, соблюсть вѣрноподданническую ея императорскому величеству и отечеству должность, спасти отъ разоренія донское благоцвѣтущее общество и не погасить древнѣйшей донской вѣрной за службы славы.“

Для защиты донскихъ станицъ отъ Пугачева, положено было собрать поголовное ополченіе, начальникомъ котораго былъ назначенъ заслуженный полковникъ Себряковъ. Ему даны были подробныя секретныя инструкціи, какъ поступать въ случаѣ появленія шаекъ Пугачева въ войскѣ Донскомъ. Но когда пришлось по станицамъ собирать поголовное ополченіе, то оказался сильный недостатокъ въ

людяхъ, въ вооруженіи и боевыхъ снарядахъ. А тѣмъ временемъ получились извѣстія, что шайки Пугачева уже приближаются къ донскимъ предѣламъ. Себряковъ по болѣзни не могъ самъ лично распоряжаться вооруженіемъ, и потому походнымъ атаманомъ былъ назначенъ полковникъ Амвросій Луковкинъ, который въ короткое время успѣлъ собрать изъ 5 станицъ неболѣе 550 казаковъ, большею частью малолѣтковъ, и на Арчадѣ ожидалъ появленія непріятеля. Три шайки Пугачева вторгнулись въ донскія земли. Одна изъ нихъ пошла по берегамъ Медвѣдицы и Иловли, разоряя селенія, вѣшая чиновниковъ и помѣщиковъ. Обезлюдившія станицы были въ большомъ страхѣ, жители укрывались въ лѣсахъ; у казаковъ, которые могли бы защищаться, не было ни пороху, ни свинцу. А между тѣмъ „злодѣи въ кратковременную бытность въ станицахъ принуждали людей присягать и служить будто слѣдующему въ ихъ главной толпѣ императору Петру Ѳедоровичу, вели съ собою, противящихся казнили, вѣшали и убивали до смерти.“

Луковкинъ съ своимъ малочисленнымъ войскомъ проскакалъ 80 верстъ, настигъ одну шайку бунтовщиковъ около Етеревской станицы, разбилъ ее и такимъ же быстрымъ движеніемъ нагналъ другую около Медвѣдицкой станицы и, послѣ жестокаго боя, разсѣялъ ее окончательно. Также точно и третья партія была разбита при рѣчкѣ Болодѣ. За такіе молодецкіе подвиги Луковкинъ былъ награжденъ чиномъ полковника отъ арміи, золотою медалью и назначенъ былъ въ безсмѣнные судьи войсковой канцеляріи.

Въ то же самое время 14 донскихъ полковъ участвовали въ битвахъ противъ Пугачева внѣ предѣловъ войска. Первое пораженіе Пугачеву было нанесено Донцами подъ Царицынымъ, а затѣмъ они принимали самое дѣятельное участіе въ окончательнамъ разбитіи шаекъ самозванца у Чернаго Яра. Михельсонъ отзывался о храбрости, показанной Донцами въ этихъ дѣлахъ, въ самыхъ похвальныхъ выраженіяхъ.—Графъ Панинъ прислалъ на Донъ свое похвальное засвидѣтельствованіе о подвигахъ казаковъ въ битвахъ съ Пугачевымъ, гдѣ онъ говоритъ: „я нижеподписавшійся, войскъ ея императорскаго величества полный генералъ и кавалеръ, далъ сей одобрительной и похвальный листъ войска Донскаго тѣмъ полкамъ и командирамъ, кои подъ моимъ предводительствомъ побѣдоноснаго ея императорскаго величества оружія находились во второй арміи, подъ главнымъ начальствомъ сего войска походнаго атамана Грекова, въ двухъ кампаніяхъ противу турокъ въ минувшемъ 1769 и 1770 г., и которые были, какъ отряженными ко усмиренію народнаго государственнымъ злодѣемъ Пугачевымъ возмущенія, такъ по приближенію онаго къ

Царицыну, сами къ преслѣдующимъ сего злодѣя отъ меня войскамъ явились, — свидѣтельствуя, что оныя Донскія войска и ихъ начальники, при обоихъ тѣхъ моихъ предводительствахъ отправляли должность службы своей съ особливо похвальными къ ея императорскому величеству вѣрностію, усердіемъ, мужествомъ и съ неутомленными трудами.“ Окончательное преслѣдованіе разбитаго Пугачева было поручено донскому полковнику Алексѣю Иловайскому, который съ командою въ 400 челов. быстро бросился въ погоню за бѣжавшимъ самозванцемъ. Начальники войскъ, дѣйствовавшихъ противъ самозванца, хорошо понимали, что только Донцы своими летучими наѣздами могли нагнать быстро уходящіе послѣдніе остатки толпы самозванца. Иловайскому было предписано „переправиться за Волгу и учинить надъ Пугачевымъ поискъ, подаваясь внизъ рѣк. Волги; обнять отрядами въ глубь степи верстъ на 100, присматривать накрѣпко, не давать нигдѣ прокрасться.“ Отряду Иловайскаго пришлось скакать по безводнымъ степямъ, „гдѣ днемъ должно направлять путь свой по солнцу, а ночью по звѣздамъ.“ Здѣсь казаки употребили свою обычную тактику, выработанную вѣковою борьбою съ татарами: они стали преслѣдовать Пугачева по сакмамъ. Проскакавъ за Пугачевымъ огромное пространство, растерявъ по дорогѣ почти половину своего отряда, Иловайскій приблизился къ Яицку, гдѣ первый принялъ самозванца, выданнаго своими приверженцами.

По усмиреніи пугачевскаго бунта, государыня осыпала участвовавшихъ въ битвахъ Донцовъ щедрыми наградами. Черезъ Потемкина объявлена была благодарность войску Донскому „за похвальную ревность, храбрые и усерднѣйшіе подвиги казаковъ, оказанные при пораженіи Пугачева“. Сверхъ того бѣднымъ донскимъ жителямъ было роздано болѣе 64,000 четвертей хлѣба, а переселенные въ Азовъ и Таганрогъ казаки были возвращены (въ 1775 г.) на прежнія свои жилища. Преслѣдователь Пугачева, Иловайскій, былъ награжденъ чиномъ армейскаго полковника и на мѣсто Сулина назначенъ наказнымъ атаманомъ.

Съ назначеніемъ Алексѣя Иловайскаго въ войсковые атаманы тѣсно было связано коренное преобразованіе во внутреннемъ управленіи войска.

Еще со времени атаманства Степана Ефремова, правительство уже думало о преобразованіи войсковаго управленія. Упомянутый нами выше проектъ Ефремова, клонящійся къ усиленію власти атамана, не приведенъ былъ въ исполненіе уже потому, что самая исторія отрѣшенія его послужила краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ того, до какихъ злоупотребленій можетъ дойти неограниченная атаманская власть.

Скоро послѣ паденія Ефремова, войско Донское, вмѣстѣ съ другими южными областями Россіи, было подчинено главному начальствованію князя Потемкина. Турецкая война и пугачевскій бунтъ сначала мѣшали Потемкину заняться устройствомъ войска. Въ первое время своего управленія войскомъ онъ, какъ самъ говорилъ, искренно старался „споспѣшествовать всѣми возможными мѣрами благосостоянію Донцовъ“. „Я почитаю себя счастливымъ“—писалъ онъ тогда — „что во время начальствованія моего надъ симъ знаменитымъ воинствомъ, не мало имѣлъ случаевъ объявлять высочайшія къ оному милости и матернія взысканія“.

По окончаніи турецкой войны и пугачевскаго бунта, наступило благопріятное время для преобразованій въ войскѣ. Въ 1775 г. Потемкинъ представилъ на высочайшее утвержденіе свой докладъ о дѣлахъ войска Донскаго. Прежде всего онъ просилъ смѣнить наказнаго атамана Сулина, а на мѣсто его назначить полковника Алексѣя Иловайскаго. И хотя такое назначеніе вполнѣ зависѣло отъ Потемкина, но, „желая придать подобающее посту сему уваженіе и соединенную съ тѣмъ народную довѣренность“, онъ просилъ, чтобы назначеніе атамана сдѣлано было по высочайшему указу.

Изъ опыта нѣсколькихъ лѣтъ, по близкомъ знакомствѣ съ дѣломъ, Потемкинъ замѣтилъ многія неудобства въ войсковомъ управленіи, именно—что гражданскія и земскія дѣла вмѣстѣ съ дѣлами военными подчинены одинаково неограниченной власти атамана; поэтому онъ докладывалъ, чтобы „для управленія всѣхъ земскихъ дѣлъ учредить *войсковое гражданское правительство*, которому „ввѣрить все хозяйственное внутреннее распоряженіе, сборъ всѣхъ установленныхъ доходовъ и расходовъ, также все до промысловъ, торговли и прочія гражданскому суду подлежащія дѣла производить по генеральному во всемъ государствѣ установленію, съ соблюденіемъ данныхъ оному войску привилегій“. Въ войсковомъ гражданскомъ правительствѣ, кромѣ войсковаго атамана, присутствовать 2 старшинамъ по назначенію и 4 выборнымъ на одинъ годъ. Всѣмъ этимъ членамъ, „для предупрежденія всякаго къ корыстолюбію поползновенія, „производить установленное жалованье изъ войсковыхъ доходовъ.“ Управленіемъ военныхъ дѣлъ долженъ завѣдывать на общемъ основаніи, какъ и „весь генералитетъ“, войсковой атаманъ, который, послѣ князя Потемкина, считается главнымъ начальникомъ войска. Войсковые старшины и полковники, которые въ походахъ уже командовали полками наравнѣ съ установленными по табели военными чинами, получаютъ штабъ-офицерскіе чины; тѣ же изъ старшинъ, которые впередъ будутъ командовать полками и носить званіе полков-

никовъ, въ уваженіе службы ихъ, считать за *урядъ* младшими передъ армейскими секундъ-маіорами, но выше капитана. Прочихъ же донскихъ офицеровъ, которые состоятъ въ полкахъ есаулами и сотниками, въ уваженіе службы ихъ, во всѣхъ случаяхъ „признавать и принимать прилично офицерскому чину". Докладъ Потемкина безъ всякаго измѣненія былъ утвержденъ государыней. Черезъ годъ послѣ объявленія указа объ учрежденіи войсковаго гражданскаго правительства, Иловайскій былъ пожалованъ войсковымъ атаманомъ, съ тѣмъ, чтобы „считать его въ сей степени противъ 4-го класса чиновъ арміи". Въ тоже время императрица пожаловала войску Донскому бунчукъ, булаву и насѣку. Въ граматѣ по поводу этого пожалованія выражено „чтобы эти знаки атаманскаго достоинства были для потомства побужденіемъ къ храбрымъ подвигамъ и всегдашнимъ напоминаніемъ высочайшихъ щедротъ къ службѣ войска Донскаго". Въ теченіе 21-го года Иловайскій управлялъ войскомъ Донскимъ; въ его долгое атаманство совершилось много перемѣнъ на Дону. Вступивши только въ званіе атамана, Иловайскій ходатайствовалъ о разрѣшеніи поступать донскимъ воспитанникамъ во вновь открытый московскій университетъ. „Попеченіе о воспитаніи донскихъ дѣтей пріемлю я съ признаніемъ"—отвѣчалъ Потемкинъ — „и не оставлю съ моей стороны прилагать о таковыхъ учащихся къ чести и славѣ войска Донскаго всегдашнее раченіе". Въ томъ же 1775 г. 4 донскихъ воспитанника поступили въ московскій университетъ. Спустя 15 лѣтъ послѣ этого открыто было на Дону въ Черкаскѣ „*главное народное училище*".

Старинная борьба съ ногайцами продолжалась и въ этомъ столѣтіи. Переселенные изъ Бессарабіи на Кубань татары въ первое время перенесли много бѣдствій: голодъ, жестокія зимы, падежи скота,— все это привело ихъ въ крайнее разореніе; кочуя съ мѣста на мѣсто, ища вездѣ лучшаго корма для своего скота, нѣкоторыя ногайскія орды переселились съ своими кибитками на донскія степи по Кагальнику и Манычу. Войсковой атаманъ, зная по опыту вѣроломство татаръ, приказалъ немедленно согнать ихъ съ Кагальника и очистить Манычскую степь. Ежечасно ожидая нападенія отъ голодныхъ татаръ на Черкаскъ и донскія станицы, Иловайскій вмѣстѣ съ тѣмъ разослалъ граматы по всѣмъ донскимъ и донецкимъ станицамъ о томъ, „чтобы какъ старшины, такъ и служилые и отставные казаки и малолѣтки состояли къ поголовному походу въ ежеминутной готовности, съ двухмѣсячнымъ провіантомъ". Узнавши о такихъ приготовленіяхъ, татары должны были откочевать обратно къ Кубани. Но здѣсь ихъ ждала бѣда съ другой стороны: горскіе черкесы стали нападать на ногайскіе улусы и разорять ихъ. Тѣснимые съ двухъ сторонъ, ногайцы

пришли наконецъ въ отчаяніе. Они рѣшились завладѣть богатою пастьбищами манычскою степью и, въ случаѣ неудачи въ этомъ, передаться къ черкесамъ за Кубань. Въ 1781 г. между ногайскими ордами открылся бунтъ: онѣ стали явно нападать на русскіе сторожевые посты. Снова посланы были по станицамъ граматы отъ войсковаго атамана о готовности къ походу. Изъ задонскихъ хуторовъ и бакчей, съ морскихъ косъ и низовыхъ заводовъ, велѣно было собрать всѣхъ служилыхъ и отставныхъ казаковъ въ станицы какъ можно скорѣе; въ случаѣ же тревоги, когда данъ будетъ изъ Черкаска сигналъ пушечнымъ выстрѣломъ, всѣ служилые и отставные старшины, казаки и выростки изъ низовыхъ станицъ (по Раздорскую) должны брать изъ станичныхъ табуновъ своихъ лошадей и съ мѣсячнымъ провіантомъ быть готовыми къ походу. Дѣйствительно, ногайцы, смиряемые на Кубани, опять появились у Кагальника и Маныча, говоря „что они русскіе союзники, отчего же имъ не кочевать по Манычу и Салу?“ Не нападая явно на этихъ ненадежныхъ союзниковъ, казакамъ предстояло зорко слѣдить за ихъ движеніями, потому что ихъ близкія кочевки могли разразиться страшнымъ набѣгомъ на донскія станицы.

Воспользовавшись происшедшимъ въ это время возмущеніемъ крымскихъ татаръ противъ хана Шагинъ-Гирея, Потемкинъ задумалъ объ окончательномъ присоединеніи Крыма и Тамани къ Россіи. Для приведенія въ исполненіе этого плана въ 1782 г. подвинуты были къ южнымъ границамъ Россіи русскія войска. Одни должны были дѣйствовать противъ турокъ и татаръ, другія противъ ногайцевъ и черкесъ. Войско Донское приготовлялось выставить 36 полковъ, т. е. почти все свое поголовное ополченіе. По приказу атамана „всѣ казаки и выростки, не ниже 15 лѣтъ, по первому требованію должны были выступить въ походъ въ 24 часа съ трехмѣсячнымъ провіантомъ.“ Между тѣмъ, въ началѣ 1783 г. Потемкинъ быстро окончилъ начатое дѣло: ханъ отказался отъ престола въ пользу Россіи и высочайшій манифестъ 8 апрѣля возвѣстилъ о присоединеніи къ Россіи Крыма, Тамани и Кубани. Оставалось привести въ подданство Россіи еще ногайскія орды, что поручено было Суворову, на соединеніе съ которымъ двинулся на Кагальникъ Иловайскій съ своимъ ополченіемъ. Сначала Суворовъ хотѣлъ склонить къ подданству ногайцевъ мирными переговорами, но это ему не удалось. Подстрекаемые низверженнымъ ханомъ, явившимся среди нихъ, они оказали явное сопротивленіе. Узнавши это, Потемкинъ приказалъ атаману „собрать немедленно войско Донское, преслѣдовать съ онымъ мятежниковъ и наказать ихъ безпощаднымъ истребленіемъ.“ Недалеко отъ устья Лабы, войсковой атаманъ, съ десятью полками присоединился

къ войскамъ Суворова. Послѣ отважной переправы черезъ Кубань, близъ урочища *Керменчика*, русскія войска внезапно напали на ногайскіе улусы и одержали рѣшительную побѣду. По распоряженію Суворова добыча была раздѣлена такъ: половина на государя, двѣ трети казакамъ, и другому войску одна треть изъ оставшейся половины. Какое было участіе Донцовъ въ этомъ рѣшительномъ пораженіи ногайцевъ, можно видѣть изъ донесенія Суворова Потемкину объ этомъ походѣ, гдѣ онъ говоритъ: „храбрость, стремительный ударъ и неустрашимость Донскаго войска не могу довольно похвалить предъ вашею свѣтлостію и высочайшимъ трономъ.“ Послѣ пораженія при Керменчикѣ, ногайскіе мурзы прислали Суворову, въ знакъ покорности, свои бѣлыя знамена.

Закубанскій походъ Суворова закончилъ собою вѣковую борьбу казаковъ съ татарами. Съ того времени донскія станицы уже не разоряются, поголовныя ополченія становятся рѣже. Пушки на Черкасскихъ бастіонахъ уже болѣе не заряжались *). Но служба казаковъ, какъ защитниковъ и оберегателей русскихъ границъ отъ напора азіатскихъ ордъ, этимъ еще не кончилась. Вмѣсто сторожевыхъ постовъ, летучихъ наѣздовъ кубанскихъ и закубанскихъ народовъ, казаки на своихъ плечахъ должны были вынести другаго рода службу въ дѣлѣ расширенія и укрѣпленія русскихъ владѣній на вновь присоединенныхъ земляхъ. Вездѣ, и во всѣхъ случаяхъ, для закрѣпленія новыхъ границъ казаковъ считали самыми надежными поселенцами на этихъ границахъ и изъ нихъ всегда составляли прочный оплотъ для непріятельскихъ вторженій въ русскія украины. Еще Петръ Великій для закрѣпленія вновь пріобрѣтенныхъ владѣній на Кавказѣ, около Каспійскаго моря, повелѣлъ перевесть изъ войска Донскаго и поселить 500 семействъ на пространствѣ отъ крѣпости св. Креста, по Сулаку, до морскаго устья, другія же 500 семействъ разселить отъ той же крѣпости по Аграхань. Вслѣдъ затѣмъ, въ царствованіе Анны Ивановны, вызвано было съ Дону 1057 семействъ охотниковъ для поселенія на Царицынской линіи. Этимъ переселенцамъ отведены были земли по Волгѣ на мѣстѣ Дубовка и на рѣч. Балыклеѣ; дано имъ было, какъ и первымъ, казачье устройство, выборные атаманы и старшины, и „судъ имъ имѣть по своему казачьему обыкновенію“ сказано въ указѣ. Кромѣ обыкновенной линейной службы, казаки, поселенные по Волгѣ, должны были содержать сторожевые посты и команды въ Саратовѣ, въ Астрахани и во

*) Всѣ свѣдѣнія объ участіи казаковъ въ усмиреніи Пугачевскаго бунта и въ Кубанскихъ походахъ 1782 г. заимствованы нами изъ сочиненія М. Сенюткина «Донцы» (1—178 стр.).

всѣхъ тѣхъ мѣстахъ по Волгѣ, куда прежде сего посылались казаки съ Дону. Оба эти переселенія совершились мирно, но слѣдующее затѣмъ, въ царствованіе Екатерины Великой, переселеніе семейныхъ казаковъ въ Азовскую и Таганрогскую крѣпости вызвало народное волненіе на Дону. Оно было одною изъ главныхъ причинъ извѣстнаго уже намъ Череповскаго бунта. Дѣло началось тѣмъ, что въ 1770 г. послана была находящимся у сыску бѣглыхъ старшинамъ строжайшее предписаніе—немедленно собрать по станицамъ всѣхъ находящихся на лицо служилыхъ казаковъ, изъ нихъ выбрать извѣстное число, указанное въ особой инструкціи, „не престарѣлыхъ и весьма молодыхъ, но среднихъ лѣтъ здоровыхъ людей, которые имѣли бы двѣ лошади и полное казачье вооруженіе: ружье, пару пистолетовъ, саблю и пику". Выбранныхъ, тотчасъ же, со всѣмъ семействомъ, съ домами и пожитками высылать въ Азовскую и Таганрогскую крѣпости. За медленность переселенія, угрожалось „тягчайшимъ истязаніемъ." Такія необдуманныя распоряженія, очень естественно, не могли быть исполнены буквально, а только встревожили мирныхъ жителей. При приведеніи ихъ въ исполненіе встрѣтилось очень много затрудненій. Во многихъ станицахъ можно было набрать всѣхъ казаковъ, и больныхъ и старыхъ, лишь такое число, сколько требовалось къ переселенію. Неопредѣленное выраженіе, что переселяться должны со всѣми семействами, давало поводъ ко многимъ недоразумѣніямъ; а самое главное—совершить переселеніе въ короткій срокъ со всѣми домами и пожитками—оказалось положительно невозможнымъ. Какъ бы то ни было, хотя и не въ такой скорый срокъ, но при помощи разныхъ понудительныхъ мѣръ, назначенные казаки были наконецъ переселены въ Азовъ и Таганрогъ. Это-то насильственное переселеніе и дало поводъ разнымъ толкамъ „*о регулярствѣ*", какъ тогда выражались; оно-то главнымъ образомъ и вызвало народное волненіе 1 октября 1772 года.

Прощая казаковъ за это возмущеніе и повелѣвая прекратить всякое о немъ разслѣдованіе, императрица не забыла также и о причинѣ возмущенія: переселеннымъ въ Азовъ и Таганрогъ казакамъ дозволено было возвратиться на прежнія мѣста жительства. Такъ неудачно начатое переселеніе и не состоялось, но оно стоило войску нѣсколькихъ жертвъ.

Еще больше волненій на Дону вызвало задуманное въ 1792 г. переселеніе Донскихъ казаковъ на кубанскую линію, для того, чтобы привести ее въ лучшее оборонительное положеніе. Командующій войсками въ этомъ краю, генералъ Гудовичъ, нашелъ необходимымъ—„для закрытія" русскихъ земель отъ вторженія горскихъ черкесовъ построить рядъ крѣпостей и редутовъ по всей линіи отъ Екатеринограда до Воронежскаго редута; на всемъ этомъ протяженіи предпола-

галось устроить 12 станицъ и населить ихъ хоперскими и волжскими казаками, по 200 семействъ въ каждой, за исключеніемъ Усть-Лабинской, въ которой предположено было поселить 400 семействъ. По разсмотрѣніи представленій Гудовича въ высшихъ инстанціяхъ, признано было болѣе удобнымъ для этого поселенія употребить 6 Донскихъ полковъ, находившихся въ то время на службѣ, на линіи въ корпусѣ Гудовича, раздѣлить ихъ по станицамъ и приказать имъ съ весны строить избы. Новымъ поселенцамъ дать разныя льготы. Нежелающіе остаться на новыхъ мѣстахъ могутъ поставить вмѣсто себя охотниковъ, но тоже изъ Донскихъ казаковъ. На каждую семью выдать по 20 руб. вспомоществованія. Постройку избъ предполагалось окончить къ веснѣ и къ этому времени къ поселенцамъ выслать съ Дону ихъ семейства. Но какъ скоро приступлено было къ исполненію этого плана, между назначенными къ поселенію Донскими полками обнаружилось сильное волненіе. Такой, еще не бывалый способъ насильственнаго поселенія, возбудилъ разные безпокойные толки между казаками. Они не хотѣли приступить къ постройкѣ избъ. Напрасно увѣщеваетъ ихъ войсковой атаманъ черезъ высланныхъ къ нему въ Черкаскъ депутатовъ отъ полковъ, напрасно обнадеживаетъ ихъ своимъ ходатайствомъ объ отмѣнѣ этого поселенія. И дѣйствительно, онъ немедленно представилъ въ Петербургъ, что подобное переселеніе цѣлаго отряда вызоветъ волненіе между жителями, потому, что, по древнему обычаю Донцовъ, переселенія у нихъ совершались по жребію, и ходатайствовалъ о дозволеніи ему по такому важному дѣлу пріѣхать въ Петербургъ. Казаки, какъ видно, уже никому не вѣрили. „По жеребу и очереди мы должны переселяться, а безъ жереба мы не хотимъ“—говорили они. Волненіе усиливалось, и три полка—Поздѣева, Луковкина и Кошкина,—взявши съ собою полковыя знамена, безъ полковниковъ и старшинъ, „забывъ долгъ службы и присягу,“ двинулись на Донъ. Войсковой атаманъ, получивши извѣстіе о бѣгствѣ полковъ, послалъ на встрѣчу имъ судью Манькова, для увѣщанія непокорныхъ бѣглецовъ; по станицамъ же разослалъ граматы, чтобы казаки „пребывали въ должномъ спокойствіи“, и если гдѣ появятся бѣжавшіе съ линіи казаки, то чтобы ихъ не впускали въ станицы, а убѣждали возвратиться назадъ къ мѣсту своей службы. Но атаманъ ошибся въ своихъ предположеніяхъ: вмѣсто того, чтобы разойтись по своимъ станицамъ, бѣжавшіе казаки, въ полномъ своемъ составѣ, неожиданно явились въ Черкаскъ, подступили къ дому атамана и спрашивали его съ угрозами: „за что онъ ихъ отдаетъ на поселеніе?“ Атаманъ отвѣчалъ, что на это есть высочайшая воля, но казаки, несмотря на увѣренія и увѣщанія атамана и членовъ граждан-

скаго правительства, не успокоивались. „Ты самъ насъ выдаешь на поселеніе,“ говорили они атаману. Потомъ стали требовать, чтобы атаманъ не посылалъ ихъ обратно въ полки, а отпустилъ бы въ дома, чтобы самъ ѣхалъ просить государыню объ отмѣнѣ поселенія и чтобы повсемѣстно было объявлено, что „они не бунтовщики и отъ службы не убѣжали, а только отъ переселенія.“ Атаманъ дозволилъ казакамъ разъѣзжаться по домамъ и, на другой день, они привезли распущенныя полковыя знамена, сдали ихъ атаману, получили отпуски и разъѣхались по своимъ станицамъ. „И большое волненіе отъ тѣхъ казаковъ,“—говоритъ очевидецъ событія есаулъ Копылковъ,—„и великій былъ въ городѣ страхъ, думали, что отъ нихъ будетъ дурное. Едва утушился тотъ мятежъ, и солнце было въ кругу весь день.“ Атаманъ выѣхалъ въ Петербургъ ходатайствовать за ослушниковъ. Между тѣмъ изъ Черкаска были разосланы секретныя предписанія старшинамъ, находящимся у сыску бѣглыхъ, о томъ, что бѣжавшіе казаки „могутъ иногда разглашать разныя, между народомъ, клеветы, служащія къ нарушенію спокойствія,“ то поэтому предписывалось въ станицахъ внушать атаманамъ и степеннымъ старикамъ, чтобы они не слушали никакихъ „*вредоносныхъ разглашеній.*“ Тѣмъ временемъ старшины должны были секретно вывѣдывать,—гдѣ находятся бѣглецы, какъ живутъ и что намѣрены предпринять. Для успокоенія оставшихся на линіи полковъ былъ отправленъ бригадиръ Платовъ, который, сожалѣя о томъ, что сдѣлано было такое великое преступленіе, совсѣмъ на Дону не бывалое, въ проѣздъ свой чрезъ донскія станицы обнадеживалъ казаковъ, что они могутъ еще разсчитывать на прощеніе, если только немедленно возвратятся къ мѣсту своей службы. Ходатайство атамана имѣло полный успѣхъ. Иловайскій, понимая истинное положеніе дѣлъ на Дону, указалъ на всю несообразность такой мѣры. Онъ представилъ государынѣ, что побѣгъ казаками сдѣланъ былъ не „изъ злого какого намѣренія, а только изъ легкомыслія и безразсуднаго страха.“ Государыня простила казаковъ, но съ тѣмъ, чтобы они немедленно отправились въ свои полки и докончили бы свою службу до будущей смѣны. Однако же и здѣсь дѣло не обошлось безъ волненій. Опасенія войсковаго начальства оправдались. Главный руководитель возмущенія, казакъ Бѣлогороховъ рѣшился ѣхать въ Петербургъ съ цѣлью просить государыню объ избавленіи отъ переселенія, но тамъ былъ пойманъ и задержанъ; между тѣмъ товарищъ его Сухоруковъ съ партіею единомышленниковъ отправился въ верхнія станицы и возмущалъ жителей къ неповиновенію, покуда не былъ взятъ подъ стражу. Такимъ образомъ, какъ само начальство сознавалось, „отъ буйства бѣглецовъ прои-

зошло повсемѣстное въ предѣлахъ Донскаго войска возмущеніе, разстроившее во всѣхъ частяхъ добрую подчиненность.“

Въ августѣ того же года полученъ былъ на имя войсковаго атамана Иловайскаго высочайшій рескриптъ, которымъ отмѣнялись прежнія распоряженія о поселеніи на линіи 6 полковъ, а взамѣнъ того, по усмотрѣнію войсковаго правительства, изъ всего войска назначено къ поселенію на Кубань 3 т. казаковъ. Болѣе году войсковое правительство, подготовляя постепенно донскихъ жителей къ новому распоряженію, не обнародовало этаго рескрипта. Въ граматѣ войсковаго правительства станицамъ сказано, что государыня, снисходя только къ *древнему Донскому обряду*, простила ослушниковъ ея волѣ, исключая нераскаявшихся начинщиковъ зла (которые были преданы суду). Новый выборъ на поселеніе, войсковое правительство рѣшило произвесть по тому древнему обряду, какой употреблялся обыкновенно при прежнихъ переселеніяхъ, т. е. *по станичному назначенію*. Назначеннымъ для наблюденія за нарядомъ на поселенія чиновникамъ предписывалось раздать по станицамъ войсковыя граматы и послѣ отобрать списки выбраннымъ на поселеніе; самимъ же на сборы не входить и „въ станичное разсмотрѣніе“ не вмѣшиваться. Войсковому правительству предстояло исполнить весьма трудное дѣло. Къ переселенію требовалось 3 т. семействъ, а между тѣмъ всѣхъ служилыхъ казаковъ въ то время считалось только 28,138 челов., слѣдовательно болѣе чѣмъ 10-я часть всего войска подлежала переселенію. На переселеніе назначались „здоровые, исправные воинскимъ оружіемъ и о дву конь.“ Поэтому-то, чтобы не обезлюдить совсѣмъ войска, въ числѣ 3 т. предполагалось нарядить 800 сем. изъ малороссіянъ, поступившихъ въ казаки. Несмотря на то, войсковое правительство, наученное опытомъ, приступило къ этому дѣлу обдуманно, и обѣщало назначеннымъ къ поселенію особыя льготы; но нѣсколько станицъ вовсе не приняли войсковыхъ граматъ и отказались производить нарядъ поселенцамъ. Такъ не слушая увѣщаній войсковаго начальства, станицы Есауловская, Кабылянская, двѣ Чирскихъ и Пятиизбянская обнаружили рѣшительное сопротивленіе войсковымъ распоряженіямъ. Прежде всего онѣ отрѣшили отъ должности станичнаго атамана и подписныхъ стариковъ, а на мѣсто ихъ выбрали другихъ изъ своихъ единомышленниковъ, дали клятву другъ друга не выдавать, станицы же укрѣпили и поставили вокругъ нихъ стражу. Бунтовщики разсылали свои граматы въ другія станицы, приглашая ихъ стоять заодно. Увѣщанія войсковаго атамана не дѣйствовали. Возмутившіеся казаки собрались изо всѣхъ пяти станицъ вмѣстѣ въ станицу Есауловскую и, чрезъ высланныхъ отъ себя объявили, что они о переселеніи и слышать не хотятъ, что земли свои заслужили кровью

и кровью ихъ защищать станутъ. Получено было извѣстіе, что весною они намѣреваются идти на Черкаскъ, забрать всѣ регаліи и выбрать другаго войсковаго атамана. Войсковое начальство серьезно стало готовиться къ оборонѣ: пушки были исправлены, бастіоны укрѣплены, палисадники около города возобновлены и боковыя калитки забиты наглухо. Бунтъ разрастался, и правительство нашлось вынужденнымъ употребить противъ бунтующихъ силу. 5-ть полковъ и 4 баталіона пѣхоты, 2 эскадрона драгунъ, съ 4-мя орудіями полевой артиллеріи, подъ начальствомъ князя Щербатова, 1 т. Донскихъ казаковъ подъ командою генерала Мартынова и 3 Чугуевскихъ полка подъ начальствомъ генерала Платова—назначены были усмирить мятежниковъ. Войска подступили къ бунтующимся станицамъ и заняли ихъ почти безъ сопротивленія. Немедленно приступлено было къ расправѣ. 48 старшинъ и 298 казаковъ, какъ главные бунтовщики, были закованы въ кандалы. Другіе же, менѣе виновные, всего 1645 челов., были наказаны плетьми. Но дѣло этимъ не кончилось: по распоряженію военной коллегіи, для дослѣдованія этого дѣла, была открыта въ одной изъ возмутившихся станицъ слѣдственная коммиссія подъ предсѣдательствомъ князя Щербатова, которая имѣла цѣлью „открыть истинныя причины бывшаго упорства, намѣренія начинщиковъ, отношенія и надежды, ихъ подерживающія.“

Послѣ разслѣдованія дѣла, коммисія приговорила главнаго виновника бунта, есаула Рубцова—послѣ наказанія кнутомъ, сослать въ Сибирь, а изъ 146 его сообщниковъ, выбрать по жребію по одному изъ каждой станицы старшинѣ и изъ нижнихъ чиновъ десятаго человѣка сослать въ ссылку, остальныхъ же подвергнуть другимъ менѣе тяжкимъ наказаніямъ. Когда уже семейства переселенцевъ приготовлялись къ отправленію на линію, въ казачьи полки, стоявшіе въ Крыму, дошли слухи, „что на Дону разоряютъ ихъ семейства, жгутъ дома и дѣтей берутъ въ солдаты“. Казаки большими партіями стали уходить на Донъ. Между тѣмъ князь Щербатовъ входилъ съ представленіемъ въ военную коллегію—какъ поступать ему съ главными зачинщиками въ другихъ, кромѣ пяти, станицахъ, которыя не принимали войсковыхъ граматъ. Разрѣшено было—начинщиковъ судить, а прочихъ наказывать. Изъ имѣвшихся у Щербатова свѣдѣній виновными въ непринятіи граматъ оказывались всѣ хоперскія, бузулуцкія и медвѣдицкія станицы. Не дѣлая ни какого изслѣдованія, князь Щербатовъ признавалъ нужнымъ подвергнуть обвиняемыхъ наказанію, и около пяти тысячъ человѣкъ, признанные виновными, были имъ наказаны. Наказный же атаманъ Мартыновъ—какъ онъ самъ говоритъ въ своемъ приказѣ по войску,—„по учиненіи виновнымъ наказанія учредилъ во всѣхъ тѣхъ станицахъ въ каждой

станичное начальство, избравъ атамановъ, судей и помощниковъ имъ". Но не смотря на такія строгія мѣры, въ теченіе одного года переселено было только 1000 семействъ. Правительство, видя, съ какими препятствіями и жертвами сопряжено было это переселеніе, отмѣнило и это второе свое распоряженіе: вмѣсто 3000 семействъ повелѣно было ограничиться переселеніемъ одной только тысячи, „такъ какъ",—сказано въ граматѣ, „въ отправленныхъ тысячи семьяхъ состоитъ мужеска и женска пола 4701 душа, то сіе количество можетъ быть совершенно достаточнымъ столько, что къ умноженію его надобности не будетъ." Наконецъ, расположенныя по станицамъ войска Щербатова, вызванныя для усмиренія бунта, послѣ почти 2-хъ лѣтней стоянки, вышли изъ предѣловъ войска.

Но въ то время когда одни казаки переселялись на Кубань и Терекъ, другіе, въ русскихъ арміяхъ противъ турокъ и шведовъ, заслуживали новыя царскія милости къ войску, „безстрашно слѣдуя,"— какъ сказано въ высочайшей граматѣ 1793 г., — „на приступы крѣпостей и опровергая превосходныя силы непріятельскія въ полевыхъ сраженіяхъ." Въ знакъ особеннаго благоволенія къ войску дарована была ему высочайшая грамата, утверждающая его права на владѣніе принадлежащими ему землями. Въ граматѣ выражено: „Желая войску Донскому доставить безспорное на вѣчныя времена владѣніе принадлежащими оному землями и черезъ то изъявить монаршую нашу признательность къ ревностной его службѣ, утвердили подписаніемъ нашимъ поднесенную намъ и при семъ препровождаемую карту, по которой и указали сдѣлать исполненіе." Для принятія жалованной граматы были отправлены изъ войска въ Петербургъ депутаты, которые, изъ собственныхъ рукъ государыни, удостоились получить грамату, карту войсковыхъ земель и хлѣбъ-соль. Въ Черкаскѣ торжественно встрѣтили новое царское пожалованье: къ границамъ войска высланъ былъ почетный караулъ для встрѣчи депутатовъ. Когда же они стали приближаться къ городу, то сдѣланъ былъ залпъ со всѣхъ черкасскихъ бастіоновъ. Царскую грамату и хлѣбъ-соль внесли въ собравшійся по этому случаю войсковой кругъ, дьякъ прочелъ грамату, а войсковой атаманъ поцѣловалъ высочайшую надпись. Послѣ пѣнія молебна и провозглашенія многолѣтія государынѣ, весь кругъ двинулся къ дому войсковаго атамана, гдѣ пожалованная хлѣбъ-соль была раздѣлена на 6-ть частей, а одна изъ нихъ на мелкія части, которыя розданы были всѣмъ присутствовавшимъ. Остальныя же части были посланы по станицамъ, въ которыхъ также, какъ и въ войсковомъ городѣ, торжественно встрѣчали царскую грамату, вычитывали ее на полныхъ станичныхъ сборахъ, а царскую хлѣбъ соль раздѣляли между всѣми станичниками.

По смерти атамана Иловайскаго, въ 1796 году, императоръ Павелъ I хотѣлъ назначить войсковымъ атаманомъ заслуженнаго донскаго генерала, Ѳедора Петровича Денисова; но Денисовъ отказался отъ этого назначенія, ссылаясь на свою старость и малограмотность, а просилъ государя—вмѣсто него, назначить зятя его, генерала Орлова, который оставался въ званіи атамана до 1801 г., когда его мѣсто занялъ знаменитый герой 12 года, графъ М. И. Платовъ. Однимъ изъ первыхъ распоряженій Павла I относительно войска Донскаго было уничтоженіе учрежденнаго по мысли Потемкина войсковаго гражданскаго правительства и возстановленіе прежней войсковой канцеляріи. Въ 1796 г. данъ былъ именной указъ атаману Орлову объ утвержденіи прежнихъ постановленій въ войскѣ Донскомъ, гдѣ сказано: „что же касается до вкравшихся злоупотребленій и сдѣланныхъ перемѣнъ княземъ Потемкинымъ, то вамъ принадлежитъ — первыя искоренять, а мнѣ—послѣднихъ не апробовать, яко клонящихся всегда къ истребленію общественнаго порядка вещей.“ По объявленіи этого высочайшаго повелѣнія въ войсковомъ кругу, а потомъ въ собраніи всѣхъ наличныхъ чиновъ, древняя войсковая канцелярія была открыта; въ ней по прежнему должны были присутствовать войсковой атаманъ съ наличными старшинами. Всѣ бумаги должны быть писаны на имя войсковаго атамана и войска Донскаго. Нерѣшенныя же дѣла войсковаго гражданскаго правительства приказано было окончить тѣмъ самымъ судьямъ, при которыхъ они поступили. Возстановленіе древняго порядка управленія касалось также и станичнаго правленія: открывши войсковую канцелярію въ общемъ собраніи старшинъ, атаманъ Орловъ разослалъ по всѣмъ станицамъ свои циркулярныя постановленія, которыя заключали въ себѣ подробный наказъ станичному управленію.

Въ прежнее время въ теченіе почти всего XVII столѣтія, казачьи городки во внутреннемъ своемъ управленіи, были совершенно независимы отъ главнаго войска и часто, вслѣдствіе отдаленности отъ Черкаска, сами рѣшали даже такія дѣла, которыя зависѣли отъ всего войска, какъ-то: набѣги, походы на непріятелей и т. п. Ослушниковъ войсковыхъ приговоровъ войско наказывало пеней, лишеніемъ суда и извѣстнымъ приговоромъ „*бить и грабить.*“ Въ XVII столѣтіи войсковыя граматы обыкновенно писались такъ: „отъ войсковаго атамана и отъ всего великаго войска Донскаго вверхъ по Дону и по запольнымъ рѣчкамъ, городокъ отъ городка, *покамѣстъ нашъ казачій присудъ.*“ Въ началѣ XVIII столѣтія форма войсковыхъ граматъ нѣсколько измѣнилась; онѣ уже писались: „отъ войсковаго атамана и всего войска, станичнымъ атаманамъ молодцамъ *челобитье.*“ Предме-

томъ этихъ граматъ, кромѣ призывовъ къ войнѣ и походамъ, были большею частію разрѣшенія между станицами споровъ за поземельныя довольствія, дозволеніе занять тѣ или другія войсковыя земли подъ юрты и др. Относительно утвержденія правъ на поземельныя довольствія, обыкновенно, какъ говорится въ войсковыхъ граматахъ, станичники „били челомъ великому государю всею станицею, а намъ войску Донскому въ Черкаскомъ, въ нашемъ войсковомъ кругу, словесно и челобитчиковъ своихъ отъ станицы такихъ то прислали.“ Съ начала XVIII столѣтія, когда особенно усилился приливъ бѣглыхъ на Донъ, мы очень часто встрѣчаемъ войсковыя граматы съ строгимъ подтвержденіемъ „не принимать въ казачьи городки бѣглыхъ, въ противномъ случаѣ станичнымъ атаманамъ и лучшимъ людямъ станицы войско угрожало смертною казнію. Въ войсковой граматѣ 1721 г. въ первый разъ встрѣчаются постановленія главнаго войска относительно управленія въ казачьихъ городкахъ. Здѣсь, послѣ запрещенія принимать бѣглыхъ, между прочимъ говорится: „изъ своей станицы никуда безъ писемъ не распускать, а которые у васъ есть бурлаки и у ихъ бы были ружья и самымъ бы вамъ быть во всякой готовности, вина въявь не курить и на хлѣбъ не вымѣнивать.... Выборныхъ станичныхъ готовыхъ атамановъ почитать и во всемъ имъ быть послушными.... Городокъ крѣпить, а ежели гдѣ будутъ въ вашемъ юрту какіе непріятельскіе люди, и ихъ поймати и тогоже бы часу черезъ степь прямо съ письменнымъ извѣстіемъ доброконныхъ казаковъ присылать къ намъ, войску, въ Черкаскъ, немедленно.... Поповъ и дьяковъ съ Руси безъ указу и безъ перехожихъ, не объявляя намъ войску, не принимать; у которыхъ же вашихъ казаковъ есть пчельники по боеракамъ, и по рѣчкамъ хутора — разорять.... и жилымъ казакамъ учинитъ переписку, и знатнымъ бурлакамъ также особливую, и ту переписку къ намъ прислать; пустынниковъ вамъ въ своемъ юрту не держать, а еслиже вы... о чемъ писано вамъ въ сей граматѣ того исполнять не будете, то всеконечно ваша станица будетъ разорена и выжжена безъ остатку, а атаманъ и лучшіе люди будутъ казнены смертію безъ всякой пощады и милосердія“.

Въ половинѣ этого же столѣтія, для розысканія по донскимъ городкамъ бѣглыхъ и высылки ихъ на прежнія мѣста жительства, всѣ донскіе городки были раздѣлены на нѣсколько отдѣльныхъ участковъ, которые поручены были особеннымъ, назначеннымъ войсковымъ атаманомъ *старшинамъ для сыску бѣглыхъ*, какъ назывались они. Съ этого времени большая часть войсковыхъ распоряженій объявлялась станицамъ чрезъ этихъ старшинъ, которые уже къ концу прошлаго столѣтія смѣнены были сыскными начальствами. Инструкція атамана

Орлова, данная станицамъ, представляетъ намъ подробную характеристику старшиннаго станичнаго самоуправленія. Какъ мы видѣли, послѣ есауловскаго возмущенія, во многихъ станицахъ вмѣсто выборныхъ атамановъ и стариковъ, были назначены наказнымъ атаманомъ Мартыновымъ, по его выбору, станичные атаманы и судьи. Съ возстановленіемъ прежняго порядка управленія возстановлены были и выборы, которые,—какъ говоритъ Е. Кательниковъ въ своихъ „историческихъ свѣдѣніяхъ о Верхне-Курмоярской станицѣ",—происходили слѣдующимъ образомъ: когда старый атаманъ *отходитъ* (отслужилъ уже свой годъ) то на общемъ сборѣ, въ кругу, положивши свою насѣку, онъ спрашивалъ атамановъ молодцевъ, кому поручатъ они *сдѣлать докладъ*, что означало предложить вопросъ на обсужденіе всего сбора. Право доклада принадлежало не каждому, и самъ атаманъ, безъ согласія *подписныхъ стариковъ*, которые въ извѣстномъ числѣ избирались въ качествѣ судей, не могъ сдѣлать доклада, почему сложилась поговорка: „атаманъ неволенъ и въ докладѣ". Назначенный докладчикомъ предлагалъ сбору выбрать новаго атамана; провозглашенный большинствомъ голосовъ принималъ изъ рукъ докладчика атаманскую насѣку, и старшіе изъ казаковъ, въ знакъ поздравленія, прикрывали его своими шапками. Предлагая выбирать атамановъ изъ людей расторопныхъ и добрыхъ въ поведеніи, Орловъ совѣтуетъ, „ради пособія имъ во всегдашнихъ словесныхъ судопроизводствахъ," выбрать изъ степенныхъ стариковъ, которые прежде назывались подписными, четырехъ человѣкъ, или болѣе, по усмотрѣнію общества. Обязанность атамана и стариковъ состоитъ въ немедленномъ исполненіи распоряженій сыскныхъ начальствъ, въ словесномъ разбирательствѣ всякихъ спорныхъ дѣлъ. Дѣла же, подлежащія общему собранію, откладываются на праздничные дни для разсмотрѣнія на полныхъ сборахъ. Всѣ тяжебныя дѣла на сумму не свыше 50 руб., могутъ быть рѣшаемы въ станицахъ. Недовольные же рѣшеніемъ станицы могутъ переносить свои дѣла въ сыскныя начальства. Станичные атаманы и старики судятъ уличенныхъ въ разныхъ преступленіяхъ, особенно въ малыхъ воровствахъ. За вырубку лѣса и перекосъ луговъ, и т. п., станичные правители взыскиваютъ денежный штрафъ, *а отнюдь не должны напивать пойломъ*, „ибо сіе введеніе", — какъ говоритъ атаманъ Орловъ, — „было весьма подло и не соображено съ должнымъ порядкомъ". Хотя относительно наказаній за преступленія и не было строго опредѣленныхъ писанныхъ законовъ, однако же, какъ видно изъ лѣтописи Кательникова, изстари еще въ казачьемъ управленіи существовалъ обычай,—за преступленія и проступки, смотря по важности ихъ, опредѣлять тѣ или другія наказанія. Важнѣйшими

преступленіями считались: измѣна по службѣ государевой, за что виновный подвергался извѣстному приговору „*въ кулъ да въ воду*“. За огурство, воровство, несоблюденіе постовъ и т. п., сѣкли плетьми. За мелкіе же проступки штрафовали виновныхъ *напоемъ*, т. е. они должны были на свой счетъ напоить водкою истцовъ и судей. Искреннее желаніе атамана Орлова, выраженное имъ въ его наставленіяхъ, состоитъ въ томъ, чтобы „донскіе граждане между собою блюли старинную простоту и убѣгали бы тяжебныхъ дѣлъ и ябедъ“...

Передъ началомъ настоящаго столѣтія совершилось довольно значительное передвиженіе въ кочевомъ населеніи войска Донскаго. Еще въ 1788 г. нѣсколько дербетовскихъ калмыцкихъ ордъ прикочевали изъ Астрахани къ Дону, гдѣ онѣ оставались до 1794 г., когда по распоряженію правительства были переведены на лѣвый берегъ Волги. Но безпрерывные набѣги киргизовъ заставили калмыковъ просить государя Павла I о причисленіи ихъ навсегда къ войску Донскому и о дозволеніи имъ отправлять службу наравнѣ съ казаками. Просьба ихъ была уважена. Въ 1798 г. дербетовцы снова появились съ своими кочевьями въ войскѣ Донскомъ. Для управленія ими учреждено особое правленіе, которое, на первыхъ порахъ, сдѣлало имъ поголовную перепись; ихъ оказалось 3,724 кибитки и 9,525 душъ муж. пола. Новые порядки, вводимые между дербетовцами, не понравились имъ и въ началѣ 1800 года, несмотря на всѣ мѣры войсковаго начальства, они снова стали перекочевывать въ астраханскія степи, такъ что въ короткое время вся дербетовская орда выселилась изъ войска. Государь, узнавши объ этомъ переселеніи, приказалъ оставить калмыковъ въ маломъ Дербетѣ, а что войско Донское лишится сихъ калмыковъ,—писалъ онъ,—„то *иништо имъ*: зачѣмъ не умѣли держать ихъ на своей землѣ“. Кромѣ этихъ, въ войскѣ Донскомъ остались еще причисленные разновременно калмыки, которыхъ, по уходѣ дербетовской орды, считалось 2,262 душ. муж. пола.

1768 годъ составляетъ эпоху въ исторіи Донскаго войска: съ этого времени ведетъ свое начало жалованное дворянство, и сословіе это рѣзко выдѣлилось изъ среды всего Донскаго населенія.

До этого времени пожалованіе въ чины было рѣдко; жаловались по большей части отличившіеся начальники отдѣльныхъ отрядовъ армейскими чинами—премьеръ-маіора, секундъ-маіора, полковника и генерала; всѣ остальные военные чины въ казачьихъ полкахъ назначались по выбору на время службы и числились за урядъ; по окончаніи же похода, или по возвращеніи полка на Донъ, они слагали съ себя это званіе и становились въ ряды простыхъ казаковъ. Въ это-то время сложилась между казаками забавная поговорка: „нашего полковника пожаловали

въ маіоры". Но, какъ бы то ни было, до 1798 г. число жалованныхъ военныхъ чиновъ въ войскѣ было весьма ограниченно. Указомъ же 1799 г. повелѣвалось „для уравненія чиновъ, въ войскѣ служащихъ, признавать ихъ чинами по слѣдующей табели, сохраняя имъ по службѣ прежнее ихъ названіе въ войскѣ Донскомъ: войсковыхъ старшинъ маіорами, есауловъ ротмистрами, сотниковъ поручиками, хорунжихъ корнетами". Въ 1828 г. изданъ былъ указъ, по которому чины донскихъ офицеровъ поставлены наравнѣ съ соотвѣтствующими чинами регулярныхъ войскъ. Если взять во вниманіе, что въ 1796 г. послѣдовалъ указъ, закрѣпляющій крестьянъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они поселились, а также и существовавшее до 1811 г. право донскихъ чиновниковъ купленныхъ въ другихъ губерніяхъ крестьянъ переселять на Донскія земли, то мы поймемъ, почему у насъ такъ быстро и въ такое короткое время образовался многочисленный классъ донскихъ помѣщиковъ, за которыми по шестой ревизіи, въ 1811 г., числилось уже 76,857 ревизскихъ душъ.

Въ послѣдній годъ царствованія императора Павла I, войско Донское выставило еще небывалое до того поголовное ополченіе въ памятный походъ „по секретной экспедиціи", какъ называется онъ въ офиціальныхъ бумагахъ, или „къ сторонѣ Оренбурга", какъ онъ сохранился въ памяти народа. Таинственная цѣль этого похода, поспѣшное выступленіе всего войска и исключительное участіе Донцовъ въ этомъ походѣ, все это вмѣстѣ дѣлаютъ оренбургскій походъ однимъ изъ замѣчательныхъ эпизодовъ изъ исторіи войска Донскаго. Въ январѣ 1801 г. императоръ Павелъ Петровичъ повелѣлъ: „собрать все войско на сборныя мѣста". Вслѣдствіе этого атаманъ Орловъ отдаетъ приказъ по войску, „чтобы всѣ Донцы, *до послѣдняго*, непремѣнно въ 6 дней выступили *о дву конь съ полуторамѣсячнымъ провіантомъ*". И дѣйствительно, собирались и вооружались въ походъ всѣ до послѣдняго: станицы остались безъ писарей и церкви безъ чтецовъ. Не забыты были и донскіе калмыки, которымъ тоже приказано было всѣмъ безъ исключенія выступать въ походъ.

Приготовленія шли черезвычайно быстро. Въ Оренбургѣ покуплены были верблюды для перевозки тяжестей по киргизскимъ степямъ, а изъ государственнаго казначейства отпущено было на жалованье, провіантъ и фуражъ, болѣе 2,670,000 р., „кои должны быть возвращены",—какъ писалъ государь,—отъ генерала отъ кавалеріи Орлова *изъ добычи той экспедиціи*". Вслѣдъ затѣмъ получено было высочайшее повелѣніе, чтобы атаманъ Орловъ, съ войскомъ Донскимъ, шелъ къ Оренбургу и далѣе черезъ Уралъ. Орловъ предварительно посылаетъ въ Оренбургъ надежныхъ офицеровъ разузнать секретно „какая есть

удобная дорога для прохода войскъ отъ Оренбурга черезъ степи киргизъ-кайсаковъ до Хивы, а оттоль до Бухаріи и далѣе къ Индіи". Но всѣ попытки въ этомъ родѣ были напрасны; присланныя изъ Петербурга карты также были неудовлетворительны. Войску Донскому предстояло идти неизвѣстною дорогою и въ неизвѣстную страну. 20-го февраля атаманъ уже доносилъ, что 22,507 человѣкъ войска собрано и готовы выступить въ походъ. Раздѣливши всѣ 41 полкъ и 2 роты конной артилеріи на четыре отряда, Орловъ снова донесъ, что со всѣхъ пунктовъ войска уже выступили и будутъ продолжать маршъ отъ 30 до 40 верстъ въ сутки. Какая же была цѣль похода,—объ этомъ знали весьма немногіе. Въ высочайшемъ рескриптѣ отъ 22-го января на имя атамана Орлова изъяснено: „англичане приготовляются сдѣлать нападеніе, флотомъ и войсками, на меня и на союзниковъ моихъ шведъ и датчанъ. Я готовъ ихъ принять, но нужно ихъ самихъ атаковать и тамъ, гдѣ ударъ имъ можетъ быть чувствительнѣе и гдѣ они меньше ожидаютъ. Заведенія ихъ въ Индіи—самое лучшее для сего. Поручаю всю сію экспедицію вамъ и войску вашему, Василій Петровичъ. Соберитесь вы съ онымъ и вступите въ походъ къ Оренбургу, откуда, любою изъ трехъ дорогъ или всѣми, подите съ артилеріей прямо чрезъ Бухарію и Хиву на рѣку Индусъ и на завоеванія англичанскія, по ней лежащія; войска того края ихъ, такого же рода, какъ и ваше, и тамъ, имѣя артилерію, вы имѣете авантажъ. Приготовьте все къ походу, пошлите своихъ лазутчиковъ приготовить или осмотрѣть дороги: все богатство Индіи будетъ вамъ за сію экспедицію наградою". „Помните",—писалъ государь черезъ нѣсколько дней въ другомъ рескриптѣ,—„что вамъ дѣло до англичанъ только, и миръ со всѣми тѣми, кто не будетъ имъ помогать". Получивши донесеніе о выступленіи всего войска въ походъ, государь приказалъ объявить Донцамъ свое высочайшее благоволеніе „за готовность и исправность къ выступленію" и, вмѣстѣ съ тѣмъ, „пожелалъ счастливаго похода и, успѣха".

Войско выступило въ жестокую зиму; дороги отъ множества снѣга были почти непроходимы, особенно для артиллеріи; сильныя мятели чрезвычайно замедляли движеніе войскъ. Часто многимъ полкамъ по пути слѣдованія недоставало квартиръ, лошади оставались безъ корму. Проходя Саратовскую губернію, вслѣдствіе бывшаго здѣсь неурожая, войска терпѣли недостатокъ въ продовольствіи и фуражѣ. Полковые командиры въ своихъ донесеніяхъ выражали опасенія—какъ бы не *оголодить* лошадей и тѣмъ не сдѣлать ихъ неспособными къ походу. Въ мартѣ наступила оттепель. Ледъ на рѣкахъ тронулся и войскамъ довелось бороться еще съ большими трудностями. Явилась необходи-

мость устраивать живые мосты черезъ игравшіе рѣки, ручьи; полки ежедневно должны были мѣнять свои маршруты по причинѣ невозможности идти по назначенной дорогѣ. О нѣкоторыхъ полкахъ понѣскольку недѣль атаманъ не получалъ никакихъ извѣстій и не зналъ гдѣ они находятся. Но не смотря на такія затрудненія и задержки въ походѣ, войско Донское менѣе чѣмъ въ мѣсяцъ прошло 685 верстъ, и достигло „вершинъ рѣки Иргиза.“ Здѣсь, наканунѣ праздника пасхи, атаманъ Орловъ получилъ манифестъ о восшествіи на престолъ новаго императора и, вмѣстѣ съ тѣмъ, повелѣніе возвратить полки на Донъ. „Жалуетъ васъ, ребята, Богъ и государь родительскими домами“,— объявилъ атаманъ обрадованнымъ царскою милостію Донцамъ. На обратномъ пути войско встрѣчало тѣже затрудненія, что и прежде. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ казаки наконецъ достигли предѣловъ войска и были распущены по домамъ. Не смотря на трудности похода и на то, что войско болѣе чѣмъ въ 22 т., а при нихъ 44 т. лошадей, въ 2 мѣсяца прошло 1500 верстъ въ самое неблагопріятное время, потери Донцовъ какъ людьми, такъ и лошадьми, были весьма незначительны.

Съ назначеніемъ, по смерти Орлова, атаманомъ генералъ-лейтенанта, впослѣдствіи графа, Платова, обращено было вниманіе на неудобства поселенія войсковаго города Черкаска. Встарину казаки называли Черкаскъ островомъ, и дѣйствительно, нѣсколько мѣсяцевъ въ году этотъ городъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ разливомъ Дона и Аксая, и даже самыя улицы его были покрыты водою. Во время же сбыванія воды и съ наступленіемъ сильныхъ жаровъ низменная мѣстность, занимаемая Черкаскомъ, вредно вліяла на здоровье жителей. Встарину, во время частыхъ непріятельскихъ набѣговъ, мѣстоположеніе Черкаска считалось выгоднымъ стратегическимъ пунктомъ. Когда же наступили мирныя времена для Дона, то пора было подумать о другомъ, болѣе удобномъ мѣстѣ для войсковаго городка. Еще въ атаманство А. И. Иловайскаго было предположеніе—перенести городъ къ Мертвому Донцу, гдѣ нынѣ Гниловская станица. Но не такъ легко было разстаться съ мѣстомъ, съ которымъ связано было много историческихъ воспоминаній и которое въ теченіе слишкомъ полутора столѣтія было центромъ Донскаго казачества. Поэтому, прежде чѣмъ рѣшиться на переселеніе, атаманъ Платовъ пытался искусственными сооруженіями оградить городъ отъ наводненія. Вслѣдствіе этого, съ высочайшаго разрѣшенія, приглашены были инженеры, чтобы для предохраненія города Черкаска отъ наводненія, обнести его валомъ или плотиною, а со стороны Дона стѣною, подобно тому, какъ это сдѣлано около Астрахани. „Возвышеніе внутренности города“, — писалъ Платовъ,—„зависѣть уже будетъ въ продолженіе времени отъ самихъ обыва-

телей.“ Начатыя работы по нѣкоторымъ причинамъ шли весьма не успѣшно; поэтому, въ слѣдующемъ же (1804) году, по представленію атамана, послѣдовалъ высочайшій указъ, по которому присланъ былъ на Донъ инженеръ-генералъ Деволанъ, для осмотра мѣста, которое будетъ выбрано для перенесенія города. Прежде всего на новомъ мѣстѣ надлежало выстроить зданія для помѣщенія войсковой канцеляріи; всѣ же церкви должны остаться на прежнемъ мѣстѣ и до нихъ „отнюдь не касаться,“ сказано въ указѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ повелѣвалось предоставить на волю жителей—переселяться ли на новое мѣсто, или остаться на прежнемъ. Скоро выбрано мѣсто для поселенія Новочеркаска и, ровно черезъ годъ, 9 мая 1806 г., по торжественному церемоніалу перенесены были сюда всѣ войсковыя регаліи, зерцало присутственныхъ мѣстъ и всѣ войсковыя учрежденія.

Во время войны съ французами, 1805—1807 г., въ дѣйствующей русской арміи, заграницей, находилось 13 казачьихъ Донскихъ полковъ, по 500 челов. каждый, подъ предводительствомъ атамана Платова. Казаки участвовали почти во всѣхъ главныхъ сраженіяхъ нашихъ войскъ съ непріятелями и, по преимуществу, по самому роду своей службы, охраняли нашу армію отъ внезапныхъ нападеній. Въ теченіе этой войны одними казаками взято было въ плѣнъ до 140 офицеровъ и до 6,000 нижнихъ чиновъ. Въ письмѣ Бениггена къ Платову отъ 27 іюня 1807 г. сказано, что „казаки денно и нощно тревожили остатки истребленной ими непріятельской кавалеріи послѣ сраженія при Прейсишъ-Эйлау“. Въ похвальной граматѣ войску Донскому отъ 30 августа 1811 г. государь оцѣнилъ заслуги Донцовъ въ войнѣ 1805—1807 въ слѣдующихъ словахъ: „Врожденная бдительность Донскихъ воиновъ, на полѣ брани воспитанныхъ, исчисляла всѣ движенія, наблюдала предпріятія, предупреждала сокровеннѣйшія намѣренія непріятеля и не дремлющимъ окомъ главнокомандующему служила. Въ справедливомъ уваженіи къ симъ отличнымъ подвигамъ знаменитаго Донскаго войска и въ знакъ монаршаго попеченія нашего о его славѣ, жалуемъ мы ему, отъ лица благодарнаго отечества, знамя съ изображеніемъ отличныхъ его дѣяній.“ Въ этой же граматѣ, въ первый разъ послѣ жалованной граматы Екатерины II, подтверждались всѣ права и преимущества войска и утверждалась „ненарушимость настоящаго образа его служенія,“ „и неприкосновенность всей окружности его владѣній.“

Наступилъ памятный 1812 годъ. Войско Донское, въ числѣ 30 полковъ, въ арміяхъ Багратіона, Тормасова, Чичагова, Витгенштейна, а главное въ числѣ 14 полковъ въ отдѣльномъ летучемъ отрядѣ Платова—встрѣтило непріятеля при вступленіи его въ русскіе предѣлы. Послѣ же Бородинской битвы, въ Тарутинскій лагерь прибыло съ Дону по-

головное ополченіе въ числѣ 20 полковъ. Все мужеское населеніе войска, начиная съ 15 лѣтняго возраста и до 60 лѣтняго, поступило въ ополченіе. Словомъ, въ отечественную войну, войско Донское выставило всѣ свои наличныя силы въ числѣ 60 т. воиновъ. Неговоря уже объ участіи казаковъ, какое они принимали въ пораженіи и прогнаніи непріятеля изъ Россіи, однѣ огромныя цыфры взятыхъ казаками въ кампанію 12 года воинскихъ трофеевъ и плѣнныхъ, краснорѣчиво говорятъ о важныхъ заслугахъ войска въ эту войну. Такъ, въ кампанію 12 года, Донскими казаками было взято болѣе 30 знаменъ, 546 пушекъ и до 70,000 плѣнныхъ. Императоръ Александръ I, послѣ изгнанія непріятеля изъ Россіи, далъ атаману Платову свой рескриптъ, въ которомъ выразилъ: „Вы собственнымъ вашимъ лицомъ и вообще все войско Донское, много участвуете въ славѣ истребленія враговъ и въ въ спасеніи отъ нихъ отечества. Заслуги ваши и подвиги подначальныхъ вамъ казачьихъ войскъ пребудутъ незабвенны. Имя ихъ сдѣлалось страшно непріятелю.“ По окончаніи же кампаніи 1814 г., войску Донскому пожаловано было бѣлое знамя съ надписью: „Вѣрноподданному войску Донскому въ ознаменованіе подвиговъ, оказанныхъ въ послѣднюю французскую войну въ 1812—1814 г.“ При знамени прислана была похвальная грамата отъ высочайшаго имени: „На Донъ, въ нижніе и верхніе юрты, нашимъ атаманамъ и казакамъ, войсковому атаману генералу отъ кавалеріи графу Платову, правительству войска Донскаго и всему оному знаменитому войску, намъ вѣрнолюбезному“.

„Донское наше воинство, въ минувшую съ французами войну, усердіемъ, подвижностію и храбрыми дѣйствіями своими оказало важныя отечеству услуги. Поголовное ополченіе и прибытіе онаго въ знатныхъ силахъ къ нашей арміи было толь поспѣшное и скорое, какое тотда токмо бываетъ, когда совершенная къ исполненію долга своего ревность, всѣхъ и каждаго одушевляетъ и движетъ. Мужественная и неутомимая бдительность войсковаго атамана, графа Платова, такожъ и подвизавшихся съ нимъ всѣхъ войска сего храбрыхъ генераловъ, офицеровъ и всѣхъ вообще Донскихъ урядниковъ и казаковъ, много способствовали къ преодолѣнію великихъ силъ непріятельскихъ и къ одержанію надъ ними полныхъ и знаменитыхъ побѣдъ. Они непрестанными на него нападеніями и частыми съ нимъ битвами вездѣ возбраняли ему способы къ продовольствію, и чрезъ то привели всю многочисленную конницу его въ совершенное изнуреніе и ничтожество. Когда потомъ, послѣ многихъ бѣдственныхъ для него сраженій, былъ онъ побѣдоноснымъ нашимъ воинствомъ пораженъ, обращенъ въ бѣгство и преслѣдованъ, тогда, на пути, въ новыхъ съ нимъ жаркихъ сраженіяхъ, отбито у него бывшимъ подъ предводительствомъ нашего храб-

раго атамана графа Платова Донскими казаками знатное число артиллеріи, со многими взятыми въ плѣнъ генералами ихъ, офицерами и солдатами. Сверхъ сего непріятель, безпрестанно ими обезпокоиваемый, принужденъ былъ многія орудія свои со всѣми къ нимъ принадлежностями затоплять въ болотахъ и рѣкахъ, или, не успѣвши того сдѣлать, оставлять намъ въ добычу, такъ что въ продолженіе бѣгства своего за предѣлы Россійскіе претерпѣлъ всеконечное и совершенное истребленіе.

„Толь знаменитые заслуги и подвиги Донскаго войска нашего, коими ознаменовало оно себя подъ начальствомъ намъ вѣрностію преданнаго войсковаго атамана, графа Платова, въ кампанію 1812 г., и болѣе въ продолженіе войны во многихъ битвахъ съ изданія манифеста 13-го апрѣля 1813 г. до заключенія мирнаго трактата въ Парижѣ, налагаютъ на насъ долгъ предъ цѣлымъ свѣтомъ засвидѣтельствовать и повторить изъявленныя въ помянутомъ манифестѣ справедливую нашу къ нему признательность и благоволеніе. Да сохранится сіе свидѣтельство въ честь и славу его въ памяти потомковъ.

„Въ справедливомъ уваженіи къ симъ отличнымъ подвигамъ знаменитаго Донскаго войска и въ знакъ монаршаго попеченія нашего о его славѣ, жалуемъ мы ему, отъ лица благодарнаго отечества, знамя, отличныя дѣянія войска въ незабвенную для Россіи войну изображающее.

„Да нѣкогда сыны сыновъ вѣрнолюбезнаго намъ войска Донскаго, преднося предъ рядами своими сію святую хоругвь славы и отечества, воспомнятъ дѣянія отцовъ своихъ и послѣдуютъ ихъ примѣру“.

Со времени уничтоженія войсковаго гражданскаго правительства и возстановленія прежней войсковой канцеляріи, въ короткое время войсковому управленію суждено было испытать множество перемѣнъ. Древній порядокъ войсковаго управленія, возобновленный указомъ императора Павла I, уже черезъ три года оказался неудовлетворительнымъ. Къ 1800 г. накопилось такое множество нерѣшенныхъ дѣлъ въ войсковой канцеляріи, что высшее правительство нашло необходимымъ сдѣлать нѣкоторыя измѣненія въ управленіи войска, а именно: 1) въ войсковой канцеляріи, кромѣ атамана и двухъ членовъ, должны присутствовать еще лица по назначенію Государя Императора; 2) учреждены были зависящія отъ войсковой канцеляріи три экспедиціи: первая для дѣлъ криминальныхъ, вторая для гражданскихъ и тяжебныхъ и третья для казенныхъ. Въ каждой экспедиціи присутствуютъ три члена, ежегодно избираемые. Рѣшенія по всѣмъ тремъ экспедиціямъ вносятся на утвержденіе войсковой канцеляріи.

Вслѣдъ затѣмъ, по представленію атамана, кромѣ упомянутыхъ трехъ экспедицій, учреждены были еще три: одна для межевыхъ дѣлъ,

другая для полиціи г. Черкаска и третья—сыскное начальство, соотвѣтствующее земскому суду. Не прошло и двухъ лѣтъ, какъ оказались многія неудобства новыхъ учрежденій, и указомъ 1802 г. повелѣвалось—войсковую канцелярію составить по примѣру того, какъ въ 1775 г. учреждено было гражданское правительство, именно—къ 2-мъ непремѣннымъ членамъ въ войсковую канцелярію добавить еще 4 члена, избираемыхъ на три года; присутствованіе же особаго генерала не изъ донскихъ—было отмѣнено. Учреждена была должность прокурора войсковой канцеляріи. Всѣ учрежденныя прежде экспедиціи уничтожались, оставалась только одна, полицейская, въ видѣ управы благочинія. Существовавшія дотолѣ сыскныя начальства по войску, которыхъ число доходило до девяти, были замѣнены семью начальствами, наподобіе уѣздныхъ и земскихъ судовъ. Недовольные рѣшеніемъ сыскныхъ начальствъ приносили жалобы въ войсковую канцелярію. Въ 1804 г. послѣдовалъ новый указъ о нѣкоторыхъ дополненіяхъ въ войсковомъ управленіи. Здѣсь сказано, что хотя войсковая канцелярія и составляетъ одно нераздѣльное присутствіе, но по дѣлопроизводству раздѣляется опять на три экспедиціи: воинскую, гражданскую и экономическую. Присутствующіе въ сыскныхъ начальствахъ члены, подобно ассесорамъ войсковой канцеляріи, избираются войсковымъ обществомъ и утверждаются войсковою канцеляріею на три года. Въ 1815 г. опять сдѣланы были новыя измѣненія въ войсковыхъ учрежденіяхъ: вмѣсто гражданской экспедиціи для производства дѣлъ уголовныхъ и тяжебныхъ, учреждено было независимое отъ войсковой канцеляріи новое присутственное мѣсто подъ названіемъ „департамента суда и расправы", на общемъ основаніи палатъ уголовной и гражданской, подъ предсѣдательствомъ одного непремѣннаго судьи и трехъ ассесоровъ, по выборамъ черезъ каждые три года. Но и этотъ порядокъ былъ недолговѣченъ. Еще атаманъ Платовъ, по окончаніи кампаніи 1814 г., готовилъ представленіе о коренномъ преобразованіи всѣхъ частей войсковаго управленія. Со вступленіемъ въ должность атамана генерала А. К. Денисова, первымъ его дѣломъ было ходатайствовать о составленіи новаго положенія для войска Донскаго. Денисовъ, въ 1819 г., въ своемъ представленіи государю, доносилъ, что при первомъ обозрѣніи всѣхъ частей управленія въ войскѣ, онъ замѣтилъ, что многіе войсковые распорядки, будучи заведены еще до 1760 г., не имѣли твердыхъ письменныхъ законовъ, а основывались только на обычаѣ; поэтому просилъ учредить въ войскѣ особую коммисію, подъ его предсѣдательствомъ, изъ четырехъ членовъ; коммисія эта должна была: 1) составить новую инструкцію донскимъ полкамъ, установить правила относительно увольненія казаковъ на льготу, и 2) на-

дѣлить, уравнительно, станичныя общества землею, такъ какъ пространство станичныхъ земель, основанное на правѣ давности захвата, вовсе не соотвѣтствовало числу населенія въ нѣкоторыхъ станицахъ. Цѣлью Денисова было распространить станичные юрты до такой мѣры, чтобы и потомство не имѣло стѣсненія въ поземельныхъ довольствіяхъ. За надѣленіемъ станичныхъ юртовъ, изъ остальной земли должны быть надѣлены чиновники, имѣющіе поселенныхъ крестьянъ, и чиновники, неимѣющіе крестьянъ. Наконецъ, коммисія должна была обратить вниманіе на устройство финансовой части въ войскѣ, чтобы,—какъ говоритъ Денисовъ,—„расходъ основанъ былъ не на волѣ случая и желанія, а на непреложныхъ правилахъ“.

Представленіе Денисова было уважено. Комитетъ для составленія новаго положенія о войскѣ Донскомъ былъ учрежденъ, съ тѣмъ добавленіемъ, что кромѣ четырехъ членовъ по назначенію атамана, въ немъ присутствуютъ еще два: одинъ отъ военнаго министерства, другой отъ министерства юстиціи. Комитетъ долженъ былъ окончить свои работы въ теченіе одного года и составленное имъ новое положеніе представить на высочайшее утвержденіе. Въ учрежденный комитетъ членомъ отъ военнаго министерства былъ назначенъ генералъ-адъютантъ Чернышевъ: „извѣстный“,—какъ сказано въ высочайшемъ рескриптѣ на имя войсковаго атамана,—„храбрымъ Донскимъ казакамъ по воинскимъ его дарованіямъ, любимый ими на поприщѣ воинской славы и взаимно къ нимъ душевно привязанный, онъ конечно заслужитъ и въ семъ мирномъ трудѣ ихъ уваженіе, тѣмъ болѣе, что ему извѣстны предположенія мои по разнымъ частямъ устройства вообще арміи нашей, и онъ можетъ передать вамъ общія соображенія, кои съ пользою вы приложите къ войску Донскому“. Членомъ же отъ министерства юстиціи былъ назначенъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Болгарскій. Съ прибытіемъ на Донъ Чернышева въ томъ же 1819 г., былъ открытъ въ Новочеркаскѣ „комитетъ объ устройствѣ войска Донскаго“, какъ назывался онъ офиціально. Какъ и слѣдовало ожидать, комитетъ не могъ окончить свои занятія въ назначенный срокъ, къ тому же среди этогоослѣдовали и значительныя измѣненія въ его составѣ. Атаманъ Денисовъ, защищая интересы станичныхъ обществъ, вооружилъ противъ себя сословіе вліятельныхъ донскихъ помѣщиковъ и, въ то же время, онъ былъ несогласенъ съ мнѣніемъ генерала Чернышева во взглядахъ на нѣкоторые вопросы, разбираемые въ комитетѣ. Обвиненный во введеніи питейнаго откупа въ войскѣ Донскомъ безъ разрѣшенія правительства, Денисовъ былъ отрѣшенъ отъ атаманства и отъ предсѣдательства въ комитетѣ. Мѣсто его въ комитетѣ занялъ генералъ-адъютантъ Чернышевъ. Съ этого времени всѣ занятія комитета ве-

лись по мысли и плану Чернышева; Болгарскій же былъ усерднымъ исполнителемъ всѣхъ предположеній предсѣдателя. Приступая къ своимъ занятіямъ, комитетъ встрѣтилъ многіе недостатки въ управленіи какъ по военной, такъ и по гражданской частямъ войска Донскаго: всѣ дѣла по военному управленію зависѣли отъ воинской экспедиціи, которая управлялась однимъ изъ членовъ войсковой канцеляріи; на всемъ пространствѣ войска не было никакой посредствующей военной власти; сама экспедиція не имѣла никакихъ положительныхъ правилъ для руководства при нарядахъ на службу въ станичныхъ правленіяхъ, гдѣ не соблюдалось равенства въ нарядахъ и, какъ говоритъ одинъ изъ старожиловъ, „часть воинская во всѣхъ видахъ соединяла въ себѣ позорище торговаго рынка". Многіе бѣдные казаки выходили на службу безъ всякаго пособія отъ войска. По внутренней службѣ — казаки, кромѣ другихъ повинностей, несли и почтовую гоньбу, которая доводила ихъ до крайняго разоренія. Пожалованная пенсіонная сумма, 20,000 р. ежегодно, для вдовъ и сиротъ убитыхъ въ сраженіяхъ, употреблялась совсѣмъ на другіе предметы. Всѣ части войсковаго гражданскаго управленія сосредоточивались въ одной войсковой канцеляріи. Окружныя начальства представляли собою уѣздные и земскіе суды вмѣстѣ. Для разбирательства дѣлъ торговаго общества, основаннаго еще въ 1804 г., не было никакого особаго учрежденія; одно только изъ войсковыхъ учрежденій было хорошо устроено, это:—станичное управленіе; но и оно, по произволу многихъ атамановъ, подвергалось частымъ измѣненіямъ. По управленію войсковымъ хозяйствомъ не было никакой правильной отчетности. Доходы и расходы войска были въ самомъ запутанномъ положеніи. Такъ, по требованію комитета, войсковая канцелярія, за одинъ годъ показала дохода до 720,000 руб.; по другому же требованію, за два года, въ томъ числѣ и за показанный уже, выставлено было всего дохода только 711,000 руб. Также, сначала показано было штатныхъ расходовъ не болѣе 250,000 въ годъ, но кромѣ этого открыто еще не штатныхъ расходовъ, сдѣланныхъ по волѣ войсковаго атамана, до 727,000 руб.

Съ самаго начала открытія комитета обращено было особенное вниманіе на правильное распредѣленіе между станицами и чиновниками войсковыхъ земель. Прежде всего признано необходимымъ посредствомъ съемки по правиламъ межеванія привести въ извѣстность общее количество войсковыхъ земель. Этою съемкою открыто: пространство земель войска Донскаго такъ велико, что не только могутъ быть удовлетворены землею всѣ жители войска, но еще должно остаться значительное количество свободной земли

въ запасѣ. Но при всемъ томъ, многія станицы до того стѣснены въ поземельномъ довольствіи, что имѣютъ только отъ 11 до 8 и даже до 6 десят. на душу, между тѣмъ какъ помѣстные чиновники захватили столько земли, что на каждую душу ихъ крестьянъ приходится отъ 100 до 300, а у нѣкоторыхъ отъ 500 до 1000 десятинъ. Для кочевья калмыковъ не было опредѣленныхъ границъ и, они, по произволу, кочевали на всемъ пространствѣ задонскихъ степей. Также точно для частныхъ конскихъ табуновъ занималось произвольное пространство, тамъ поселялись крестьяне и производилось въ значительныхъ размѣрахъ хлѣбопашество. Труды свои комитетъ окончилъ только въ 1822 г. и составленное имъ положеніе о войскѣ Донскомъ было представлено на высочайшее утвержденіе; но государь императоръ, прежде чѣмъ утвердить это положеніе, приказалъ просмотрѣть его назначеннымъ отъ войска депутатамъ,—удовлетворяетъ ли оно потребностямъ войска. Уже приготовлялись къ отправленію въ Петербургъ войсковые депутаты и все войско готовилось ко встрѣчѣ государя въ Новочеркаскѣ, какъ внезапная кончина его въ Таганрогѣ измѣнила и замедлила самый ходъ дѣла. Только въ 1826 г. вызваны были четыре депутата отъ войска для пересмотра положенія, которое, послѣ того, поступило въ государственный совѣтъ и только въ 1835 г., 26 мая, было Высочайше утверждено. Для введенія въ дѣйствіе новаго положенія были отправлены на Донъ сенаторы—Княжнинъ и бывшій членъ комитета Болгарскій. 1-го января 1836 г. было открыто войсковое правленіе войска Донскаго въ присутствіи войсковаго наказнаго атамана и всѣхъ чиновниковъ, выбранныхъ въ войсковыя присутственныя мѣста. Въ рѣчи своей, произнесенной по этому случаю, сенаторы, Княжнинъ и Болгарскій, указали на слѣдующія выгоды, какія получало войско Донское съ введеніемъ въ дѣйствіе новаго положенія: казаки освобождались отъ тягостной для нихъ повинности—почтовой гоньбы; доходъ, получаемый войскомъ отъ питейной продажи, съ уничтоженіемъ бывшаго питейнаго откупа увеличился почти вдвое; составленъ военный капиталъ для пособія бѣднымъ казакамъ при нарядѣ ихъ на службу, а самое главное—новымъ положеніемъ войсковыя земли распредѣлялись уравнительно между жителями войска; всѣмъ станицамъ назначалась земля по числу душъ мужескаго пола, полагая по 30 десят. на душу; чиновники, владѣющіе крестьянами, получали въ потомственную собственность по 15 десятинъ на каждую душу 8 ревизіи; безпомѣстные чиновники надѣлялись по чинамъ своимъ пожизненными участками. Основныя начала положенія 1835 г. относительно управленія войска Донскаго состоятъ въ слѣдующемъ: званіе войсковаго атамана всѣхъ казачьихъ войскъ предоставлено его импе-

раторскому высочеству, наслѣднику цесаревичу; непосредственное же начальствованіе войскомъ Донскимъ ввѣрялось наказному атаману, который управляетъ военною частію—черезъ войсковое дежурство, а гражданскою—черезъ войсковое правленіе, при чемъ ему присвоены права военнаго губернатора, управляющаго и гражданскою частію. Ближайшимъ помощникомъ наказнаго атамана считается начальникъ штаба, который заступаетъ его мѣсто въ случаѣ отлучки, болѣзни, или смѣны. Въ военномъ отношеніи войско Донское было раздѣлено на четыре и въ гражданскомъ на *семь* округовъ. Первые въ вѣдѣніи окружныхъ генераловъ, а вторые—сыскныхъ начальниковъ. Всѣ чиновники, владѣющіе потомственною землею, имѣютъ право голоса на дворянскихъ выборахъ, гдѣ избираются чиновники въ административныя и судебныя учрежденія, а также и окружные генералы.

Еще задолго до обнародованія положенія, по окончаніи турецкой и персидской войнъ, въ 1832 г., въ первый разъ прислана была высочайшая грамата съ такимъ титуломъ: „на Донъ въ нижніе и верхніе юрты, нашимъ атаманамъ, войсковому атаману, любезнѣйшему сыну нашему, его императорскому высочеству государю наслѣднику всероссійскаго престола, правительству войска Донскаго и всему оному знаменитому войску, намъ вѣрнолюбезному.“ — Въ этой граматѣ переданы „во всенародное свѣдѣніе“ подвиги Донскихъ казаковъ въ персидскую и турецкую кампаніи 1826, 27 и 29 годовъ, когда казаки участвовали болѣе чѣмъ въ 70 отдѣльныхъ сраженіяхъ и сверхъ того были при штурмѣ и взятіи крѣпостей Браилова, Шумлы, Журжи, Силистріи и другихъ.

Послѣ закубанскаго похода Суворова, вѣковая борьба Донскихъ казаковъ съ горскими народами продолжалась уже за предѣлами войска Донскаго. Дальше и дальше, въ глубь кавказскаго предгорья, отодвигались русскія границы, и войско Донское попрежнему высылаетъ изъ среды себя переселенцевъ для закрѣпленія этихъ границъ, а боевые полки для защиты и распространенія русскихъ владѣній на Кавказѣ и за Кавказомъ. Въ теченіе всей кавказской войны Донскіе казаки принимали въ ней самое дѣятельное участіе; такъ, по имѣющимся свѣдѣніямъ, за одинъ періодъ времени съ 1836 г. по 1864 г., на Кавказѣ и въ Грузіи перебывало на службѣ около 100,000 челов. Донцовъ; всего же съ начала кавказской войны принимало къ ней участіе не менѣе 226,000 Донцовъ; изъ нихъ, по офиціальнымъ отчетамъ, числится убитыхъ и отъ ранъ умершихъ съ 1836 по 1864 г. — 1,763 челов., а умершихъ отъ болѣзней болѣе 16,000 челов. Кромѣ того, съ 1846 г. начались почти ежегодныя переселенія Донскихъ казаковъ на Лабу и Сунжу для постояннаго тамъ жительства. Въ теченіе 18 лѣтъ переселено

было 2,811 семействъ, заключавшихъ въ себѣ 5,061 муж. пол. и 4,932 жен. п., или безъ малаго 10,000 душъ обоего пола.

О службѣ Донскихъ полковъ на Кавказѣ такъ отозвался кавказскій намѣтникъ, великій князь Михаилъ Николаевичъ, въ своемъ приказѣ по кавказской арміи: „Храбрые Донцы въ теченіе 60 лѣтней кавказской войны постоянно дѣлили съ русскими войсками и труды и славу военныхъ подвиговъ, и многіе изъ этихъ подвиговъ займутъ почетное мѣсто въ исторіи".

Кромѣ службы на Кавказѣ и Грузіи, донскіе полки и батареи, съ начала настоящаго столѣтія, постоянно находились на службѣ въ Польшѣ, въ Финляндіи и Бессарабіи. Всѣхъ Донскихъ казаковъ въ этихъ мѣстахъ, съ 1836 по 1866 г., было болѣе 100 т. челов. Въ послѣднюю восточную войну, войско Донское, по примѣру отечественной войны 1812 г., выставило поголовное ополченіе въ числѣ 87 полковъ и 14 батарей, что составляло болѣе 82,000 челов.—Съ 1805 года въ войскѣ Донскомъ считалось служилыхъ чиновниковъ, казаковъ и малолѣтковъ 46,331 челов. Передъ отечественной войной войско Донское могло уже выставить до 60,000 воиновъ. По окончаніи войны 1812, 13 и 14 г., изъ этого числа осталось 37,658 чел. Въ слѣдующіе годы число казаковъ опять постепенно увеличивается, и въ 1822 году доходитъ до 59 т. За періодъ времени съ 1822 по 1836 годъ число служилыхъ казаковъ почти не увеличилось. Начиная же съ 1836 г., мы имѣемъ положительныя свѣдѣнія, сколько ежегодно состояло Донскихъ казаковъ на службѣ внѣ предѣловъ войска. Такъ съ 1836 г. по 1841 г. число служащихъ на внѣшней службѣ не превышало 21 т., съ 1841 по 1848 г., т. е. до начала Венгерской войны, это число доходитъ до 30 т., т. е. въ это время почти $^3/_8$ всего военнаго состава войска находилось на постоянной внѣшней службѣ. Во время Венгерской войны войско Донское выставило 46 т., въ послѣдующіе годы число это уменьшилось до 39 т., но и тогда почти половина всѣхъ служилыхъ были на службѣ. Начиная съ 1853 г. замѣтно увеличивается число служащихъ на внѣшней службѣ и въ 1855 г., т. е. въ самый разгаръ восточной войны, доходитъ до 82 т. Затѣмъ опять число это постепенно уменьшается до 1862 г., когда состояло на внѣшней службѣ всего 27 т., что составляло только третью часть всего служилаго состава войска. Польскій мятежъ 1863—1864 г. вызвалъ усиленные наряды Донскихъ полковъ на внѣшнюю службу. Въ это время всѣхъ служащихъ внѣ войска было 37 т. Въ настоящее же время на внѣшней полевой службѣ состоитъ всего 16 полковъ, 2 дивизіона лейбъ-гвардіи и 1 батарея; въ нихъ числится 15 т. человѣкъ.

Когда со времени обнародованія положенія о войскѣ Донскомъ

1835 г. прошло двадцать пять лѣтъ—опытъ показалъ, что многія постановленія, съ развитіемъ народной жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ гражданственности, оказались уже неудобопримѣнимыми, устарѣлыми,— съ другой же стороны явились новыя требованія жизни, какія не были предусмотрѣны положеніемъ 1835 г. и, слѣдовательно, нуждались въ опредѣленныхъ узаконеніяхъ. Многосложность и разнородность дѣлъ въ главномъ войсковомъ административномъ учрежденіи — въ войсковомъ правленіи, неизбѣжно рождали медленность и запутанность въ дѣлопроизводствѣ; излишняя же централизація по гражданскому управленію не улучшила ни станичнаго управленія, ни станичнаго хозяйства, а между тѣмъ пріучила станичныя общества къ вредной опекѣ и значительно стѣснила кругъ ихъ самоуправленія. Различныя отрасли войсковаго хозяйства сосредоточились въ одной экспедиціи и были въ самомъ запущенномъ положеніи. Новые роды гражданской службы и большая потребность въ людяхъ, посвятившихъ себя спеціально административной, юридической или учебной службѣ, вызывали рѣзкое раздѣленіе гражданскихъ чиновъ отъ военныхъ. — По всему этому, въ теченіе всего двадцатипятилѣтія издавались новыя постановленія, которыя или измѣнили, или дополнили положеніе 1835 года. Такихъ измѣненій и дополненій накопилось очень много, и потому, въ 1859 года, наказный атаманъ Хомутовъ ходатайствовалъ о томъ, чтобы учрежденъ былъ комитетъ для приведенія въ систему изданныхъ послѣ 1835 г. узаконеній о войскѣ Донскомъ, на что въ слѣдующемъ году и послѣдовало высочайшее соизволеніе. Комитету для составленія проекта положенія о войскѣ Донскомъ, кромѣ пересмотра положенія 1835 года и приведенія въ одно цѣлое вышедшихъ послѣ узаконеній, поручалось также и составить проектъ тѣхъ измѣненій и дополненій въ дѣйствующемъ положеніи, которыя признаны будутъ необходимыми по мѣстнымъ обстоятельствамъ и соотвѣтствующими времени и потребностямъ края. Срокъ для работъ комитета назначался не болѣе одного года. Составленный только изъ трехъ лицъ, по назначенію наказнаго атамана, комитетъ, желая сообразоваться съ мнѣніемъ разныхъ учрежденій и людей опытныхъ при обсужденіи разныхъ вопросовъ, касающихся управленія войска, призналъ нужнымъ обратиться къ разнымъ лицамъ съ приглашеніемъ заявлять свои мнѣнія по указаннымъ предметамъ. Послѣ критической разработки всѣхъ представленныхъ мнѣній, нуждъ и желаній, комитетъ думалъ приступить къ проектированію новыхъ постановленій, но какъ въ теченіе одного года онъ не успѣлъ окончить своихъ занятій, то срокъ его существованія былъ продолженъ еще на годъ. Между тѣмъ мѣстное общество все болѣе и болѣе стало заинтересовываться работами комитета. Стали по-

являться разнорѣчивые толки относительно проектированія тѣхъ или другихъ положеній и, при отсутствіи гласности, принимали самые невѣроятные размѣры. Говорили, что въ комитетъ подано мнѣніе вліятельныхъ лицъ, о томъ, чтобы мѣстныя войсковыя учрежденія были подведены подъ общій уровень губернскихъ учрежденій, что всѣ права и преимущества войска должны быть уничтожены.—Въ то время въ губерніяхъ еще не было ни земскихъ учрежденій, ни новыхъ гласныхъ судовъ и поэтому, при сравненіи губернскихъ учрежденій съ дѣйствующимъ войсковымъ положеніемъ, всѣ отдавали предпочтеніе послѣднему, по тому широкому примѣненію выборнаго начала къ составу административныхъ и судебныхъ учрежденій, какое установлено было положеніемъ 1835 года.

Въ виду этой-то, воображаемой опасности, которая какъ будто угрожала кореннымъ войсковымъ учрежденіямъ, въ Новочеркаскѣ замѣтно было нѣкоторое броженіе умовъ; въ станицахъ, не смотря на доходившіе туда слухи, господствовало совершенное спокойствіе. Высочайшая грамата, послѣдовавшая 8 сентября 1863 года, положила конецъ всякимъ недоразумѣніямъ.—Этою граматою подтвердились всѣ права и преимущества войска и *ненарушимость настоящаго образа его служенія* и, въ тоже время въ „облегченіе трудной службы Донскихъ казаковъ и для предоставленія имъ болѣе способовъ къ улучшенію домашняго быта,“ срокъ полевой службы сократился съ 25 на 15 лѣтъ. Послѣ этой высочайшей граматы нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора, всѣ толки о судьбахъ войска прекратились сами собою, ибо грамата, оставляя неприкосновеннымъ образъ служенія войска, дала свободный ходъ гражданскому и экономическому развитію края сокращеніемъ срока казачьей службы.

Въ томъ же 1863 г., по ходатайству войсковаго начальства, Всемилостивѣйше разрѣшено—по составленіи войсковымъ комитетомъ проекта новаго положенія, вызвать въ комитетъ выборныхъ депутатовъ отъ всѣхъ станицъ войска и, въ случаѣ какихъ либо съ ихъ стороны замѣчаній на проектъ, представить оныя на разсмотрѣніе военнаго министерства.

Въ 1864 году, войсковой кодификаціонный комитетъ окончилъ свой проектъ основныхъ началъ положенія о войскѣ Донскомъ и представилъ его въ военное министерство. Въ ожиданіи утвержденія этого проекта, комитетъ занялся разработкою отдѣльныхъ вопросовъ по войсковому управленію; съ открытіемъ же комитета при управленіи иррегулярныхъ войскъ, онъ былъ упраздненъ. Въ 1866 г. составленіе проектовъ, по разнымъ частямъ войсковаго управленія, поручалось усмотрѣнію войсковаго начальства. Такъ въ атаманство генералъ-адъю-

танта Потапова, въ теченіе двухъ лѣтъ, выработано было и представлено на утвержденіе высшаго правительства до тридцати, довольно сложныхъ проектовъ, по разнымъ частямъ войсковаго управленія. Всѣ эти проекты поступали на разсмотрѣніе главнаго центральнаго комитета при управленіи иррегулярныхъ войскъ, въ который также вызваны были и представители отъ всѣхъ казачьихъ войскъ. Главная цѣль какъ всѣхъ мѣстныхъ преобразовательныхъ работъ, такъ и занятій центральнаго комитета о пересмотрѣ казачьихъ положеній, ясно указана въ слѣдующихъ словахъ Государя Императора, обращенныхъ къ депутатамъ казачьихъ войскъ, прибывшимъ въ Петербургъ. „Я желаю, чтобы казачьи войска, оказавшія столько незабвенныхъ заслугъ отечеству, сохранили и на будущее время свое воинское назначеніе. Твердо надѣюсь, что казаки и впередъ, когда понадобится, выкажутъ себя такими же молодцами, какими были всегда. Но я, вмѣстѣ съ тѣмъ желаю, чтобы въ устройствѣ казачьихъ войскъ военное ихъ назначеніе было сколько возможно согласно съ выгодами гражданскаго быта и хозяйственнаго благосостоянія. Казачье населеніе, отбывая по прежнему военную свою обязанность, можетъ и должно въ тоже время пользоваться общими для всѣхъ частей имперіи благами гражданскаго благоустройства. Къ этой главной цѣли должны клониться ваши труды, и мнѣ пріятно будетъ видѣть, если вы достигнете ея.“ Эти незабвенныя слова Государя Императора, встрѣченныя съ восторгомъ всѣми сословіями войска Донскаго, стали неизмѣнною программою всѣхъ преобразовательныхъ работъ, какъ мѣстной администраціи, такъ и центральнаго комитета при главномъ управленіи иррегулярныхъ войскъ.

Среди множества полицейскихъ и административныхъ преобразованій въ войскѣ Донскомъ, въ январѣ 1868 года состоялся законъ о предоставленіи полнаго права поземельной собственности Донскимъ помѣщикамъ и о дозволеніи продажи ихъ земель. Законъ этотъ составляетъ эру въ историческомъ развитіи поземельной собственности въ войскѣ Донскомъ. Онъ первый уничтожилъ вѣковую замкнутость войска и возвысилъ цѣнность донскихъ земель.

Переходъ земель въ полную частную собственность, кромѣ возвышенія цѣнъ на самыя земли, имѣлъ еще то благодѣтельное послѣдствіе, для государства вообще и для Донскаго края въ особенности, что минеральныя богатства, скрытыя въ нѣдрахъ войсковыхъ земель, будучи предоставлены вмѣстѣ съ поверхностью въ собственность частныхъ же лицъ, вызываютъ значительныя промышленныя предпріятія къ разработкѣ этихъ богатствъ, а такіе продукты, какъ антрацитъ, каменный уголь, желѣзныя и другія руды, лежащіе громадными залежами почти по всей Донской территоріи, сулятъ неисчерпаемые ис-

точники будущаго благосостоянія. Вмѣстѣ съ тѣмъ прокладываются рельсовые пути, изъ которыхъ одинъ, врѣзавшійся съ юго-запада въ предѣлы войска Донскаго—это Харьковско-азовская желѣзная дорога, прошедшая самыя изобильныя во всѣхъ отношеніяхъ мѣстности міусскаго и черкасскаго округовъ, открытый уже въ прошломъ году и два другіе—Воронежско-ростовскій и Борисоглѣбско-царицинскій, къ сооруженію коихъ уже приступлено, пересѣкутъ войско Донское въ разныхъ направленіяхъ и, безъ сомнѣнія, вызовутъ новую промышленную жизнь въ тѣхъ мѣстностяхъ Донскаго края, которыя находились въ застоѣ до настоящаго времени только по единственной причинѣ—недостатка удобныхъ путей сообщенія.

Не прошло и году, какъ воспослѣдовало другое узаконеніе, которое дало казачьему населенію свободу при выборѣ служебной и частной дѣятельности. Это законъ объ освобожденіи казачьихъ офицеровъ и чиновниковъ отъ обязательной службы, о дозволеніи лицамъ казачьяго сословія исключаться изъ онаго, перечисляться въ другія войска и служить внѣ своихъ войскъ и о зачисленіи въ казачьи войска лицъ не войсковаго сословія. Въ одинъ и тотъ же день было Высочайше утверждено другое благодѣтельное для казачьяго сословія узаконеніе, о новомъ устройствѣ въ казачьихъ станицахъ. Итакъ, за короткое время, состоялось нѣсколько весьма важныхъ узаконеній, которыя открываютъ широкій просторъ для развитія гражданскаго быта и хозяйственнаго благосостоянія Донскаго края, согласно Высочайшей волѣ, выраженной въ рѣчи къ казачьимъ депутатамъ. Поземельныя довольствія казачьихъ станицъ, сообразно умноженію народонаселенія, должны быть увеличены до нормальной пропорціи—30 десятинъ на душу; съ сокращеніемъ же сроковъ казачьей службы и съ уменьшеніемъ наряда Донскихъ полковъ, благодаря 14 лѣтнему мирному времени, матеріальное благосостояніе казачьихъ станицъ съ каждымъ годомъ возрастаетъ все болѣе и болѣе.—Вслѣдствіе этого обстоятельства, а также и вслѣдствіе полезныхъ преобразованій по военному управленію, въ послѣднее время выходившіе съДону полки обратили на себя вниманіе своимъ исправнымъ вооруженіемъ и военною выправкою: введенная система инструкторскаго обученія военному дѣлу малолѣтковъ, какъ нельзя болѣе примѣнима къ казачьему быту и образу службы и, поэтому, не замедлила обнаружить самые блестящіе результаты.—Наконецъ, закономъ 8 мая 1869 года, дозволяющимъ казакамъ поступать въ торговое общество безъ ограниченія числа членовъ онаго, предоставлено возможное развитіе для торговли и ремеслъ въ войскѣ Донскомъ. Незабвенный указъ 19 февраля 1861 г., освободивъ изъ крѣпостной зависимости почти цѣлую треть донскаго населенія, повліялъ на возвышеніе матеріальнаго бла-

госостоянія и донскихъ крестьянъ, изъ которыхъ большая часть (до 80 т. муж. пола) сдѣлались поземельными собственниками.—На слова Высочайшаго манифеста: „да развивается повсюду стремленіе къ просвѣщенію,“ войско Донское въ числѣ первыхъ областей въ Имперіи отозвалось быстрымъ развитіемъ у себя народнаго образованія: за послѣднее десятилѣтіе на Дону открыто болѣе 700 народныхъ училищъ, и около 10 т. казачьихъ дѣтей учатся въ этихъ школахъ. Однимъ словомъ, благодѣтельныя реформы настоящаго царствованія коснулись почти всѣхъ сословій войска. Остается еще сословіе безпомѣстныхъ чиновниковъ, которое съ твердою надеждою ждетъ милостиваго царскаго слова, когда и они на ряду съ другими войсковыми сословіями сдѣлаются полноправными собственниками. Всѣмъ же сословіямъ войска Донскаго остается еще желать и ждать того счастливаго времени, когда всѣ благодѣтельныя учрежденія настоящаго благополучнаго царствованія, которыя введены въ другихъ частяхъ имперіи, коснутся и земли войска Донскаго, когда на Дону будутъ введены и земскія учрежденія и новые, скорые и правые, суды. Тогда только окончательно будетъ исполнена Высочайшая воля, выраженная въ словахъ: „казачье населеніе, отбывая попрежнему воинскую свою обязанность, можетъ и должно въ тоже время пользоваться общими для всѣхъ частей имперіи благами гражданскаго благоустройства.“

КОНЕЦЪ.

Историческое общество
БИБЛІОТЕКА
Опись 62

ОПЕЧАТКИ.

Стр.	Строк.	Напечатано.	Слѣдуетъ.
1	4	вамъ	имъ
---	5	не послушны	и послушны
2	20	гудовой	судовой
3	6	черкесы	черкасы,
---	27	низовымъ; то неимянно:	низовымъ, и то неимянно; а
---	34	22,000,	29,000,
4	30	расловскія;	рославскія;
11	23	3,000	30,000
12	29	2 деньги	9 денегъ
14	3	поромной	погромной
15	3	1,100	1,000
---	36	на Темрюкѣ,	на Темерникѣ,
---	39	1624	1625
21	12	1636	1637
26	18	1709	1719
---	35	1750	7150
31	16	обзоръ	образъ
---	34	на хуртины	да хуртины
34	40	черкасъ,	черкесъ,
43	26	Саморенина,	Самаренина,
44	7	притокѣ	протокѣ
45	14	съ княземъ	съ княземъ Черкасскимъ
50	11	взять и	взятья
52	18	на камнѣ	на камкѣ
---	33	и про благодарность	и при благодарности
55	19	въ однихъ	въ одномъ
59	20	городъ	городокъ
65	1	Бохты	Бахты
71	4	малолѣтства	малолюдства
73	28	на обсужденіе	па обсужденіе старшинамъ
78	35	не кладывать...	не накладывать...
79	8	казаковъ	изъ казаковъ
89	38	на Астрахань,	на Аграхань,
92	20	Медвѣдицкой	Малодѣльской
---	21	Болодѣ.	Боландѣ.
97	29	по Аграхань.	по Аграхани.
100	10	Капылковъ,	Капациновъ,
103	34	наднись.	подпись.
105	20	готовыхъ	годовыхъ
---	24	дьяковъ	дьяконовъ
106	2	старшиннаго	стариннаго
107	31	1768	1798
108	3	1799	1798
---	36	2,670,000	1,670,000
109	11	22-го	12-го
122	16	согласно	согласовано
124	6	700	100

A
3
Кодоцер
54